

Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Научный журнал Выпуск №3 2007 г.
издается с 2006 г.

СЕРИЯ «ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ», 2007, №2, ЯНВАРЬ-ИЮНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора серии..... 5

ЛИНГВИСТИКА

Кольцова Л.М. Заголовок в структуре художественного текста..... 6

Новикова О.В. Симметрия и асимметрия в сложноподчиненных предложениях с местоименно-соотносительным словом *такой* и реально-предположительными союзами 19

Сычева Л.В. Своеобразие использования иноязычных вкраплений в произведениях М. Булгакова..... 33

Воронова Т.А. Лексические и стилистические особенности стихотворных посвящений А.А. Тарковского..... 37

Крючкова Т.М. Экспрессивность как неожиданность употребления языковых средств в произведениях Т.Толстой..... 42

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

Курочкина О.Ф., Загоруйко Т.И. Личностные качества преподавателя и его роль в подготовке специалиста..... 47

Ухина Т.Ф. Особенности перевода и употребления сложного дополнения 50

Лукина Л.В. Цели и методы обучения иностранным языкам в историческом и лингводидактическом контексте..... 56

Кочнева М.Г. Об основных правилах и принципах перевода иноязычного технического текста..... 62

Нефедова Н.М., Королько И.В. Заимствование из английского языка терминов тюнинга автомобилей..... 71

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Подвигина Н.Б. О восприятии предметов религиозного культа героями произведения И.С. Шмелева «Лето Господне»..... 76

Ревякина Т.Л. Особенности функционирования языковых единиц в интертексте (на материале поэзии О.Э. Мандельштама).....	80
--	----

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Панкина М.Ф. Типы семантической сочетаемости глаголов самостоятельного перемещения в немецком языке.....	88
Журавлева Е.А. Контекстуальный анализ лексемы «soul» в романе У.С. Моэма «The painted veil» («Разрисованный занавес»).....	94
Суханова Т.В. Теоретические проблемы изучения языковой личности.....	99
Коростылева Н.Н. Технологии гендерного общения.....	105

КОНЦЕПТОЛОГИЯ

Безатосная О.М. Концепт «свет» в рассказах Б.Зайцева.....	114
Хаустова Э.Д. Когнитивная интерпретация русских и английских паремий с наименованиями обуви и одежды.....	119
Ковалева Л.В. Концепты «трусливый» и «скромный» в немецкой и русской лингвокультурах.....	125

Вступительное слово редактора серии

Предлагаем вниманию читателей третий выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, подготовленный к изданию кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации международного факультета, в котором отражены теоретические и практические результаты современных лингвистических исследований.

Важным является тот факт, что авторы данного выпуска – доктора и кандидаты наук как воронежских вузов, так и вузов Украины (Николаевский Государственный Гуманитарный Университет им. П.Могилы, Донецкая национальная архитектурно-строительная академия), а также молодые ученые (аспиранты, соискатели ВГУ и ВГАСУ).

Настоящая серия состоит из пяти разделов: *I* - «Лингвистика», *II* - «Методика преподавания языков», *III* - «Лингвокультурология», *IV* - «Межкультурная коммуникация», *V*- «Концептология».

Раздел «Лингвистика» представляет статьи, в которых обсуждаются актуальные проблемы русского языка, его структуры, элементов, лексики (асп. Воронова Т.А.), синтаксиса (асп. Новикова Н.И.), а также другие направления современной лингвистики.

Второй раздел - «Методика преподавания языков» - посвящен исследованию методических проблем преподавания русского и ан-

глийского языков (доц. Лукина Л.В., доц. Кочнева М.Г.).

В третьем разделе - «Лингвокультурология» - опубликованы работы, предметом изучения которых являются актуальные вопросы языковой картины мира, роль национальных языковых факторов, особенности этноса (доц. Панкова Т.В).

Четвертый раздел - «Межкультурная коммуникация» - представляет работы, охватывающие иностранные языки. В них описываются национальные особенности языков и их влияние на межкультурное общение.

Пятый раздел - «Концептология» - посвящен анализу различных видов концептов, их структуры, а также взаимодействию концептов с семантикой языка. Данный раздел представлен работами ученых проф. Ковалевой Л.В., ст. преп. Безатосной О.М., асп. Подвигиной Н.Б. и др.).

Представленные в третьем выпуске серии научные работы охватывают широкий спектр актуальных проблем современной лингвистики, методики и межкультурной коммуникации.

*Зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации, д.ф.н., проф.
Ковалева Л.В.*

ЛИНГВИСТИКА

УДК 801.561.72:808.2

Н.Н. Лапынина

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СЛОВАРНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА ПОД ВЛИЯНИЕМ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье анализируется современная языковая ситуация, рассматриваются изменения, происходящие в лексической подсистеме русского языка в условиях глобализации под влиянием английского языка, обсуждается проблема разрушения системно-структурной целостности литературного русского языка.

Живое русское слово... Как и в каких условиях функционирует оно в начале третьего тысячелетия? Каким образом отражает стремительно меняющийся мир и опыт предшествующих эпох и поколений? Способствует ли по-прежнему формированию духовного мира современного человека? Как ощущает себя русское слово в мировом языковом пространстве и удаётся ли ему противостоять натиску разрушительных сил?

Эти и другие вопросы очень волнуют сегодня учёных, преподавателей и журналистов, общественных деятелей, поскольку происходящие в России процессы, связанные с проводимыми реформами, её активное включение в общемировую систему оказывают существенное влияние на современную русскую речь и на язык в целом.

Сегодня процесс глобализации стал объективной реальностью. С одной стороны, политическая, экономическая и культурная интеграция народов приводит их к сближению, к осознанию своих стран как неотъемлемых частей общего цивилизованного мира, к смещению акцентов на

общечеловеческие приоритеты, к взаимообогащению культур, а с другой стороны, процесс глобализации неизбежно ведёт к отрицательным последствиям для национальных культур и, в частности, для национальных языков: к межкультурной диффузии, к потере национальной самобытности.

Современная ситуация характеризуется тем, что на роль глобального средства межнационального общения претендует английский язык, который серьёзнейшим образом влияет и на русское языковое пространство, весьма существенно сократившееся за последнее время, и на наше национальное сознание, и на склад ума, и на характер мышления. Известно, что национальный язык во многом формирует национальное сознание народа, систему его национальных ориентиров, особую картину мира и своё особое отношение к нему. Если мы перенимаем другой язык, мы невольно перенимаем и другое отношение к миру, к нравственным ценностям, а это, в свою очередь, неизбежно влечёт за собой опасность утраты национального своеобразия. Так, для русского

народа всегда существовал приоритет нравственных ценностей над материальными, экономическими, социальными, корпоративными и прочими в отличие от США и стран Западной Европы, в которых преобладали и преобладают прагматические и индивидуалистические установки, резко контрастирующие с традициями русской соборности и духовной общности. Американские фильмы и телепередачи навязывают искушённому и неискушённому зрителю чуждую культуру, чуждый образ жизни: «рыночную мораль», «рыночную политику, рыночный образ жизни и рыночный язык» [1, 2].

Хорошее знание русского языка и владение им в нашей стране, к сожалению, попросту не престижно, вероятно, в силу того, что в русском коммуникативном сознании нет традиции положительно оценивать человека за хорошее владение родным языком и стремление совершенствовать знания в области родного языка в течение всей жизни. Знание же иностранного языка (в особенности английского) оценивается как весьма полезное и даже необходимое, для его изучения прилагаются особые усилия, затрачиваются немалые финансовые средства.

Таким образом, сложившаяся в российском обществе языковая среда не способствует воспитанию чувства любви к русскому языку. По мнению многих лингвистов, современная языковая ситуация характеризуется общим падением уровня языковой культуры во всех возрастных группах населения, безответственным речевым поведением и несоблюдением литературных норм, неоправданно широким использова-

нием элементов нелитературного языка и их проникновением в средства массовой информации и в сферу официального общения, агрессивным вторжением иноязычных слов [3].

Серьёзную обеспокоенность по поводу состояния национального языка и общего уровня духовной жизни народа выражают представители интеллигенции и православного духовенства. Так, обращаясь к участникам Соборной встречи «В защиту русского языка», Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в своём «Приветственном слове» подчеркнул: «Неоценимое культурное сокровище – русский язык, – к скорби нашей, уже десятилетиями подвергается сильнейшей деформации. Происходит его оскудение и засорение нелитературными словами, выражениями и жаргоном. Язык уродуется безграмотным произношением, массовым неоправданным заимствованием слов из других языков. Всё это должно побуждать всех, кому дорог великий язык великого народа, делать всё возможное, чтобы сохранить его чистоту и преумножить его выразительные богатства» [4]. Вспомним также ставшее широко известным высказывание А.И. Солженицына о том, что «надо спасать русский язык и русскую культуру».

Действительно современная ситуация такова, что «вопрос о том, как достичь роскоши и радости международного общения, а через него единства, сохраняя в целостности и свой язык, и свою культуру, – сегодня главный вопрос человечества» [5; 121].

Мы солидарными с исследователями, которые считают, что во избежание опасности разрушения национальной культурной и языковой континуальности в настоящий исторический момент необходимо выполнение двух основных условий: во-первых, осознание нацией значимости собственной национальной культуры и собственного национального языка, а во-вторых, проведение чёткой государственной политики, направленной на сохранение, сбережение и развитие национальной культуры, в первую очередь, общечеловеческих её идей и ценностей, на которых и должен базироваться культурный плюрализм [6; 11].

Проблема сохранения русского национального языка в России стоит весьма остро, перерастая из проблемы чисто научной в проблему национальной безопасности, поскольку язык – это мощная скрепа, удерживающая целостность государства.

Факты свидетельствуют о том, что на стыке второго и третьего тысячелетий в русском языке наметились существенные изменения, которые заявили о себе на самых разных его уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Эти изменения неоднородны. Одни из них носят частный характер, другие же, наоборот, так или иначе затрагивают все функциональные разновидности современного русского языка. При этом отмечается, что фонетические, морфологические и синтаксические трансформации в русском языке новейшего периода имеют менее выраженный характер в силу значи-

тельной закрытости фонетического и грамматического уровней языковой системы [7].

В большей степени активные процессы, происходящие в последние десятилетия в русском языке и в русской речи, затронули лексику и фразеологию, так как лексическая подсистема языка, непосредственно обращённая к действительности, самая подвижная и чувствительная.

Явно активизировался процесс заимствования иноязычной лексики. Это первая из характерных тенденций, которая отмечается всеми лингвистами. Произошло резкое количественное увеличение иностранных слов (особенно в устной речи). Наиболее активно процессы языковой агрессии протекают в сферах, связанных с экономикой, рыночными отношениями, массовой культурой, с использованием электронных средств связи. Например, в рекламе и шоу-бизнесе часто можно слышать такие слова, как *ток-шоу*, *дог-шоу*, *шоп-тур*, *кастинг*, *бомонд*, *китч*, *блок-бастер*, *тинэйджер*, *ди-джей*, *шейпинг-клуб*, и др., в общественно-политической сфере – *саммит*, *консенсус*, *конвенция*, *электорат*, *рейтинг*, *популизм*, *импичмент*, *истеблишмент*, *легитимность*, *спикер* и др.

Заимствуются в первую очередь иностранные слова, обозначающие новые профессии, новые области деятельности. Так, в деловой сфере общения высокой степенью частотности отличаются слова особого подъязыка – рыночного общения: *акционер*, *акционерное общество*, *аудит*, *аудиторская компания*, *бартер*, *брокер*, *бренд*, *ваучер*, *дефолт*, *дэмпинг*, *дэмпинговые цены*,

дилер, дистрибьютор, имидж, инвестиция, инвестор, клиринг, лизинг, маркетинг, менеджмент, менеджер, ноу-хау, офис, презентация, риэлтор, сэллер, сервис, трансферт, чартер и мн. др.

На фоне сокращения русского языкового пространства усилилась агрессия английского языка (особенно американского его варианта), претендующего на роль глобального языка и зачастую реально её выполняющего в силу того, что английский язык используется в качестве официального или одного из официальных языков более чем в семидесяти странах, более двух третей всех учёных пишут на английском, три четверти мировой почты и свыше 80% информации в электронных базах мира представлено на английском языке [5; 245]. Поэтому большая часть заимствований представляет собой *американизмы* английского происхождения (*дайджест, маркетинг, клиринг, холдинг* и др.), хотя встречаются заимствования из французского (*бутик, кутюрье, от кутюр*), итальянского (*мафиози, пицца, пиццерия*), немецкого (*гамбургер, гастарбайтер*) и других языков.

Словарный состав современного русского языка расширяется прежде всего за счёт слов, обозначающих новые для России понятия и реалии и заполняющих соответствующие денотативные и сигнификативные лакуны, например: *факс, ксерокс, ракет*. Значительная группа лексических инноваций обозначает явления, известные в России, но не имевшие в русском языке однословных наименований, ср.: *киллер* – наёмный убийца, *франчайзинг*

(*франчайзинг*) – форма экономического покровительства, при котором фирма, имеющая твёрдые позиции на рынке, предоставляет вновь образованной фирме оборудование, технологии, вспомогательные материалы, ноу-хау и товарные знаки.

Сам по себе процесс заимствования иноязычной лексики объективен и вполне естественен не только для русского языка. Однако сейчас этот процесс влечёт за собой появление в русском языке синонимов-дуплетов типа *лейбл – этикетка, шоп – магазин* и др. С одной стороны, в современной русской речи происходит неоправданная замена исконно русских слов или давно заимствованных и уже обрусевших лексических единиц, отражающих особенности национального сознания русского народа, новыми иностранными словами (например, *легитимный* вместо *законный*, *паритет* вместо *равноправие*, *имидж* вместо *образ, облик*, *презентация* вместо *открытие, представление, эксклюзивный* вместо *исключительный* и т.п.), а с другой – снижение уровня знания значений иностранных слов, увеличение числа слов, которые говорящие считают известными, но значения которых они в действительности знают ошибочно. Ср., например, как понимают значения некоторых иноязычных слов студенты 1 курса строительного и строительного-технологического факультетов: *прецедент* – «какое-то взаимодействие, спор», «нарушенное равновесие в обществе, спор, стычка», «неудобная ситуация», «причина, условие», «проблема», «что-то хорошее»; *беспрецедентный* – «безукоризненный», «не претен-

дующий на что-либо», «неожиданный», «лучший», «наилучший, безошибочный, наиболее благоприятный», «выполняющийся не по правилам», «без вопросов», «неоспоримый»; *инцидент* – «столкновение различных мнений, групп, порядков», «конфликт местного масштаба внутри одной страны», «неприятная беседа или спор».

На наших глазах происходит перераспределение активного и пассивного запаса иноязычной лексики, актуализируются слова, которые до недавнего времени квалифицировались словарями как устаревшие, например: *гувернер, волонтер, компания* (во 2 значении), *продюсер, резюме, клиент, казино, концерт* и др.

Появилась масса слов с иностранными аффиксами, в частности с аффиксом *-инг*: *рейтинг, мониторинг, инжиниринг, клиринг, лизинг, холдинг* и т.п.

Словообразовательные неологизмы весьма часто представляют собой словесные единицы, образованные способом сложения, что заставило лингвистов говорить о растущей тенденции к аналитическому словообразованию, ср.: *видеоаппаратура, видеотехника, видеоманитофон, видеокамера, видеокассета, видеоряд, видеорынок; бизнес-клуб, бизнес-сообщество, бизнес-центр, бизнес-семирнар; мини-маркет, мини-рынок, мини-ресторан; веб-страница, бренд-менеджер, дизайн-проект* и т.п.

Процесс влияния английского языка на русский можно наблюдать, в частности, и в аббревиации: *PR* – связь с общественностью, *SMS* – служба коротких сообщений.

Некоторые иноязычные слова и терминологические неологизмы дают густой пучок синтагматических и парадигматических связей, активную словообразовательную деривацию, ср.: 1) *инвестировать – инвестирование – инвестор – инвестиция – инвестиционный; доходность инвестиций, привлечение инвестиций, инвестиции пошли, защита инвесторов, инвестиционные технологии (риски, компании), инвестирование экономики (пенсионных накоплений, национальных проектов)*; 2) *франчайзинг, франчайзи, франшиза; франчайзинговый проект (марка, станция, деятельность)*.

Все эти факты свидетельствуют о том, что процесс пополнения русского языка новой иноязычной лексикой носит лавинообразный характер. Однако интенсивность этого процесса, по мнению лингвистов, к концу 90-х годов XX века начала постепенно снижаться. По прогнозу исследователей [1], будет происходить постепенное «массовое усвоение» иноязычной лексики, заимствованной в новейший период развития языка, большая её часть закрепится в профессиональных подъязыках, в основном же словарном фонде сохранятся лишь коммуникативно значимые лексические единицы, расширится состав интернационализмов и сформируется разряд глобализмов – лексем, используемых в неизменном виде практически всеми языками, на которых говорят народы ведущих индустриальных стран, окончательно сформируется интертекстуальность (широкое использование прецедентных текстов) бытового и публицистического дискурсов как результат глобализации сознания.

Наши прогнозы не столь оптимистичны. Мы разделяем тревогу тех ученых, которые агрессивное вторжение иностранных слов в русский язык рассматривают как негативную тенденцию, поскольку массовые лингвистические заимствования создают реальную угрозу разрушения семантического пространства русского языка, создают условия для разрушения русской национальной концептосферы, в которой отражены духовные основы русского самосознания, базирующегося на основах национального единения, соборности, исторического долга, преемственности поколений, преданности родной земле, на идеях сострадания, душевности, милосердия и др., поскольку сокращается традиционное лексическое ядро русского языка, разрушаются сложившиеся системные синонимические, парадигматические и синтагматические связи [6; 12].

Эта негативная тенденция, если ей не противостоять, может привести к утрате этническим русским языком национальной идентичности и к разрушению его как основы духовного единения нации.

Что же касается интертекстуальности, игры смыслами и интерпретациями, то следует заметить, что в публицистических текстах всё это очень часто становится средством манипулирования общественным сознанием.

Ещё одна тенденция, вызывающая тревогу и опасение, - тенденция к разрушению системно-структурной целостности литературного русского языка. Именно литературный язык как высшую разновидность национального языка от-

личают от других его форм прежде всего нормативность и устойчивость. В настоящее время эти кардинальные признаки литературного языка весьма существенно размываются. В современной речи резко возросло употребление жаргонизмов, просторечных и разговорных слов и выражений (вспомним хотя бы эмоциональные высказывания Президента России В.В.Путина во время официальных встреч и заявлений по поводу того, чтобы «мочить террористов в сортире» или «выковыривать из носа компромат»), заметно повысилась частотность употребления грубо-оценочных, вульгарных и нецензурных слов (*блин, морда, рожка, шмотьё, брехня* и т. п.).

Особенно остро проблема целесообразности применения данной лексики возникает ввиду активного её использования в речи образованных слоёв общества, в средствах массовой информации и в произведениях художественной литературы. Так, в современных условиях, когда сняты цензурные ограничения, нельзя игнорировать факт существования таких писателей, как Василий Аксёнов, Сергей Давлатов, Эдуард Лимонов, Юрий Алешковский и др. Например, по данным некоторых исследований [8], в романе В.Аксёнова «Остров Крым» насчитывается до 50 единиц внелитературной лексики, связанной с нарушением морально-этических норм, существующих в обществе.

Ряд исследователей «расширение словаря за счёт жаргона, просторечия» и даже ненормативной лексики пытаются связать «с поиском новых смыслов, новых идей», «с жи-

выми процессами, которые происходят в российском обществе» [9]. Однако сколь, мягко говоря, ничтожны эти «идеи» и «новые смыслы», если они требуют именно такой вербализации.

На самом деле на наших глазах происходит разрушение традиционной для русской языковой культуры триединой стилистической системы, предполагающей существование высокого, среднего и низкого стилей. По мнению О.В.Загоровской, в настоящее время в русской речи «практически утрачен высокий стиль; средний стиль воспринимается ныне как высокий, а вульгарный и низкий – как средний и вполне нейтральный». В новом «среднем» стиле особую активность проявляют жаргонизмы, просторечия и вульгаризмы, а также нарушения всех видов норм русского литературного языка [6; 14].

Негативная тенденция разрушения триединой стилистической системы русского языка, безусловно, является следствием смещения нравственных ориентиров не в сферу духовности, а в сферу грубой материальности, что, естественно, привело и к огрублению языка. Но, кроме того, здесь сказывается ещё и влияние на русскую языковую культуру чужеродных западных языковых норм, и - прежде всего - норм американской речевой культуры. Чтобы противостоять угрозе разрушения литературного языка, требуются совместные усилия квалифицированных специалистов (лексикологов и лексикографов, историков языка и грамматистов), педагогов, общественных деятелей и государства - Российского государства, последовательность политики которого бывает трудно понять, ко-

гда, с одной стороны, принимается федеральная программа «Русский язык», 2007 год объявляется годом русского языка, а с другой стороны, в этот же год сокращается план набора бюджетные места на филологических факультетах, дисциплина «Русский язык и культура речи» выводится из федерального компонента в новых государственных стандартах.

Таким образом, процесс глобализации всё более чётко проявляется в языке. Смерть национального языка и национальной культуры под воздействием глобального языка - случай, конечно, крайний. Однако опасность нивелирования культуры и языка под натиском глобализации реально существует. Остановить процесс глобализации невозможно, но сознательно на него воздействовать необходимо.

Многие из отмеченных явлений представляют серьёзную угрозу для самого существования русского литературного языка как национального достояния русского народа, хранилища его духовных богатств, накопленных многими поколениями. Духовные ценности, выработанные русскими более чем за тысячелетнюю историю своего существования, сегодня нуждаются в защите. Может быть, как никогда раньше, в бережном отношении и защите нуждается и сам «великий и могучий» русский язык. По-прежнему актуальны слова нашего земляка Ивана Алексеевича Бунина, сказанные им о Слове:

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.

Библиографический список

1. Стернин И.А. Развитие русского коммуникативного сознания и прогнозирование развития русского языка // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячеле-

тий: Мат-лы II Всероссийской научно-практической конференции. Ч.I. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2003. – С.63-66.

2. Тер-Минасова. Изменение социальной роли русского языка в современных условиях // Мир русского слова, 2002. - № 2. – С.28-29.

3. Современная языковая ситуация и совершенствования подготовки учителей-словесников: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Воронеж, 1995, 1996, 1997; Тер-Минасова. Там же; Караулов Ю.И. Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический и культурный плюрализм // Мир русского слова. – 2002. - №3. – С.26-29; Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Ч.I,II. – Воронеж, 2003.

4. Всемирный Русский Собор «В защиту русского языка» (Москва. Май 1994) // Бегин луг. – 1994. - №4. – С.85.

5. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики...: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.

6. Загоровская О.В. Проблемы сохранения национальной идентичности русского языка в эпоху глобализации в современном языковом пространстве // Русский язык в современном мире [Текст]: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. / Отв. ред. Л.В.Ковалева; Воронеж. гос. арх.-строит. ун-т. - Воронеж, 2007. – С. 10 - 15.

7. Загоровская О.В. Русский язык в начале третьего тысячелетия: состояние и перспективы развития // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Ч. I. – Воронеж, 2003. – С. 18.

8. Фролова О.С. Функциональные особенности вульгаризмов в романе В.Аксёнова «Остров Крым» // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: Материалы научно-методической конференции (часть I). – Воронеж, 1995. – С. 80-81.

9. Нестерская Л.А., Яценко И.И. Общие тенденции в языке современной русской литературы и газетной публицистики // Русский язык в современном мире [Текст]: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. / Отв. ред. Л.В.Ковалева; Воронеж. гос. арх.-строит. ун-т. - Воронеж, 2007. – С. 75.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 81.2Рус

Ю.В. Шпыг

РАЗГОВОРНАЯ И ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА XX - НАЧАЛА XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Понятие «просторечная лексика» - одно из самых дискуссионных в русской лексикологии и стилистике. В материале представлен его краткий диахронический анализ, рассматриваются основные принципы, положенные разными исследователями в основу классификации просторечных лексических единиц, а также варианты соотношения понятий «разговорная лексика» и «просторечная лексика», в том числе на рубеже XX-XXI веков.

Разговорная и просторечная лексика русского языка – две лексикологические дефиниции, объем, функционально-стилистические и экспрессивно-стилистические характеристики

которых до настоящего времени не получили однозначной трактовки в русистике. Дискуссионный характер вопроса обусловлен и влиянием традиции на проблему классифика-

ции языковых единиц разговорного употребления, и осознанием их изменчивой социолингвистической природы. Различные, а порой противоположные взгляды на названную проблему породили многочисленные варианты лексикографической фиксации разговорных и просторечных единиц, и стилистический аспект нормативного словаря был и остаётся одной из наименее разработанных проблем русской лексикографии [11].

Разговорная лексика (в узком понимании) – один из основных разрядов словарного состава общенационального русского языка. В нее входят слова, преимущественно употребляемые и распространенные в разговорной речи, в неформальном, непринужденном, неподготовленном общении в условиях межличностной коммуникации (*ябедничать, крылечко, глупыш, сказануть, селёдка, микроволновка* и пр.). Разговорная лексика вместе с нейтральной составляет лексическую основу разговорно-бытового стиля, который выделяется в развитой системе функциональных стилей современного русского литературного языка и характеризует повседневное частное общение, обычно реализующееся в устной форме. (Отметим, что вопрос о месте данного стиля в системе функциональных разновидностей языка и о его соотношении с литературным кодифицированным языком в его письменной форме также дискуссионен [См. об этом подробнее 4]). Однако при всей неоднородности разговорной лексики исследователями неоднократно предпринимались попытки выделить ее словообразовательные и семантические разряды (например, классификация, предложенная А.Н. Кожиним, О.А. Крыло-

вой и В.В. Одинцовым в книге «Функциональные типы русской речи» [7]).

Выделение просторечия как одной из нелитературных форм существования национального языка в русистике традиционно [См. об этом: 1, 2, 3, 5, 8, 9,10, 13, 14, 15]. Но настолько же традиционно и утверждение об отсутствии отчетливых признаков его системной организации. Об этом свидетельствует размытое определение социальной базы просторечия (как правило, горожане с низким уровнем образования), отнесение языковых явлений различных уровней (фонетических, словообразовательных, лексических, морфологических, синтаксических) к просторечным. Сложность терминологического определения просторечия усугубляется исторической традицией: в истории языка просторечием, в отличие от красноречия, именовали простую, неукрашенную разговорную речь, в том числе и литературную [6]. Таким образом, просторечие было безыскусным бытовым стилистическим типом.

В начале XX века просторечие стало пониматься как простонародный язык – живая речь, отличная от литературной. А расширение круга носителей литературного языка в 20-30-е годы XX века повлекло за собой закономерный для лингвистического контакта процесс: речь традиционно городского населения ощутила на себе влияние диалектной и жаргонной форм. Становится очевидным, что лингвистический статус просторечия в первой трети прошлого века – это статус буфера между диалектом и литературной

разговорной речью города. Именно таким образом определяет понятие «просторечие» С.И. Ожегов в 1930-е годы в работе «О просторечии (К вопросу о языке города)». Исследователь отмечает отсутствие в языке того времени единства, что обусловлено существованием в нем двух полярных систем. Первая – литературный язык с достаточно устойчивыми формами и письменной традицией. Другая система – язык, не совпадающий вполне с литературным, язык городской, который условно можно назвать «просторечие». Просторечие является причиной эволюции литературного языка, «котлом, в котором перевариваются диалекты, чтобы впоследствии внести свежие струи в литературный язык» [11]. Следствием этого периода развития языка и указанного взгляда на определение просторечия стало присвоение характеристики «просторечное» таким лексемам, как *милёнок, болезный, квельый, покуда* и др., имеющим литературные синонимы.

Вступление в процесс языковой практики следующего поколения, по видимому, изменило принцип употребления просторечных лексических единиц: для многих носителей языка, овладевших в достаточной степени литературной нормой, просторечие становится стилистическим ресурсом сниженной эмоциональности и оценочности и начинает употребляться ими как стилистический маркер. Иными словами, просторечный характер лексем (например, их диалектная или жаргонная природа) осознается говорящим, и в иной коммуникативной ситуации просторечие будет заменено им общелитературным синонимом или синонимическим выражением.

Указанный принцип употребления порождает иное определение просторечной лексики. Так, в работах Ю.С. Сорокина, а затем Ф.П. Филина и Л.А. Капанадзе возникает термин «литературное просторечие». Данная дефиниция, как в настоящее время понятие «общий жаргон», по меньшей мере условна (если «литературное», то уже не «просторечное»), однако именно такое определение некоторой части просторечной лексики позволило стихии изначально не нормированной речи найти отражение в нормативных словарях.

Итак, по мнению Ю.С. Сорокина, литературное просторечие – это нижний пласт разговорной речи, в который входят адаптированные, зачастую эмоционально-экспрессивные единицы, использованные с четкой эстетической мотивированностью в художественных произведениях и публицистике [13]. Однако лингвистических параметров разграничения литературного и внелитературного просторечия исследователями предложено не было, что породило существование дефиниций различного объёма. Так, некоторые исследователи, например, Ф.К. Гужва, пытались исключить из просторечия простонародные лексемы, такие как *авоська, аккурат, внакладе* и под. [3], другие, напротив, стремились расширить круг единиц просторечного употребления за счёт «образных слов, возникших в непринуждённой народной речи» [1], таких как *заприметить, нашинский* и др. А составитель словарной статьи «Просторечная лексика» в академической энциклопедии «Русский

язык» Н.Н. Кохтев уже не оперирует понятием «литературное просторечие» и включает в состав просторечия крайне сниженные, вульгарные лексемы (неприличную брань), а также сообщает статус просторечных тем единицам, которые не обладают ни «ошибочностью», ни сниженностью [8] (*винегрет* «мешанина», *шляпа* «растяпа»), то есть по сути относятся к литературным разговорным лексемам.

В работах В.В. Химики рубежа XX-XXI веков, несмотря на новый социолингвистический акцент, наблюдается возврат к традиции разделения просторечия на две подсистемы. Первая представляет собой так называемое «социальное просторечие», по-видимому, некое сохранение той формы, которая возникла в языке в 30-40-е годы XX века. «Его носители – люди определенного социально-культурного статуса с низким образовательным уровнем, обычно пожилого возраста, часто негородского происхождения». Другая подсистема – «функционально-стилистическое просторечие». В его составе «преимущественно номинативные, лексические и фразеологические образования, которые вполне могут укладываться в рамки грамматического или произносительного стандарта, вступая в противоречие только со стилистическими и этическими эталонами» [15].

Итак, все исследователи просторечной лексики XX века относят к названным единицам (наряду с выделяемыми каждым исследователем особыми группами) такие, которые обладают ярко выраженной экспрессией сниженности, присваивая таким образом, среди прочего, просторечной

лексике статус ресурса сниженной эмоциональности и оценочности. Так, А.И. Горшков, разрабатывающий на рубеже веков фундаментальные проблемы теоретической стилистики, пишет, что применительно к нашим дням, «вероятно, правильнее будет определить просторечие как несколько сниженную, грубоватую и экспрессивную разновидность разговорного употребления языка» [2].

Очевидно, что необходимость подобного определения продиктована современным расшатыванием привычных стилистических норм и приближением к статусу общеупотребительных тех единиц, которые еще недавно ощущались как социально ограниченные. Таким образом, становится актуальным понятие разговорной лексики в широком смысле, лексики, объединяющей единицы разговорной лексики в узком понимании, а также актуализированные лексемы просторечия, жаргонов и в меньшей степени – народных говоров.

Список литературы

1. Войлова К.А. Судьба просторечия в русском языке. – М.: Научная книга, 2000, с. 79.
2. Горшков А.И. Русская стилистика. – М.: Астрель, 2001, с. 305.
3. Гужва Ф.Ю. Современный русский литературный язык. Ч. 1. – К.: Высшая школа, 1978, с. 130.
4. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы изучения. – М.: Русский язык, 1987, с. 22.
5. Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык/ Л.А. Капанадзе //Городское просторечие: Проблемы изучения/ [отв. ред. Е.А. Земская, Д. Н. Шмелёв] – М.: Наука, 1984, с. 5-12.
6. Князькова Р.П. Русское просторечие второй половины 18 века. – Л.: Наука, 1974.
7. Кожин А.Н., Крылова С. А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. Учебное пособие для филологических специальностей университетов. – М.: Научная книга, 1982, с. 117-129.
8. Кохтев Н.Н. Просторечная лексика/ Н.Н. Кохтев // Русский язык: Энциклопедия/ [под ред. Ю.Н. Караулова]. – М.: Большая Российская энциклопедия, с. 391-392.
9. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989, с. 56.
10. Лаптева О.А. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка / О.А. Лаптева // Вопросы языкознания, 1966, № 2, с. 79-88.
11. Ожегов С.И. О просторечии (К вопросу о языке города) / С.И. Ожегов// Избранные труды. – М.: Русский язык, с. 414.
12. Складывшая Г.Н. Ещё раз о проблемах лексикографической стилистики / Г.Н. Складывшая // Вопросы языкознания, 1989, № 3, с. 84-97.
13. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-е годы 19 века. – М., 1965, с. 24.
14. Филин Ф.П. Просторечие/ Ф.П. Филин// Русский язык: Энциклопедия – М.: Русский язык, 1979, с. 239.
15. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб, 2001, с. 194-195.

J.V. Shpyg

The development of the notion «colloquialisms» (« popular vocabulary») in Russian language in the XX century.

УДК 808.2:801.56

Н.И. Новикова

РОЛЬ ТИПИЗИРОВАННЫХ ЛЕКСЕМ В ФОРМИРОВАНИИ БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Проблема средств связи в бессоюзном сложном предложении – одна из самых острых в теории бессоюзного сложного предложения. Отсутствие союзов и союзных слов между предикативными частями бессоюзного предложения заставляет учёных искать другие, менее обобщённые в грамматическом отношении средства связи – такие, как общие лексические элементы, «контактные» слова, анафорические элементы, коннекторы.

В последнее время возникает недоверие к интонации как основному средству связи частей бессоюзного сложного предложения. Такое положение дел связано с убеждением, что интонация не способна чётко дифференцировать отношения между предикативными частями бессоюзного сложного предложения. [1] Эти отношения только намечаются, слегка обозначаются интонацией. В связи с этим язык вырабатывает дополнительные средства дифференциации смысловых отношений. И в роли таких средств выступают не новые грамматические средства, а лексические элементы, уже устоявшиеся, сложившиеся, но в структуре бессоюзного сложного предложения получившие новые роли.

На признание важной роли лексического фактора в формировании бессоюзных сложных предложений обращали внимание многие исследователи (Виноградов В.В., Поспелов Н.С., Покусаенко В.К., Изаренков Д.И., Белошапкина В.А., Кирпичникова Н.В.). Трудность теоретического характера возникает при попытке выделения и именовании всего набора лексических элементов, выступающих в роли средств выражения связи частей бессоюзного предложения.

Задача данной статьи и состоит в попытке выявить и обозначить лексические элементы, выполняющие функцию связочных средств в составе бессоюзного предложения

На фоне широкого спектра лексических единиц в составе бессоюзного предложения с уверенностью

можно выделить лексемы определённой типовой семантики, которые в дальнейшем мы будем именовать типизированными лексемами. Типизированная лексема всегда семантически насыщена, так как предполагает не только развитие дальнейшей информации, но и соответствующий способ оперирования ею в определённой речевой ситуации. Типизированная лексема обязательно требует раскрытия своего внутреннего потенциала, зависящего от коммуникативной установки того или иного бессоюзного сложного предложения.

Следует отметить, что до сих пор нет единой, цельной классификации типизированных лексем, являющихся не только компонентами лексического содержания бессоюзного сложного предложения, но и выполняющих функцию связочных средств между частями бессоюзного предложения. Для нас важно выделение двух основных групп типизированных лексем: *анафорические элементы* и *«контактные» (связующие) слова*.

Мы в этой статье рассмотрим только анафорические элементы.

Анафорические элементы (так называемые *скрепы*¹) – слова, отсылающие к одной словоформе или к предикативной единице в составе сложного предложения. Среди ана-

¹ В широком смысле термин «скрепа» – общее название всех служебных слов (включая союзы), служащих для соединения частей сложного предложения. Мы употребляем термин «скрепа» в узком смысле для обозначения лексических элементов, выполняющих функцию средства связи частей в бессоюзном предложении.

форических элементов выявляем несколько разновидностей.

Первую разновидность составляют *местоимения* и *местоименные наречия* (так называемые *T-слова: так, такой, таков*). Эти слова возможны и в сложноподчинённом предложении, где они выполняют коррелятивную функцию, но их употребление поддерживается союзами [2]. В бессоюзном сложном предложении *T-слова* выполняют самостоятельную связующую функцию. Десемантизированные, то есть лишённые какого-либо денотативного и сигнификативного значения, *T-слова* требуют обязательного разъяснения: *Шумилин, он такой: внушать любит, упрётся – не сдвинешь, хоть кол на голове теши* (Н.Сизов) [3].

Иногда в подобных конструкциях употребляется частица *вот*, которая усиливает семантическую недостаточность местоименных слов: *В доме непривычно тихо – вот что странно; Иван всегда азартно играл с незнакомцами – вот такая странная была натура*. Сращения типа *вот так, вот таков, вот что* имеют вмещающую функцию, то есть они вмещают в себя всё семантическое наполнение соотносимой с ними части сложного предложения.

Интересными оказываются семантические возможности наречия *так*. Это наречие в определённом лексическом окружении способно выходить за рамки закреплённого за ним значения указания на способ действия субъекта. Наречие *так*, сочетаясь с глаголами речи, выполняет объектную функцию: *Он решил так:*

уедет завтра, не дожидаясь встречи.

Наречие *так* тем более приобретает синтаксическую значимость, чем менее конкретной представляется семантика глагола. Обобщённое значение действия, выражаемое глаголом, способствует элиминированию его из предложения, и предикативная часть редуцируется до асемантического слова *так*: *Всегда он так: уходит молча, низко опустив голову*. Наречие *так* в подобных конструкциях получает особый семантический вес за счёт совмещения двух значений: действия и способа действия. Однако слово *так* предполагает только указание на действие, а не на его чёткую идентификацию.

Широко распространены бессоюзные сложные предложения, в которых употребляется частица *так* как заключительная, то есть содержит указание на то, что часть, открываемая ею, продолжает и заканчивает синтаксическую конструкцию: *Будь у него усердие, так он сдал бы экзамен вовремя; Будешь уходить – так ты дверь закрой; Дал бы займы денег, так нет у меня*. Следует заметить, что в предложениях типа *Будешь уходить – так ты дверь закрой* функционирование частицы *так* сигнализирует о недифференцированном характере смысловых отношений между предикативными частями. Имплицитные смысловые отношения этого предложения включают союзы *если* и *когда*. Каждый из этих союзов может быть введён в предложение в зависимости от коммуникативной задачи говорящего [4].

Вторую разновидность анафорических элементов составляют лексемы ограничительной семантики типа *один, единственный, соответствующий*. Эти лексемы обладают предельной энтропией, то есть имеют высокую степень неопределённости значения и реализуют свою семантику только в последующей предикативной части: *В нём было ещё одно: он редко ошибался; Она теряла единственное: на глазах погибал ребёнок*. Более внимательное рассмотрение конструкций с участием лексем ограничительной семантики позволяет утверждать, что эти лексемы не столько семантически неполны, сколько семантически опустошены и требуют обязательного насыщения своей семантики второй предикативной частью. Так, искусственно сократив предложение *В нём было ещё: он редко ошибался*, мы приходим к выводу, что элиминация лексемы *один* не несёт за собой каких-либо значительных содержательных изменений. Значит, лексема *один* семантически опустошена, требуют восполнения своего семантического дефицита последующей частью.

Следующую разновидность анафорических элементов представляют лексемы обобщённого характера типа *признак, факт, обстоятельство, принцип, случай, итог, вывод, вариант, возможность, истина, процесс, сходство, странность, формулировка, качество*. Эти лексемы с достаточно общей семантикой конкретизируются путём ограничения их значения последующей частью: *Уже засыпая, припом-*

нил горькую истину: опасайся того, кто тебя боится.

Иногда предикативная часть состоит только из лексемы обобщённого характера, структурно напоминающая номинативное предложение, хотя таковым, строго говоря, не являющаяся: *Факт: детские учреждения закрыты на карантин*. В подобном предложении лексема *факт* обобщает в аспекте уверенности ту информацию, которая содержится во второй предикативной части. Таким образом, лексема становится своего рода семантическим центром предложения в целом, так как является не только предваряющим элементом, но и итоговым квалификатором всего высказывания.

К числу анафорических элементов принадлежат и *лексемы с нереферентным значением*. Чаще всего в роли таких лексем выступает имя с неконкретным значением, требующее выявления своей семантики: *Странное было чувство: своего врага она хотела просто обнять; Ей представлялась картина: хрупкая ладья несётся по течению (В.Вересаев)*. Первая часть таких предложений, содержащая лексемы *чувство, картина*, не позволяет чётко определить, с каким признаком-референтом соотносится слово. Отсутствие определённой информации, неясность значения лексем *чувство, картина* прогнозирует появление второй предикативной части, реализующей конкретную семему.

Нереферентное значение имеют и полисемантические слова, которые моносемантизируются поясняющей частью. В функции полисеман-

тичных слов обычны глаголы так называемого неконкретного действия. Частотность употребления глаголов в данной функции объясняется тем, что, называя то или иное действие, эти глаголы не могут полностью, комплексно отразить все стороны описываемого события: *Артисты очень взволновали публику, они опаздывали (Э.Кроткий); Они пытались утихомирить меня: бросали на меня то негодующие, то умоляющие взгляды.* В подобных бессоюзных предложениях событие представлено с двух сторон: с качественной, наиболее субъективной стороны, и со стороны фактической.

В особую разновидность следует выделить **информационные лексемы**, которые являются условием существования изъяснительных бессоюзных сложных предложений. Под термином «информационная лексема» мы вслед за Чайковской Н.Н, понимаем слова, содержащие в значении информационную сему, выявляемую через их синтаксическую сочетаемость [5]. Среди изъяснительных бессоюзных предложений в зависимости от особенностей функционирования информационных лексем можно выделить два класса. Первый класс составляют конструкции, в начальной части которых находятся **слова с незамещённой синтаксической позицией**. Чаще в роли таких слов выступают глаголы речи (*говорить, отвечать, пояснять*): *Я тебе обещаю: в отпуск мы поедим вместе;* глаголы чувственного восприятия (*слышать, видеть, ощущать*): *Я вижу: вы любите спокойную малоподвижную жизнь*

(*А.Аверченко*); глаголы интеллектуального восприятия (*думать, размышлять, понять, осознать*): *Несложно догадаться: ответы он знал заранее;* глаголы эмоционального состояния (*жалеть, бояться, удивляться*): *Он волновался: игра начинала становиться рискованной.* В роли слов с незамещённой синтаксической позицией продуктивны также наречия (**ясно, понятно, видно**): *Сразу видно – он неправ (В.Нестеренко)* и фразеологические сочетания (**уловить чутьём, мелькнуть в памяти**): *И вдруг отчётливо мелькнуло в памяти: этого человека он когда-то спас от неминуемой гибели.* В таких предложениях первая часть оказывается формально и семантически незавершённой, так как в формальной структуре этой части оказывается невыраженным компонент, занимающий позицию обязательного объекта при глаголах речи, мысли, чувства. В изъяснительных бессоюзных сложных предложениях первая часть оказывается менее значимой в информативном плане, так как в своём семантическом содержании имеет только указание на способ оперирования информацией. Основной информативный вес имеет вторая часть, которая призвана обнаружить определённое событие реального мира.

Второй класс изъяснительных бессоюзных сложных предложений составляют конструкции с **пропущенным членом**: *Я оглянулся: за мной шёл незнакомец; Он посмотрел... в круглое окно: вечернее знойное солнце плавилось на стволах (Ю.Трифонов).* В подобных кон-

струкциях связь предикативных частей опосредована, она может быть выявлена через третью, формально невыраженную часть. Предложения типа *Я оглянулся: за мной шёл незнакомец* передают сменяющие друг друга фазы одного действия: *оглянулся – увидел*. Пропуск промежуточного звена в цепи зрительного восприятия не нарушает семантической целостности конструкции, так как это звено является частью базовых знаний говорящих, вербализация которых не представляется необходимой.

Таким образом, при отсутствии прямых средств связи, таких как союзы и союзные слова, синтаксиче-

ская цельность в бессоюзных предложениях обеспечивается не интонацией, которая не способна дифференцировать смысловые отношения между частями бессоюзного предложения, а лексико-семантическим содержанием частей. Мы подробно рассмотрели одну из групп типизированных лексем – анафорические элементы и пришли к выводу, что, имея отсылку к словоформе или к целой предикативной единице в составе сложного предложения, эти элементы выполняют функцию связочных средств. Вопрос о другой группе типизированных лексем – «контактных» (связующих) слов требует отдельного рассмотрения.

Библиографический список

1. Ильенко С.Г. Бессоюзное сложное предложение в русском языке / С.Г.Ильенко; Л.: Наука. – 1961. – с.34-45.
2. Черемисина М.И. Очерки по теории сложного предложения / М.И.Черемисина, Т.А.Колосова; Новосибирск: Наука, 1987. – с.87.
3. Серебряная Ф.И. Анафорические элементы в сложносочинённом и бессоюзных предложениях / Ф.И.Серебряная // Русский язык в школе. – 1973. - №1. – с.13-36.
4. Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е.Н.Ширяев; М.: Наука, 1986. – с.156-169.
5. Чайковская Н.Н. Бессоюзное сложное предложение / Н.Н.Чайковская; Алма-Ата: Русский язык, 1988. – с.56-165.

N.I.Novikova

ROLE OF TYPIZED LEXEMES IN FORMING OF CONJUNCTIONLESS COMPOUND SENTENCE

Problem of a communication facility in a– one of the sharpest in the theory of a conjunctionless compound sentence. Absence of the unions and allied words between predicative parts of the conjunctionless offer forces scientists to search for other communication facility less generalized in the grammatic attitude – such as the general lexical elements, contact words, anaforical elements, connectors.

Воронежский государственный университет

УДК 801.3 Тарк ББК 81.1 - 4 Рус Тарковский

Т.А. Воронова

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

Статья посвящена фразеологическим единицам, возникающим в поэтическом контексте, и принципам их представления в словаре языка писателя.

Вопрос о фразеологизмах и их роли в языке художественной литературы поднимался не раз, однако в авторской лексикографии детального рассмотрения он не получил. К примеру, в «Проекте словаря языка Пушкина» предлагается следующая позиция по отношению к данным элементам речи: «...при разноске слов на карточки смысловое единство в расчет не принимается и все составные члены такого сращения регистрируются отдельно. Например, для выражения «спустя рукава» заводятся отдельные карточки: «спустя» – с заглавной формой «спустить», «рукава» – с заглавной формой «рукав» (Проект словаря Пушкина 1949, с. 57 - 58). Схожий принцип взяли на вооружение и создатели словарей к произведениям Тараса Шевченко. Отчасти это объяснимо отсутствием специальных технологий, доступных в наше время. Тем не менее, составители «Словаря языка Достоевского», вышедшего уже в 2001 году, оказались последовательными в этом отношении: «Фразеологизмы приводятся в составе статьи, посвященной главно-

му слову в сочетании. <...> Если фразеологическая единица отличается от языковой нормы, то это отмечается в примечании к ней. <...> Если фразеологическая единица относится к нескольким словарным статьям, она приводится в каждой из них» (Словарь языка Достоевского 2001, с. LIV - LVI).

В данной статье предлагается иная точка зрения. «Первоначальными носителями информации в произведении словесного искусства» (Зарецкий 1963, с.74), особенно в поэзии, нередко оказываются именно словосочетания, фразеомы, для которых должна составляться отдельная словарная статья. При этом следует выделить *фразеологические сочетания* и собственно *фразеологизмы*². К первым следует относить устойчи-

² См. подробнее: Краткий справочник по современному русскому языку, 1995, с. 62 - 63.

вые сочетания, воспроизводимые носителями языка (все примеры взяты из текстов Арсения Тарковского): «без гроша в кармане», «без роду и без племени»; терминологические сочетания («грудная клетка», «зияние гласных») и т. п. Главным критерием фразеологических сочетаний является «функционализация в речи качества единого целого» (Янко-Триницкая 1969, с.432). Что касается собственно фразеологизмов, то их значение, во-первых, «неравнозначно собственному значению отдельно взятых слов» (Зарецкий 1963, с.76), во-вторых, всегда является переносным («буря в стакане воды»).

Особый интерес для исследователя представляют словосочетания, обладающие достаточно высокой степенью семантической слитности, но при этом не входящие в общеязыковой фонд, а возникшие в контексте отдельного произведения (заметим в скобках: для поэзии А.А.Тарковского характерна такая особенность, как «кочующие» фразеологизмы, повторяющиеся более чем в одном тексте). Сочетания такого рода следует обозначить как *контекстно-индивидуальные*.

Перед лексикографом, опирающимся лишь на единичный контекст, в этом случае встает вопрос: каковы критерии выделения контекстно-индивидуальных фразеологизмов и фразеосочетаний? Какие словесные комбинации должны быть к ним отнесены?

Данная статья представляет собой попытку ответить на этот вопрос.

1. К контекстно-индивидуальным фразеологическим единицам следует отнести соединения слов, «образующие единую по смыслу метафору» (Воронова 2004-б, с.130 - 131). Приведем ряд примеров.

Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия,
И прошлое клянчу, как нищий царь.
(По-
середине мира)

Положи мне под голову руку <...>
И опять к высоте привари.
Чтобы пламя твое ледяное
Синей солью стекало со лба
И внизу, как с горы, предо мною,
Шевелились леса и хлеба,
Чтобы кровь из-под стоп, как с предгорий,
Жарким деревом вниз головой,
Каждой веткой ударилась в море
И несла корабли по кривой.
(Вторая
ода)

Он верит, что в природе ночи
И тьмы лоскут, и сна глоток,
Что ночь – его чернорабочий,
А сам глядит на лунный рог,
Где сходятся, как в средоточье,
Котов египетские очи,
И пьет бессонницы глоток.
(Луна и
коты)

Оба существительных, входящие в состав фразеомы «держат часы и календарь», входят в общее семантическое поле, которое можно обозначить как «фиксаторы времени». Причем время это предстает как двуправленное: к фразеоме, которая как бы делит строфу пополам, «стягиваются» схожие смыслы: будущее – прошлое; описатель минувших веков – пророк, видящий дальше черты настоящего. Учитывая это, можно определить данную метафору следующим образом: «держат часы и календарь» = «заглядывать в глубины времени».

Как видно из данного рассуждения, для адекватного истолкования многих метафор-фразеом необходим анализ достаточно широкого контекста. Это справедливо и для понимания второго отрывка. «Синяя соль» – метафорическое определение моря (цвет + вкус воды), что и расшифровывается в третьей строфе. При этом море здесь выступает как порождение неба, «высоты». Весь текст стихотворения строится на чередовании двух планов – верха и низа: «лоб» – «стопы», «горы» – «хлеба» (т.е. равнинная местность), «высота» – «море» и т.д. Автор подспудно обращается к космогоническим мифам, в большинстве которых фигурируют именно небо, гора (в более широком смысле – земля, суша) или море (другой вариант – океан). «Синяя соль» – не просто море, а своего рода «первоморе», лежащее в основе мироздания. Таким образом, становится понятным смысл текста в целом: уподобление любви сотворению мира

(идея, присутствующая и в других произведениях Тарковского).

Наконец, в третьем отрывке противопоставлены два контекстных сочетания: «сна глоток» и «бессонницы глоток». На наш взгляд, при сходстве словесного оформления они не являются абсолютными антонимами. В первом случае «глоток сна» – это скорее сама возможность заснуть, которую, с точки зрения героя, должна предоставить ночь. Тем не менее, такой возможности герой не получает. Причина его бессонницы не ясна, но дана одна деталь: герой смотрит на луну. Очевидно, ее вид порождает у человека какие-то раздумья, мысленные образы, которые мешают ему заснуть. Именно такой смысл имеет, на наш взгляд, фразеома «бессонницы глоток».

Нередко «описательно-метафорические сочетания» (Иванова 1987, с.190) такого типа приближаются к перифразу. К примеру, фразеологизмы «азбука стальная» и «алфавит без смысла» используются Тарковским для обозначения телефонных дисков с буквенными символами, бывшими в ходу до середины 1960-х годов:

Он миновал гвоздикой населенный
Цветочный домик посреди Страстной
И на вертушке в будке телефонной
Нащупал буквы азбуки стальной.

(Слепой)

Десять букв алфавита без смысла,
Десять цифр из реестра судьбы
Сочетаются в странные числа

И года громоздят на горбы.

(Телефоны)

Оба фразеосочетания обозначают некое единое понятие, конкретный объект, причем один и тот же. Подобным образом фразеома «цветочный домик» в первом отрывке логично может быть заменена одной лексемой – «киоск».

Помимо метафорического или перифрастического смысла, контекстуальные фразеологизмы могут приобретать обобщенно-символическое значение. К примеру, словосочетание «карман дырявый» приведенном ниже отрывке может быть прочитано как символ необеспеченности, неустроенности и в то же время жизни «не хлебом единым»:

...И молодости клясть не буду
За росчерк звезд над головой,
За глупое пристрастье к чуду
И за карман дырявый свой.
(«Кухарка жирная у скаред ...»)

Автор может употребить фразеологическое сочетание или перифраз, как бы не желая называть тот или иной объект напрямую. Благодаря этому контекстуальный фон получает дополнительную смысловую нагрузку, «ведет» читателя к пониманию фразеомы:

За гекзаметр в холодном вокзале,
Где жила молодая свобода,
Мне военные люди давали
Черный хлеб двадцать первого года.

(Стихи из детской тетради)

Смысл выражения «военные люди» на первый взгляд может показаться не совсем ясным. Такие детали, как «холодный вокзал», «молодая (революционная? – Т.В.) свобода», «черный хлеб» и, наконец, «двадцать первый год», – наполняют его вполне конкретным содержанием: красноармейцы.

Другой пример подобного рода:

Люди предали мальчика этого,
И, застреленный на поединке,
Мокрый, мертвый, лежит он в ложбинке, <...>
А над ним – крики им же воспетого
Соблазнителя глупой грузинки.
Как предвестие славы поэтовой:
Романтический грохот и скрежет,
Будто Демон соперника режет.
В белых молниях труп офицера...
(«Люди предали мальчика этого...»)

За такими уничижительными определениями, как «мальчик» и «офицерик», 27-летний Лермонтов угадывается не сразу. Указания на «поединок» (т.е. дуэль), «белые молнии» (грозу, действительно или якобы разразившуюся в день гибели Лермонтова) и «славу поэтову» – гораздо более понятные «знаки» на пути к пониманию текста. Все становится на свои места с появлением конкретного героя одноименного произведения. Таким образом, «глупая грузинка», не названная по имени, тем не менее

его имеет: это Тамара, героиня поэмы «Демон».

Столь желчный перифраз соответствует тону всего стихотворения. Образ самого Демона не менее снижен, чем образы Тамары и Лермонтова: «режет» – глагол, применяемый скорее к работникам скотобойни, чем к герою романтической поэмы. Да и само слово «романтический» приобретает в контексте убийственно ироничное звучание: «грохот и скрежет» будут скорее ассоциироваться у читателя с разбитой телегой, чем с разгулом стихий...

2. К контекстно-индивидуальным фразеоломам может быть отнесено также «индивидуально-авторское преобразование фразеологизмов», «различные виды их контаминаций» (Молотков 1967, с.20), а также «употребление слова вне фразеологизма, но с намеком на фразеологизм, из которого извлечено рассматриваемое слово» (Ковалев 1966, с.131). Приведем несколько примеров из «Словаря лирики Арсения Тарковского».

В СОРОЧКЕ, фразеол. (1) *Конт.-инд.* В словесной оболочке (по аналогии с фразеологизмом). // Слово только оболочка, Пленка, звук пустой, но в нем Бьется розовая точка, Станным светится огнем. Бьется жилка, вьется живчик, А тебе и дела нет, Что в сорочке твой счастливчик Появляется на свет. (Слово) [Воронова 2004-а, с. 122]

В СТУПЕ ТОЛОЧЬ, фразеол. (1) *Конт.-инд.* Измышлять без существенной цели (по аналогии с фра-

зеологизмом «воду в ступе толочь»). // ...Полурифмы он в ступе, как воду, толоч. («Был он критикой признан, и учениками...») [Там же, с.125]

ВЕРОЯТИЕ, сущ., ср., мн. вероятия. (1) Возможность, вариант (из фразеологизма «по всему вероятию»). // Из миллиона вероятий Тебе одно придется кстати. (Стань самим собой) [Там же, с.85].

ДАВИТ ГОРЕ НА ПЛЕЧИ, фразеол. (1) Контаминация двух фразеологизмов: «давит горе» и «взвалить бремя на плечи». // Словно не давит мне горе на плечи, Словно урок мой еще не свершен И глухота мне твоя не знакома, Глупый мой сон, неразумная дрема... («Глупый мой сон, неразумная дрема...») [Там же, с.172].

Особого внимания заслуживает употребление фразеологизмов в нетрадиционном значении, что также квалифицируется нами как контекстно-индивидуальное. Так, выражение «бросаться в ноги», обычно понимаемое как «падать на колени с мольбой или просьбой», у Тарковского приобретает значение «налетать, сбивать»:

Только ветер бросается в ноги

И глаза обжигает до слез.

(Проводы)

Подобному изменению подверглось и значение словосочетания «великий пост». В приводимом ниже контексте оно лишено религиозного смысла, что подчеркнуто и орфографически: слово «великий» начинает-

ся со строчной буквы. «Великий пост» – по-видимому, метафорическое определение голода, постигшего страну в послевоенные годы (стихотворение написано именно в это время):

Тянет железом, картофельной гнилью,
Лагерной пылью и солью камсы.
Где твое имечко, где твои крылья,
Вий над Россией топорщит усы.
Он говорит: подымите мне веки! –
Слободы метит железным перстом,
Ржавую землю и ольхи-калеки

Метит и морит великим постом.
(«Тянет железом,
картофельной гнилью...»)

Окказиональное значение в поэтическом контексте могут приобретать и термины:

Твое изумление, или твое
Зияние гласных – какая награда
За меркнувшее бытие! <...>
Не осень, а голоса слабый испуг,
Сияние гласных в открытом эфире –
Что лед, ускользнувший из рук...

(Осень)

Чисто научное содержание лингвистического термина разрушено также его звуковым обыгрыванием: «зияние гласных» – «сияние гласных». В данном контексте терминологическое сочетание получает иное значение: «возглас, возможно, чем-то напоминающий пение» [Воронова 2004-а, с.267].

Любой фразеологизм отличается от свободного словосочетания «наличием семантической двуплановости» (Добровольский, Караулов 1992, с.9), то есть может быть прочитан как в прямом, так и в переносном смысле. Именно эта особенность позволяет поэту использовать такой прием, как дефразеологизация устойчивого сочетания. К примеру, фразеологизм «согнуть в бараний рог» приобретает значение, близкое к прямому, – «сильно накрентить»:

Там я услышал первые раскаты
Грозы. Она в бараний рог согнула
Упрямый ствол, и я увидел крону...

(Дождь)

Образный контекст может также строиться на «игре» прямого и переносного значений, заключенных во фразеосочетании:

И как ребенок «мама» говорит,
И мечется, и требует покровы,
Так и душа в мешок своих обид
Швыряет, как плотву, живое слово:
За жабры – хватать! – и рифмами двоят.

(Рифма)

В последней строке отрывка представлен вариант вполне узнаваемого фразеологизма «взять за жабры», точнее, его синтаксическая модификация. Однако одновременно с фразеологическим значением данный контекст подключает и прямое: оно возникает за счет сравнительного оборота «как плотву» (т.е. рыбу, которая действительно имеет жабры).

3. «Намек на фразеологизм» может стать способом введения читателя в определенный культурный контекст:

И слышит [душа] сквозь решетку
Живой тюрьмы своей
Лесов и нив трещотку,
Трубу семи морей.
Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки...

(Эвридика)

Нетрудно понять, что под «живой тюрьмой» имеется в виду тело человека. Тарковский интерпретирует известный в античной философии афоризм: «тело – темница души». Название стихотворения – имя героини древнегреческого мифа. Таким образом, читателю дан ключ к пониманию содержания текста: та традиция, которую автор воспроизводит и с которой одновременно спорит: «Душе грешно без тела...».

Подобным образом вводится и библейский смысловой фон:

Не я словарь по слову составлял,
А он меня творил из красной глины;
Не я пять чувств, как пятерню Фома,
Вложил в зияющую рану мира,
А рана мира облегла меня...

(Явь и речь)

Почему выражение «красная глина» следует квалифицировать как фразеологизм? Казалось бы, значение «материал творения» имеет только существительное «глина». Но в этом случае мы получаем отсылку не к

библейскому тексту (где фигурирует «прах земной»), а к мусульманским преданиям (о них будет сказано ниже). Если же мы выделим в качестве смысловой единицы именно словосочетание «красная глина», то получим буквальный перевод на русский язык имени «Адам». Таким образом, источник фразеологической единицы определен с точностью. Это подтверждается и тем, что с данной фразеологией сочетается глагол «творить», более естественный для библейского повествования. Для арабских же легенд характерно представление Аллаха как ремесленника, который не творит, а «лепит»:

Горбатую царскую плоть,
Престол нищеты и терпенья,
Нещедрый пустынный-Господь
Слепил из отходов творенья.

(Верблюд)

По нашему мнению, выделенное сочетание также можно рассматривать как фразеологизм, «кодирующий» определенный культурный фон. В данном случае Тарковский воспроизводит древнее арабское предание о том, как был появился верблюд. Под «отходами творенья» здесь имеются в виду два куса глины, которые остались у Аллаха после того, как был вылеплен человек. Из одного из них Аллах создал финиковую пальму, из второго – верблюда. Следовательно, данное выражение имеет вполне конкретное содержание, которое раскрывается именно в лексическом единстве.

4. Помимо дефразеологизации, о которой говорилось выше, в поэтиче-

ском контексте может происходить и превращение свободного словосочетания во фразеологизм, то есть в единое по смыслу сочетание с переносным значением:

Посреди бойцов мне место,
Встану в очередь и я,
Пусть поет Денис Давыдов,
Кончит песню – я спою.

(«Встали хлопцы золотые...»)

Фразеому «встать в очередь», очевидно, следует понимать как «стать преемником»: данный смысл обнаруживается через сопоставление самого автора с Денисом Давыдовым – тоже воином и тоже поэтом, но другой войны и эпохи.

Фразеологическое значение может появляться у свободных сочетаний за счет метафорического контекста:

...А любовь на фото пленке
Душу держит за рукав,
У забвения, как птица,
По зерну крадет – и что ж?
Не пускает распылиться,
Хоть и умер, а живешь...

(Фотография)

Выделенное нами в данном отрывке выражение имеет явно переносное значение, которое можно сформулировать следующим образом: «держат за рукав» = «спасать от небытия, удерживать от смерти».

В ряде случаев контекст оставляет возможность двоякой интерпрета-

ции: одно и то же словосочетание может быть истолковано как свободное, равное сумме значений его составляющих, и как фразеома:

И в ноздри вложили замок,
А в душу – печаль и величье.
И, верно, с тех пор погромов
На шее болтается птичьей.

(Верблюд)

Что в данном контексте значит «вложить замок»? С одной стороны, эти слова можно понять как вполне конкретную деталь кочевого быта. С другой стороны, за ними возможно увидеть иной, метафорический смысл – «лишить свободы» (особенно если учесть более абстрактную параллель: «ноздри» – «душа», «замок» – «печаль и величье»).

4. Особый случай представляют сочетания, обозначающие для поэта некое единое и даже символическое понятие, но по своему образованию не являющиеся индивидуально-авторскими. Яркий пример тому – даты. Такие элементы также следует выделить в отдельную словарную статью, но при этом не квалифицировать как фразеологизм:

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД (4) 1.
Воспринимается автором как время революционной романтики, надежд на лучшее (стихотворение написано в 1936 – 1940 гг.) (1) Здесь хранит сама природа Явный след былых времен –

Девятнадцатого года Очистительный озон. (Цейский ледник) 2. Переосмысление прежних впечатлений. Картина этого времени становится более жесткой и реалистичной. (3) Вся Россия голодала, Чуть жила на холоду, <...> Стулья, шапки, что попало На пшено и соль меняла В девятнадцатом году. (Жили-были) [Воронова 2004-а, с.179 - 180].

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК (1) Символ будущего. // ... для земли не бремя Открытый твой ковчег, Плывающий перед всеми В твой двадцать первый век, Из времени во время. (Памяти А. А. Ахматовой, III) [Там же, с.176]

В некоторых случаях семантическое единство того или иного словосочетания принципиально невыводимо из контекста. Прийти к выводу о его фразеологичности возможно лишь при чтении литературы биографического характера.

Не то чтоб встал кентавр какой
У магазина под часами,
Не то чтоб на Серпуховской
Открылось море с парусами...
(«Порой по улице бредешь...»)

Такой указатель, как «магазин под часами», казалось бы, не несет какого-то особого контекстуального смысла. Тем не менее, он имеется, только вынесен автором «за скобки».

Марина Тарковская, дочь поэта, вспоминала в одном из интервью: «Магазин «под часами» на углу Б. Серпуховской улицы и Арсеньевского переулка был неподалеку от нашего дома. Серпуховская площадь, «круг», как ее называли окрестные жители, была центром наше-

го уютного довоенного и послевоенного района...» (Тарковский 1989, с. 39). Иными словами, в стихотворении упомянут вполне конкретный объект; Тарковский воспроизвел его обиходное название, которое стало своего рода разговорным фразеосочетанием, понятным только для определенной группы людей. Поэтому данное название, на наш взгляд, дробить не следует.

5. Подведем итог. Главным критерием квалификации того или иного выражения как контекстно-индивидуальной фразеологической единицы является его функционирование в тексте в качестве единого смыслового звена (в отличие от свободного сочетания, в котором элементы семантически дополняют друг друга). В этом случае словарная статья должна составляться не для отдельных слов, а для именно для словосочетаний, которые включаются в словник в алфавитном порядке вместе с остальной лексикой. Лексемы, входящие в состав контекстно-индивидуальных фразеом, желательно также включить в словник, но без контекста и со ссылкой на соответствующую словарную статью. Благодаря этому обеспечивается полнота словника и более точный лингвистический взгляд на построение поэтического контекста.

Список литературы

1. Проект словаря языка Пушкина. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 124 с.
2. Зарецкий В. Образ как информация // Вопросы литературы. – 1963. – № 2. – С. 71 - 91.
3. Ковалев В.П. Словник мови Шевченка в двух томах // Вопросы языкознания. – 1966. – № 1. – С. 129 -133.
4. Молотков А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка. – М.: 1967. – С. 20 - 21.
5. Янко-Триницкая Н. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка // Известия АН СССР. Серия языка и литературы. – 1969. – Вып. 5. – С.429 - 436.
6. Словарь языка русских произведений Шевченко. – Киев: Наукова думка, 1985.
7. Иванова Н.Н. Системные отношения в поэтической фразеологии // Проблемы структурной лингвистики. 1985 – 1987. – М.: Наука, 1989. – С. 184 - 196.
8. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Фразеология в ассоциативном словаре // Известия Рос. АН. Серия литература и язык. – 1992. – Т. 51. – № 6. – С. 3 – 13.
9. Касаткин Л.Л. и др. Краткий справочник по современному русскому языку / Л.Л.Касаткин, Е.В.Клобуков, П.А.Лекант. – М.: Высшая школа, 1995.
10. Тарковский А.: «Я по крови – домашний сверчок» / Подг. публ. И. Зайчик // Огонек. – 1998.– № 9. – С. 36 - 40.
11. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1. / Под. ред. Ю.Н.Караулова. – М.: 2001.
12. Воронова Т.А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Часть 1 (А-Йота). – Воронеж, 2004.
13. Воронова Т.А. Структура метафоры в поэзии А.А.Тарковского // Известия Научно-координационного центра по профилю «филология» (ВГПУ – ВО-ИКПРО). – Вып. II. – Воронеж: ВЭПИ, 2004. – С. 130 - 132.

INDIVIDUAL PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS IN ARSENY TARKOVSKY'S POETIC VOCABULARY

T.A. Voronova

The article concerns phraseological expressions appearing in the poetic context and the principles of their presentation in the author's vocabulary.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 800. 86 + 801.54

Т.А. Раздобарина

ПОВЫШЕНИЕ ИНТЕНСИВНОСТИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ДИНАМИЗМА СОВРЕМЕННЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ.

В данной статье рассматривается процесс образования новых слов, происходящий в языке под влиянием жаргонной, разговорной и профессиональной речи и находящий отражение в СМИ.

Большую часть новообразований русского языка составляют словообразовательные неологизмы, которые чаще всего встречаются на страницах современной периодической печати, на радио, телевидении, а также в разговорной речи носителей языка. Анализ именно таких данных обусловлен той ролью, которую средства массовой информации играли в конце столетия, и резкими изменениями разговорной речи и языка газет.

Одной из особенностей современных словообразовательных процессов является повышение их интенсивности. Доказательством этого может быть многочисленность новообразований на страницах периодической печати (в 80-е годы в одном номере газеты можно было обнаружить до 50 – 70 новообразований), а также то, что современные неологизмы часто появляются целыми словообразовательными гнездами, а не по одиночке, например: *бомж* – *бомжик*, *бомжара*, *бомжатник*, *бомжатский*, *бомжевать*, *пробомжевать*, *бомжировать*, *бомжиха*, *бомжовка*, *бомжатина*, *бомжонки*; *сериал* – *сериальный*, *сериальщик*, *сериальность*, *сериальность*, *отсериальность*; *тусоваться* – *тусовка*, *тусовщик*, *тусовочный*.

Ещё одной, не менее важной, особенностью словообразовательных процессов является функциональный динамизм, который проявляется в том, что в литературный язык активно проникают словообразовательные модели, которые ранее использовались на периферии русского языка (в жаргонной, разговорной и профессиональной речи и т.п.) или носили нелитературный характер. Свидетельством этого являются такие неологизмы-производные, как *наркота*, *лимита*. Широкое распространение в последнее время получили субстантивные образования - универбы по модели с суффиксом – ух(а), ранее характерные преимущественно для жаргона: *чернуха*, *развлекуха*, *сенсуха*, *кольцевуха* (*кольцевая дорога*), *передовуха* (*передовая статья*). Они приносят в литературный язык стилистически маркированные словообразовательные модели.

Среди новообразований, созданных по моделям, распространённым в разговорной речи, просторечии, в том числе жаргонах, можно отметить также существительные, образованные от разных частей речи с помощью суффиксов - ун, - ак, нулевых суффиксов: *невезун* (« тут сразу думаешь: зачем тебе такой *невезун*, и как с ним вообще строить от-

ношения?» // КП, 01.08.2003), *свежак* (« Если говорить об иерархии пластинок того времени, то, пожалуй, ценилось то же, что и сейчас, - «свежаки» // АиФ – Нижний Новгород, 2002 № 3), *звездняк* («Я вашу газету читаю с удовольствием, и если ребята увидят это интервью ... то могут или звездняком заболеть, если сказать, что они лучше, или обидятся, если скажу, что хуже» - из интервью с тренером сборной России по футболу О. Романцевым // КП, 07.02.2003), *экстремал* (« В Россию завезли бельгийцев-экстремалов » // КП, 23.07.2003.), *мобила* (« У «новых русских» золотые мобилы и гроб с лифтом» // КП, 27.06.2003) .

Подобная жаргонно-просторечная лексика нередко используется в деривационных процессах в качестве базы для новых жаргонных слов: *халява – халявщик* (« Наблюдатели отмечают, что если разгневанные акционеры... останутся халявщиками и будут доказывать своё право на халяву у стен Белого дома, взамен дивидендов они получат водомёты и омовские дубинки» // МК, 12.08.1994), *тусовка – тусовщик* (« Здесь крутится вся богема, журналисты и профессиональные тусовщики» // МК, 08.08.1995).

В качестве деривационной базы выступают профессиональные жаргонизмы и арготизмы. Так, на базе слова *зачистка* из военного жаргона, которое в связи с актуальностью военной темы активно используется в СМИ, создаётся дериват *зачищаемые*: « *зачистка* прошла по всей стране, и опять же без всякого шума. Даже самые «зачищаемые» не смеют пока громко протестовать» // КП, 01.11.2002). Популярный арго-

тизм *крыша* даёт целый «букет» производных: *крышевать, крышующий, крышевание* (« В результате, по мнению знающих специалистов, две пограничные структуры превратились в конкурирующие фирмы, борющиеся за право «крышевать» всех рыбопромышленников Южных Курил // КП, 07.02.2003; «Крышевание (в нашу речь уже вошёл этот термин) тех, кто занимается проституцией» // РТР, 17.02.2003).

Широкое использование в СМИ подобных новообразований подтверждает отмечаемую исследователями тенденцию к жаргонизации современной речи. Этот процесс многие исследователи рассматривают как своеобразную реакцию на ещё недавнюю стандартизованность, «приглушённость» и определённую безликость публичных выступлений, насыщенных официально - пропагандистскими штампами. В качестве орудия борьбы не только с тоталитарным языком, но и с государственно - политическим устройством, его культивировавшим, рассматриваются, в частности, молодёжный сленг, а также уголовное арго. Многие арготизмы «служат вербальным сигналом, позволяющим говорящему декларировать свою приверженность тем тенденциям дискурса, которые он считает актуальными (модными, современными, прогрессивными...) и созвучными эпохе реформ, а также манифестировать свою принадлежность к числу подобным образом настроенных носителей языка» [Васильев 2003: 164] .

Таким образом, в настоящее время современный русский литературный язык испытывает интенсивное давление со стороны профессио-

нальных и социальных жаргонов, что находит отражение в СМИ. Широкое проникновение ранее табуированной лексики в средства массовой информации признаётся не только следствием, но и орудием «либерализации» нашего общества. Отличительная

особенность такого рода жаргонного словообразования в СМИ, по мнению исследователей, - высокая образность, нацеленность на передачу разного рода оценок, что приводит к доминированию экспрессивной функции словообразования над номинативной. В современных СМИ личные эмоции буквально пронизы-

вают речь ведущих и телекомментаторов, становясь своеобразным замещением форм выражения экспрессивности (выразительности). Экспрессивность жаргонно-просторечной лексики в текстах СМИ в ряде случаев служит средством неосознанного агрессивного воздействия на читателя, инструментом эмоциональной разрядки.

Жаргонная лексика становится важным средством стилизации живой речевой стихии социума, средством создания особого дружески - непринуждённого тона беседы с читателем-единомышленником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык XX столетия (1985-1995). – 2-е изд. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – 480 с.
2. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс - медиа. – Изд. 3-е, испр. и доп. – СПб.: «Златоуст», 1999. – 320 с.
3. Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // Язык современной публицистики. – М., 1988.
4. Попова Т.В. Неология и неография современного русского языка: учеб пособие / Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Д.В. Гугунова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 168 с.

INCREASING OF INTENSIFICATION AND FUNCTIONAL DYNAMICS OF MODERN WORLD- BUILDIN PROCESSES.

Razdobarina T.A.

The article deals with the process of new words in Russian language under influence of slang, professional speech and usage of low language.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 81'38801.6.808

Калеел Ахмед К.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НА СТРАНИЦАХ «НОВОЙ ГАЗЕТЫ»

В статье анализируются фразеологизмы, встречающиеся на страницах "Новой газеты": их стилистическая окраска, происхождение, особенности употребления.

На страницах современных российских газет встречается очень много фразеологизмов, что объясняется тем, что русская фразеология содержит богатейшие средства речевой выразительности, придаёт речи особую экспрессию и неповторимый национальный колорит. Приведём некоторые примеры.

Митволь устроил бурю в стакане воды [НГ, № 20, 2006]. Это выражение носит иронический характер. Оно означает 'большой шум, сильное волнение по незначительному, малому поводу, по пустякам, не стоящим внимания'. Фразеологизм представляет собой кальку с французского языка *une tempete dans un verre d'eau*. Эта фраза, принадлежащая французскому просветителю Ш.Л. Монтескье, была сказана им по поводу политических неурядиц, произошедших в карликовом государстве Сан-Марино. Однако первоисточником этой фразы является латинская поговорка времён Цицерона: *excitare fluctus in simpilo* 'поднимать бурю в стакане воды'. Данное выражение было заимствовано многими европейскими языками.

«Появление крови и жертв развязывает руки организаторам акции протеста, после чего начинается захват зданий органов власти, вокзалов, перекрываются железнодорожные пути с целью полной остановки функционирования государства», – сказал председатель КГБ [НГ, № 20, 2006]. *Развязать (развязывать) руки* – значит 'дать возмож-

ность действовать свободно, не стеснять в действиях'.

Нет, тут какая-то заумь... А сколько же будет стоить электронная газета? В 5-10 раз дороже аналога? Тайна за семью печатями! Так для чего и для кого она предназначена? [НГ, №16, 2006]. Это выражение взято из Библии. Так говорят о чём-либо тщательно скрываемом, надёжно утаиваемом от непосвящённых.

Очередное публичное выступление одного из «серых кардиналов» кремлёвской политики Владислава Суркова стало политическим событием минувшей недели [НГ, №16, 2006]. Данное выражение позволяет автору публикации дать короткое и выразительное определение личности, о которой идёт речь в тексте. Так говорят о сильном, коварном человеке, оказывающем значительное влияние на ход событий, но предпочитающем оставаться в тени, не ищущем популярности.

В Пскове митинговали под лозунгами «Долой путинских министров-капиталистов!», «Путина, Фрадкова, Грызлова – на нищенскую пенсию!», «К позорному столбу путинско-грызловскую "Единую Россию»!» и т.д. [НГ, № 16, 2006]. В этом лозунге использована часть фразеологизма *пригвоздить к позорному столбу*, означавшего 'клеймить позором'. Первоначально так наказывали преступника – привязывали.

Пернатых «брали на мушку» в Подмоскowie, в Кировской, Челябинской, Рязанской и Нижегородской

областях, в Краснодарском крае [НГ, № 20, 2006]. Фразеологизм *брать (взять) на мушку*, пришедший из военной среды, означает 'прицеливаться в кого- или во что-либо'. Со временем у него развилось значение 'сосредоточивать внимание, брать под наблюдение'. Именно оно и реализуется в данном высказывании.

В. Путин прикоснулся к тайнам мадридского двора. И раскрыл тайны мировой политики [НГ, № 7, 2006]. Здесь ощущается иронический или шуточный тон статьи в целом и этого фразеологизма в частности, намекающего на интриги, секреты вышестоящих лиц, которые непонятны их подчинённым. Этот фразеологизм возник после появления русского перевода романа немецкого писателя Г. Борна «Тайны мадридского двора» (1870 г.), повествующего о скандальных похождениях испанской королевы Изабеллы.

А. Вешняков, глава Центризбиркома: «Теперь (после выборов в парламент Чечни) власть в республике будет стоять не на одной ноге президента, а на двух – ещё и парламента. Да ещё при этом будет о двух головах...» [НГ, № 49, 2005]. Журналист производит такую глобальную трансформацию с одной определённой целью – усилить смысл и сделать более экспрессивной информацию о самостоятельности республики Чечни и стабильности власти в ней.

А вот мурманскую треску, которая не идёт ни в какое сравнение с норвежской, днём с огнём не сыщешь. А если что-то из российских даров моря попадает на глаза, то не всегда по карману [НГ, 12 октяб-

ря, 2005]. Этот пример демонстрирует перегруженность текста устойчивыми оборотами. Из трёх фразеологизмов один подвергается трансформации, заключающейся в добавлении слова. Это касается фразеологизма *не по карману*, то есть не по средствам: слишком дорог нынче «дар моря», по-простому рыба.

И одёжки на них какие-то живописно-киношные, и кровь в сценах лютых подростковых драк проливается на экране вполне клюквенная [НГ, № 20, 2006]. Трансформация фразеологизма *развесистая клюква* привела к затруднению понимания и интерпретации данной фразы, превратив последнее слово в прилагательное. Фразеологизм *развесистая клюква* происходит от пародийного выражения, которое высмеивало анекдотическое, поверхностное изображение русской жизни: описывая Россию, мало осведомлённый автор написал, что он сидел «под тенью величественной клюквы». *Клюквенная* – в указанном контексте значит 'неправдоподобная'.

Российские политики гадают: тронется ли теперь лёд союзного строительства? Лукашенко уже 10 лет водит Россию за нос, – считает независимый депутат Госдумы В. Рыжков [НГ, №12, 2006]. Как показал материал, авторы публицистических текстов в «Новой газете» чрезвычайно часто используют фразеологизмы, родившиеся в глубокой древности. Так, выражение *водить за нос* кого-либо, встречающееся во многих языках, восходит к древнегреческой метафоре, связанной с прямым обозначением способа управлять животными (быками, лошадьми и т.п.), которых действи-

тельно водили при помощи кольца, продетого в ноздри. В европейской традиции этот образ актуализировался в сравнении с медведями, которых водили напоказ за кольцо, продетое в нос. Впервые как кальку с немецкого *an der Nase herum fuhren* употребил Петр I: «На старости лет дурак стал и дал себя за нос водить» (1715) [РФ 2005: 478]. Есть ещё одна версия возникновения этого фразеологизма – из условий детской игры *подвоха*. Один из играющих предлагает другому побывать в зоопарке и увидеть любимого зверя. Для этого тот должен закрыть глаза, и его водят за нос. Затем его подводят к зеркалу или ведру с водой и просят открыть глаза. В контексте публикации в «Новой газете» этот фразеологизм служит обвинительным актом.

На страницах современных газет встречается очень много фразеологизмов просторечного характера. Вызвано это тем, что сегодня СМИ как система, постоянно обновляющаяся, находится под сильным влиянием разговорной речи, что в значительной степени обусловлено её ориентированностью на массовую аудиторию. Приведём некоторые примеры.

В понимании почтовиков – услуга, за которую можно драть с читателя и редакций три шкуры [НГ, №16, 2006]. Этот фразеологизм имеет значение ‘притеснять, обирать’, что связано с проблемой дороговизны почтовых услуг. Написать о том, что они дороги, – это значит, представить ситуацию нейтрально. Стремясь к экспрессии, к воздействию, автор публикации использует просторечный вариант представления сложившейся ситуации.

В заседаниях КС в среднем участвуют по 3-5 представителей Государственной Думы, Совета Федерации и президента, но по некоторым вопросам это число увеличивается в разы, так что эти поездки влетят налогоплательщикам в копеечку [НГ, № 16, 2006]. Разговорное выражение *влететь в копеечку* обозначает ‘обойтись очень дорого’. Автор намеренно использует разговорное устойчивое выражение, чтобы привлечь внимание простых людей, налогоплательщиков к необоснованным тратам их денег представителями власти.

Янукович и Миримский (Лидер «Союза») – это свои. Если на Януковича катят бочку – предсказуема реакция избирателя: «Не верю!», а это значит: и «Союз» тоже обогнали [НГ, № 21, 2006]. *Катить бочку* – значит ‘грубо обвинять в чём-либо’.

Но может, и не политический фактор является тут решающим. А просто, когда в Питере все уже будет построено, как надо, может возникнуть практический вопрос: а не жирно ли будет? [НГ, № 16, 2006]. *Жирно* – значит ‘слишком много’. Выражение с этим наречием придаёт иронический оттенок всему высказыванию.

Торговая империя Никитина напомнила мэру о его макаронном прошлом: «Юрьевич, сними свою лапшу с наших ушей!», «Челябинск – не «Макфа» [НГ, № 16, 2006]. Существует разговорное выражение *вешать лапшу на уши* ‘лгать’. Автор, используя его, трансформирует в отрицательную конструкцию и тем самым призывает героя публикации не врать.

Съёмки фильма «Хрусталёв, машину!» частично оплатила Франция – и к нам, как воронье, слетелись братки [НГ, № 49, 2005]. Слова *братки* и *братва* на молодежном жаргоне означают 'приятели', 'друзья'. Однако в приведенном контексте лексема *братки* употребляется в сравнении с вороньём – словом, которое имеет свои истоки во фразеологическом *витья как воронья над падалью*. Этот неодобрительный фразеологизм употребляется применительно к людям, почувствовавшим наживу и набросившихся (в большом количестве) на ослабевшую жертву с корыстной целью. В указанном контексте слово *братки* приобретает ироническую, даже саркастическую окраску. Интересно происхождение этого фразеологизма: по библейской легенде, ворон был наказан за то, что не вернулся в ковчег и не сообщил, закончился ли потоп – он стал чёрным и начал питаться падалью.

Президент тотчас вспомнит, что в прошлом году он как раз и обещал провести этот самый газ, даст по шапке губернатору, и, о чудо, через неделю конфорки расцветают синими жгучими цветками [НГ, № 7, 2006].

В этом примере грубое просторечное выражение *дать по шапке* означает 'наказать за проступок,

уволить, снять с должности'. Интересно происхождение этого выражения. Дело в том, что шапка на Руси, как и многих других народов, была не только предметом одежды, но и символом независимости и добропорядочности. Поэтому для человека было большим оскорблением, когда с него срывали головной убор.

Эта ситуация взрывоопасна. Ее создают «чекисты», выковыривающие из носа (по образному выражению Путина) компромат против общественных организаций и организуящие квазишпионский скандал [НГ, № 9, 2006].

На наш взгляд, незачем придумывать новое и некорректное выражение, не прибавляющее экспрессии, когда в языке имеется фразеологизм *высасывать из пальца* с тем же значением – 'говорить, утверждать что-либо без каких-либо оснований, не опираясь на факты'.

Свойства публицистического текста сегодня должны быть такими, чтобы он без труда воспринимался любым читателем с первого раза и в любых условиях. В то же время журналисты не должны вести себя в речевом отношении так, как обычно ведут себя люди в сфере неофициального повседневного общения, на бытовом уровне.

Воронежский государственный университет

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

УДК 802.0.0:37.018

Ю.Т. Листрова-Правда

ВОСПИТАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ И ПАТРИОТОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

В данной статье рассматриваются и анализируются принципы воспитания в учениках школ патриотического духа в связи с ухудшением социально-культурной ситуации в современной России.

Ухудшение социально-культурной ситуации в стране, в частности в Воронеже, где проявление в последние годы национализма и экстремизма определённых групп молодёжи принимает подчас формы физической агрессии по отношению к иностранным студентам и российским гражданам из южных республик, связывается многими выпускниками воронежских школ и авторами газетных статей (С. Пензин) не только с объективными причинами, устранение которых находится в компетенции федеральных и региональных властей, но и с резким ослаблением в последнем десятилетии воспитательной работы в школе.

С этим нельзя не согласиться. Так, по рассказам выпускников воронежской школы № 1 им. А.В.Кольцова, в 70–80-е годы в школе был интерклуб «Глобус», в котором активно, с большим интересом работали многие ученики начальных и старших классов: проводили встречи с иностранными студентами воронежских вузов, готовили материалы для бесед о жизни иностранных граждан, фамилии которых увековечены в названиях не-

которых улиц г. Воронежа (Димитрова, Янониса и др.), организовывали антифашистские митинги и митинги солидарности с борющейся за своё освобождение молодёжью в разных странах, переписывались с учениками школ Польши, Венгрии, Германии и других стран, устраивали встречи с иностранными гостями Воронежа и делали много других полезных и интересных дел. Был в школе и военно-патриотический клуб «Гангут», члены которого устраивали встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, выявляли фамилии погибших защитников Воронежа, среди которых было немало представителей различных народов СССР, в том числе кавказцев, готовили выставки ко Дню Победы и Дню Советской Армии, посещали мемориалы с возложением венков на могилы погибших воинов в Воронеже, с. Девица. Направлял работу «Глобуса» учитель английского языка Татьяна Александровна Денякина, а клуба «Гангут» – Наталья Николаевна Журавлёва. Обе работали на общественных началах, с большим энтузиазмом, рассматривая

свою работу как дело большой государственной важности.

В эти же годы и в стране обучалось много иностранных студентов. На филологическом факультете Воронежского государственного университета, например, прошли разные формы обучения до 1500 иностранных граждан из Германии, Чехословакии, Венгрии, Сирии, Вьетнама и других стран. Русским языком они овладевали не только в университетских аудиториях, но и во время учебно-ознакомительной практики (экскурсии внутри города и в Ленинград, Москву, Волгоград, на Кавказ и др.), которую проводили преподаватели факультета; как и заместитель декана факультета по работе с иностранными студентами, внеаудиторную работу они выполняли на общественных началах, считая это своим патриотическим долгом. Иностранные студенческие землячества города, в свою очередь, устанавливали тесную связь со школьными и студенческими общественными организациями и проводили с ними совместную работу.

К сожалению, во многих школах города, например в той же школе № 1, о прежней многообразной интернациональной и патриотической работе теперь только вспоминают. Возрождение её в городских школах может улучшить социально-культурную ситуацию в городе. В вузах Воронежа учится немало студентов из Африки, Таиланда, Китая и других стран; в городе есть татарская диаспора, в которую входят авторитетные люди: руководитель балетной труппы Театра оперы и балета народная артистка России Нобиля Валитова, актёр Камерного театра

заслуженный артист России Камиль Тукаев, заслуженный художник России Масабих Ахунов; имеется в Воронеже и армянская диаспора, проводящая большую просветительскую работу среди воронежцев, и другие диаспоры. Установление с ними контактов помогло бы школьным интерклубам, которые кое-где возрождаются, оживить свою работу.

Русский язык – феномен русской культуры – аккумулировал отражение многих сторон духовной и материальной жизни народа; преподавая русский язык учащимся, учитель затрагивает и запечатлённую в языке национальную концептосферу, так что имеет возможность, не выходя за рамки программы, акцентировать внимание школьников на вербализации тех концептов, которые наиболее актуальны в современной социально-культурной обстановке.

В настоящее время для воронежских школьников важно уяснить, что такое *патриот*, *интернационалист* и *националист*, так как даже в СМИ эти понятия, часто используясь, нечётко, а иногда и ошибочно толкуются. В учебниках русского языка большое место отводится работе школьников со словарями русского языка, предлагается выполнить разнообразные упражнения. Правда, среди слов, которые ученики должны систематизировать с помощью словарей, нет слов, названных выше. Но учитель может заменить ими данные в упражнениях учебников слова, и это позволит ученикам уяснить разницу между патриотом и националистом. Патриот, как подчёркивается в новейших толковых словарях, любовь к родине, к своему

народу готов подтвердить делами, т.е. готов защищать родину от врагов и содействовать её развитию, не противопоставляя своего народа другим народам. Националист же исходит из признания превосходства своей нации над другими народами, нациями. И проявление национализма можно продемонстрировать примерами из воронежской действительности.

В одной из газет была помещена статья «Защитим нравственность», в которой отмечалось падение нравственности в российском обществе и обсуждение этого положения на конференции «Коммунисты и русский вопрос». В статье говорилось, что за последние 15 лет в Российской Федерации «вымерло десять миллионов человек. Из них девять миллионов русских». Но в статье не указывалось, что за этот же срок, по данным последней переписи населения (2002), намного уменьшилось население и некоторых других народов России (например, чувашей с 1,77 млн. до 1,64 млн., мордвы с 1,07 млн. до 0,84 млн., удмуртов с 0,71 млн. до 0,64 млн.). А ведь эти народы, можно сказать, аборигены на территории современной России, их предки жили здесь до переселения славян на Восточно-Европейскую равнину, к тому же и чувашаи, и мордва, войдя в Русское государство, помогали Ивану Грозному завоевывать Казань.

Ещё примеры. Перед выборами в Государственную думу партия «Родина» выставила щит на улице Плехановской, на котором было написано: «Мы защищаем русских и бедных». На одном из митингов на площади Ленина представитель об-

щественной организации отставников-офицеров «заходил» собравшихся, как сообщал автор репортажа на страницах одной из воронежских газет, патриотическим лозунгом «Русскому народу русское государство». Молодые скинхеды и иже с ними, нападая на иностранных студентов и нерусских граждан России, тоже требуют «Русскому народу русское правительство», не усвоив, видимо, на школьной скамье, что современный народ России многонациональный, такова была и киевская Русь, на территории которой проживали и неславянские племена *чудь, меря, весь, уд* и др., на основе которых позднее сформировались в Поволжье и к северу от Москвы народы, говорящие на языках финно-угорской семьи языков.

Патриотами России считают себя и скинхеды, не понимая того, что, нападая на иностранцев и нерусских россиян, они наносят огромный моральный и экономический урон России, так как зарубежные инвесторы, в которых нуждается хозяйство, боятся участвовать в решении наших экономических проблем, а иностранные студенты, которые могли бы компенсировать сокращение притока в ближайшее время в вузы российской молодёжи, тоже опасаются за свою жизнь и моральное состояние, так что в вузах уменьшается число зарубежных граждан, которые, кстати, платят за учёбу немалые деньги, идущие, в частности, на зарплату вузовским преподавателям. Малюга на стенах домов фашистские знаки, скинхеды, видимо, не знают, что такое фашизм. На филологическом факультете на всех отделениях стал читаться спецкурс «Языки и

культура народов России». Опрос студентов перед чтением спецкурса показал, что только единицы из них смотрели кинофильм «Обыкновенный фашизм», на котором были воспитаны послевоенные поколения российских антифашистов-интернационалистов. Как выяснилось при опросе студентов, в школе им говорилось о том, что Киевская Русь была населена не только славянскими племенами, но позднее о соседстве русских людей с представителями других народов, вошедших в состав России, они как-то не задумывались, на этом их внимание не задерживалось, хотя Российская империя отличалась от других мировых империй тем, что присоединённые к ней земли более или менее органично входили в уже ранее сложившееся государство, что показал писатель Сергей Залыгин в одной из своих статей в журнале «Новый мир» (1995, № 3). Он писал, что нами новые земли не осваивались вахтовым методом, как это делалось в других империях; для России и Средняя Азия становилась Россией, её губернией. Десятки, сотни народов и религий, множество языков было в России, и она стремилась всё это включить в себя, а себя во все. Россия всем предлагала своё мышление, но в то же время воспринимала мышление многих народов как своё собственное, так что русский язык и русская культура – это плод многовекового творческого труда русского народа и всех народов России, и в будущем взаимовлияние культур будет усиливаться.

Это же положение подтвердил в своё время Перес де Куэльер. На вопрос корреспондента, что представ-

ляет собой Россия в культурном отношении, он ответил: «В культурном отношении Россия, безусловно, великая страна, прежде всего благодаря тому, что на её территории существует огромное количество разных народов, стало быть, разных культур. Это огромный потенциал».

В школьных учебниках русского языка даётся материал о заимствовании русским языком слов в основном из западно-европейских языков. Но и из языков народов России в русский язык и русскую культуру вошли многие слова и культурные реалии. И.Е.Гальченко выявил немало слов, вошедших в русский язык непосредственно из языков Северного Кавказа (Гальченко И.Е. Лексика языков народов Северного Кавказа в русском языке. – Орджоникидзе, 1976). Наши писатели А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов и Л.Н.Толстой немало способствовали знакомству русских читателей со словами, употреблявшимися в языках народов Северного Кавказа: абрек, бурка, лаваш, сакля, чурек, шурпа, нукер, халва, халат, шербет, черемша, аксакал, ашуг, джигит, папаха, башлык, сабля, чадра, чувяки и многими другими.

В Государственном стандарте общего среднего образования культурологической составляющей отводится большая роль в преподавании русского языка в школе, где учащиеся должны усвоить языковой материал, в котором отражена культура не только русского народа, но и культура других народов России. Лексика, вошедшая в русский язык из языков народов России, не в последнюю очередь должна быть включена в языковой материал, на

котором проводится работа со словарями. Адыгейский сыр, продающийся в воронежских магазинах, может послужить поводом для упоминания Адыгейской республики (со столицей Майкоп), кефир, изобретённый карачаевцами, – для упоминания Карачаево-Черкесской республики, танец лезгинка – для выяснения происхождения этого слова, Дон – для определения народа, который дал это название, для выяснения того, когда жили аланы на нашей территории и какой народ в настоящее время восходит к аланам. Мальчикам, безусловно, известен футбольный клуб «Алания». Опрос студентов показал, что они не знают многих народов, искони живущих в России, поэтому их названия (нанайцы, коряки, нивхи, эскимосы, удмурты, коми-зыряне и др.) учителю русского языка всегда нужно иметь в запасе и включать в текст упражнений.

Большую роль в воспитании патриотов и интернационалистов могут сыграть и уроки русской литературы. Русская классическая литература, начиная с А.С. Пушкина, который в своём «Современнике» поместил очерки и рассказы черкесского писателя Серетана Казы-Гирея о жизни народов Северного Кавказа и

положительно оценил их, проявляла большой интерес к народам, населявшим Россию, и отражала своеобразие их жизни с большим сочувствием. Так, произведения М.Ю.Лермонтова и Л.Н.Толстого, воевавших на Кавказе с горцами, но правдиво изображавших кавказцев, высоко ценятся на Кавказе; в то время, когда Д.Дудаев заменил все советские названия населённых пунктов на исконные, имена Лермонтова и Л.Толстого сохранились в названиях селений: Лермонтов-юрт, Толстой-юрт. Когда начались военные действия на Северном Кавказе, проф. А.П. Валагин на одном из заседаний учёного совета факультета сказал: «Если бы наши лидеры читали произведения Лермонтова и Толстого, они никогда бы не начали этой войны».

Чрезвычайно актуальны также концепты толерантность, терпеливость, принципиальность в современной социально-культурной ситуации в стране. В произведениях русских писателей-классиков ученики с помощью учителя смогут найти примеры и терпения, и толерантности, и принципиальности, не отмечавшей, кстати, названных выше понятий.

Воронежский государственный университет

Н.А. Пагис

ДЕБАТЫ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В данной статье анализируется одна из задач современного образования в России – необходимость его гуманитаризации и рассматриваются дебаты как один из способов реализации идеи гуманитаризации. Делается вывод, что технология «Дебаты» может и должна эффективно использоваться в образовательном процессе.

В настоящее время одной из задач, стоящих перед российским образованием, является его гуманитаризация.

Необходимость гуманитаризации образования вызвана тем, что результаты долго господствовавшего у нас практического, технократического подхода к образованию привели к обеднению его гуманитарного содержания, что повлекло за собой снижение творческого и культурного уровня специалистов, потенциала науки и производства, а в конечном итоге – нравственного потенциала страны. Получилось так, как предсказывал русский философ Г.П. Федотов в 1938 году: "... есть перспектива индустриальной, могущественной, но бездушной и бездуховной России... Голая бездушная мощь - это самое последовательное выражение каиновой, проклятой Богом цивилизации" [Цит. по кн.: 1, с.51].

Для технократического мышления главное - достижение цели, техника, а не человек и его ценности. Сущность гуманитаризации и гуманизации образования видится, таким образом, прежде всего в формировании нравственной личности, обладающей высокой культурой мышления, и развитии ее творческих способностей на основе глубокого понимания культурного наследия цивилизации.

Кроме того, гуманизация и гуманитаризация образования способствуют преодолению традиций жесткого этноцентризма, овладению современными формами межличностного и межнационального общения, поскольку в настоящий мо-

мент в ходе мировой и региональной интеграции формируется принципиально новое многомерное социокультурное пространство. Перед системой образования разных стран встает задача подготовки молодых людей к культурному, профессиональному и личному общению с представителями стран с иными социальными традициями, общественным устройством и языковой культурой.

Реализация идей гуманизации и гуманитаризации образования требует изменения всего характера обучения. Возрастает роль новых программ обучения, новых учебных пособий, новых образовательных технологий, одной из которых является обучение организации и проведению дебатов.

В Новомосковском филиале Университета РАО мы используем ее в процессе изучения курса «Русский язык и культура речи» на неязыковых факультетах и при обучении иностранному языку на факультете иностранных языков.

Согласно «Современному словарю иностранных слов», слово «дебаты» - французского происхождения и означает «обсуждение какого-либо вопроса, прения, обмен мнениями». [2, с.180] Образовательная технология «Дебаты» - это увлекательная интеллектуальная игра, направленная на развитие ораторских способностей и умения аргументировать свою позицию; ее также можно назвать риторической дуэлью ораторов. Дебаты – модель общения, модель структурированного интеллектуального спора. Эта технология формирует качества,

способствующие успешной деятельности в условиях современного общества.

Дебаты способствуют расширению кругозора студентов и школьников, развитию их общей культуры, навыков публичного выступления, умения уважать мнение других людей, доставляя интеллектуальное удовольствие зрителям и слушателям.

Зародившись как система структурных дискуссий в Древней Греции, дебаты были там важной составляющей демократии. Граждане Древней Греции спорили о преимуществах и недостатках предлагаемых законов; ученики учились спорить, анализируя проблемы с разных точек зрения, чтобы лучше понять их. «Все спорные обстоятельства, суды, важные государственные и личные житейские вопросы решались по итогам выступлений оппонентов и всех спорящих сторон. Тот, кто лучше умел доказывать свою точку зрения, независимо от того, был он прав или нет, становился победителем этого противостояния.» [3, с. 2]

В 1960 году дебаты вновь оказались востребованы, когда во время президентских выборов в США состоялись первые телевизионные дебаты между двумя кандидатами в президенты - Джоном Кеннеди и Ричардом Никсоном. С тех пор эта форма дебатов регулярно используется во многих странах. Кроме того, дебаты традиционно предшествуют подписанию контрактов в бизнесе, используются в поединке между прокурорами и адвокатами, являются формой работы парламентов многих стран.

Таким образом, можно сказать, что дебаты стары, как мир. Однако как образовательная технология дебаты появились совсем недавно. В 1993 году Институтом «Открытое общество» была основана Международная программа «Дебаты», целью которой было обучить молодых людей умению интеллектуального спора. В настоящее время клубы дебатов широко распространены в университетах и школах в Западной Европе, США, Японии и Юго-Восточной Азии. В Международную Ассоциацию Парламентских (Университетских) Дебатов входят более 100 стран, а в Международную Ассоциацию Школьных Дебатов - около 50 стран. В 1998 году зарегистрирована Международная Образовательная Ассоциация «Дебаты», членом которой является и Россия. В разных странах регулярно проходят международные турниры по дебатам, в которых участвуют и команды из нашей страны; пока они не добиваются значительных успехов, но набираются опыта и улучшают результаты от турнира к турниру.

С 1995 года организуются Международные летние лагеря «Дебаты», куда приглашаются школьники, студенты, тренеры, учителя из разных стран.

В среднесрочной стратегии ЮНЕСКО на 2002 - 2007 годы одной из целей провозглашается "сохранение культурного разнообразия и поощрение плюрализма и диалога между культурами и цивилизациями". Гармоничное взаимодействие культур базируется на принципах уважения, понимания и интереса к культурному многообразию. Воспи-

тание в духе толерантности как активного отношения, формируемого на основе признания универсальных прав и основных свобод человека, возможно только при использовании активных методов и форм работы с молодежью. Ведь невозможно учить диалогу, не используя диалог.

В России программа «Дебаты» развивается с 1994 года при поддержке Института «Открытое общество». В настоящее время в программе принимают участие студенты и школьники более 40 городов нашей страны. Создан национальный дебатный центр, идея которого – соревнование в мире идей. Стратегию развития программы и учебно-методические материалы разрабатывает национальный экспертно-координационный совет, рассылающий разработанные материалы по региональным ресурсным центрам, которые, в свою очередь, обеспечивают методическую поддержку клубам «Дебаты».

Основное направление деятельности клубов - развитие культуры публичного обсуждения общественно значимых проблем. Клубы объединяют и развивают социально активных, способных и стремящихся к саморазвитию, имеющих интеллектуальный и личностный потенциал молодых людей. Сферой применения навыков, приобретаемых в клубе, могут быть как образование, профессиональная деятельность, так и достижение общественно значимых результатов.

Клубы проводят тренинги для участников, включающие ролевые и риторические игры, тренинги "Эффективное восприятие информации", "Публичное выступление",

"Стратегии игры в "Дебаты"", "Культура спора", "Стратегический анализ ситуации" и другие. Такие клубы являются местом встречи интеллектуальной молодежи, способом формирования активной гражданской позиции, экспериментальной площадкой образовательных технологий.

Особенностью программы «Дебаты» в России является использование дебатов в образовательном процессе. Созданный российскими специалистами учебно-методический комплект «Дебаты» прошел экспертизу в Министерстве образования РФ и активно внедряется в учебный процесс средней и высшей школы.

Цели программы «Дебаты» - способствовать

- становлению гражданского общества;
- развитию критического мышления;
- развитию толерантности и уважительного отношения к различным взглядам;
- развитию партнерского общения и умения работать в команде.

Клубы дебатов проводят олимпиады по дебатам, организуют дебаты между университетами, между школами, между преподавателями и студентами, учителями и учениками, учениками и родителями, учениками и администрацией.

Необходимо отметить, что темы дебатов формулируются только в утвердительной форме, например: «Забастовки должны быть запрещены законом». В англоязычных странах перед названием темы ставится слово “resolved” («дебатиру-

валось»): “Resolved: Strikes Should be Outlawed”.

Главное в игре - процесс доказательства и убеждения оппонента и публики, ответов на опровержения оппонентов и вопросы, развитие креативности, остроумия и ораторского мастерства. Дебаты развивают умение мыслить и говорить одновременно, поскольку это заложено в их формате, так как здесь необходимо не только выдать придуманные заранее вместе с партнером тезисы и аргументы в защиту своей точки зрения, но и опровергнуть поступающие возражения и убедительно ответить на вопросы. Таким образом, в процессе игры приобретаются навыки успешного убеждения в справедливости своей позиции, систематического подбора информации, ее критического осмысления, импровизации в ходе выступления, психологической устойчивости в стрессовой ситуации.

Умение грамотно, аргументированно и убедительно говорить подразумевает длительную подготовку и работу с материалами, которые связаны с темой дебатов, поскольку, если человек хочет доказать преимущество своей точки зрения, он должен собрать требующуюся информацию, проанализировать предполагаемую аргументацию оппонента, продумать ответную аргументацию. Чтобы найти нужную информацию, необходимо проштудировать как можно большее количество источников, что приучает участников к самостоятельной исследовательской работе с источниками – как в библиотеках, так и в Интернете.

Существует несколько форматов игры «Дебаты», но во всех вариантах правила игры логичны и жестки, порядок выступлений строго фиксирован. После объявления темы в форме дебатлируемого категоричного утверждения одна сторона выступает «за» это утверждение, другая – «против». Командам дается равное количество времени – обычно от 5 до 15 минут – на представление своей позиции, а затем более короткие отрезки времени для оппонирования друг другу. Сторона, выступающая «за» дебатлируемое утверждение, начинает дебаты, приводя доводы, сопровождаемые доказательствами, а оппонировавшая сторона опровергает доводы первой команды. При оппонировании можно приводить новые доказательства (новую информацию), но не новые аргументы. Необходимо четко соблюдать время, отводимое на выступление, слушать не перебивая, спокойно и вежливо отвечать на аргументы и приводить свои.

Один из популярных форматов дебатов - *формат Карла Поппера*. Регламент дебатов в этом формате следующий:

1. Речь 1-го спикера утверждающей команды (6 мин.)
2. Раунд перекрестных вопросов. 3-й спикер отрицающей команды задает вопросы 1-му спикеру утверждающей команды. (3 мин.)
3. Речь 1-го спикера отрицающей команды (6 мин.)
4. Раунд перекрестных вопросов: 3-й спикер утверждающей команды задает вопросы 1-му спикеру отрицающей команды (3 мин.)
5. Речь 2-го спикера утверждающей команды (5 мин.)

6. Раунд перекрестных вопросов: 1-й спикер отрицающей команды задает вопросы 2-му спикеру утверждающей команды (3 мин.)

7. Речь 2-го спикера отрицающей команды (5 мин.)

8. Раунд перекрестных вопросов: 1-й спикер утверждающей команды задает вопросы 2-му спикеру отрицающей команды (3 мин.)

9. Речь 3-го спикера утверждающей команды (5 мин.)

10. Речь 3-го спикера отрицающей команды (5 мин.)

Каждая команда имеет право на 8-минутный перерыв (таймаут) для консультации друг с другом между выступлениями, который они могут использовать за один раз или частями.

Для того чтобы игра развивалась динамично, в этом формате существует должность таймкипера – человека, который следит за временем. Таймкипер показывает, сколько времени осталось до конца раунда (3 минуты, 2 минуты, 1 минута, 30 секунд).

Выигрывает команда, которая, по мнению судейской коллегии, была более убедительной в аргументации и доказательстве своей позиции. При принятии решения экспертами учитываются сила выступлений, весомость аргументов, уверенность, техника речи, ясность, четкость выступления, качество ответов на вопросы, сильные ходы и промахи, соблюдение регламента и прочее.

Темы дебатов могут быть самыми разными, среди наиболее популярных можно отметить следующие:

- Молодежь должна иметь возможность представлять свои интересы в органах власти

- Для сохранения окружающей среды следует ограничить экономическое развитие

- Более строгие приговоры оправданы для снижения преступности

- Активная личность может повлиять на политику государства

- Права человека важнее интересов отдельных государств

- Государство должно обеспечить бесплатное образование

- Однополые браки аморальны

- Мир нуждается в единой религии

- Переговоры с террористами вести нельзя

- Продажу наркотиков следует легализовать

- Олимпийская идея в современном мире дискредитирована

- Всеобщая воинская обязанность необходима

- Вырубка лесов должна быть прекращена.

Конечно, за строго ограниченное время игры сложную проблему невозможно рассмотреть со всех сторон, зато можно успешно потренировать свои ораторские умения.

Именно это свойство дебатов стало причиной их использования на занятиях иностранным языком как в старших классах средней школы, так и в языковых вузах. Дебаты обычно становятся завершающим аккордом при изучении тем, связанных с современной действительностью, таких как «Охрана окружаю-

щей среды», «Современное искусство», «Проблемы современной семьи», «Глобализация и языки мира», «Мастерство учителя», «Проблемы спорта сегодня», «Здоровый образ жизни» и другие.

В результате развиваются как профессиональные умения, так и личностные качества молодых людей. С профессиональной точки зрения, у студентов, изучающих иностранный язык, обогащается словарный запас, значительно возрастает объем используемых грамматических структур, улучшаются произношение и интонация, развиваются умения подготовленной и спонтан-

ной речи, значительно расширяется кругозор, формируются исследовательские навыки, в том числе умение работать в Интернете. Кроме того, совершенствуется ораторское мастерство, умение говорить на публике, растет уверенность в себе, приобретаются навыки умения справляться с психологическим стрессом, связанным с необходимостью контактировать с самыми разными людьми.

Все это позволяет сделать вывод, что технология «Дебаты» может и должна эффективно использоваться в образовательном процессе.

Библиографический список

1. Столяренко Л.Д., Самыгин С.И. Педагогика. - Ростов-на-Дону, 2000.
2. Современный словарь иностранных слов. М., Русский язык, 1993.
3. Устинов. «Дебаты»: Учись убеждать!» <http://www.ustinow.ru>.

УДК

Л.В. Сычёва

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ ВНЕАУДИТОРНОМУ ЧТЕНИЮ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Статья посвящена проблеме методики обучения внеаудиторному чтению произведений на русском языке иностранных студентов. В ней рассматриваются группы различных упражнений на проверку умения студентов выделять в тексте отдельные факты, соотносить их друг с другом, обобщать и оценивать их, а также высказывать своё отношение к прочитанному произведению.

Современная теория и практика подготовки специалистов нового типа, обладающих высоким профессионализмом и способных к творческой деятельности, поставлены перед необходимостью улучшения и систематизации самостоятельной работы студентов по всем учебным дисциплинам. Её значимость подкрепляют такие тенденции современного учебного процесса как динамизм, дифференциация обучения [1]. Русский язык, как и любой другой учебные предмет, должен быть существенным, формирующим личность фактором, который необходим для разностороннего развития студентов и полноценной реализации их возможностей.

Развитие речевой деятельности иностранных студентов предполагает выработку умений слушать, говорить, читать и письменно излагать свои мысли. Умение читать складывается из техники чтения (правильного озвучивания, произношения слов, словосочетаний, предложений и уяснения их значений) и понимания прочитанного. Пока техника чтения не освоена, предложение, мысль остаются слишком трудным объектом для по-

нимания. Зрелое чтение включает умение пользоваться словарём, грамматическим справочником, опираться на чувство языка, языковую догадку[2].

Внеаудиторное чтение – это чтение оригинальных художественных и научных текстов на иностранном языке, которое организуется преподавателем. Контроль над чтением осуществляется на занятии в аудиторное время. Самостоятельное домашнее чтение применительно лишь на поздних этапах обучения, когда у студентов есть уже необходимый запас слов, грамматических знаний и умений. В процессе домашнего чтения развивается техника чтения, закрепляется изученная лексика и грамматика, пополняется словарный запас студентов, зрительно закрепляются навыки письма.

Со стороны цели в организации домашнего чтения существуют две тенденции, во-первых, чтение с целью понять текст (собственно чтение) и, во-вторых, чтение как подготовка к устной речи по прочитанному тексту. Именно второе направление привнесено практической направленностью учебного

процесса обучения языку на развитие устной речи [3].

Исходя из цели обучения языку в организации домашнего чтения, необходимо различать два этапа. Первый этап – собственно чтение как процесс получения информации из текста. Этот этап обязателен в работе над любым текстом. Второй этап – устная речь на материале домашнего чтения.

Наличие двух названных целевых установок и двух этапов в организации домашнего чтения обуславливает и два подхода к контролю чтения:

1) контроль как средство проверки понимания информации, заложенной в тексте;

2) контроль-обсуждение как средство развития устной речи на основе содержания текста.

В первом случае контроль помогает раскрытию событий и обстановки, описанных в тексте, раскрытию характеров действующих лиц. При втором подходе к организации контроля домашнего чтения понимание текста – это только часть задания, подготовка к следующему этапу – развитию и контролю устной речи. Обсуждение предполагает понимание содержания текста; понятое содержание служит базой для построения бесед, сообщений, высказывания суждений, выражения отношений, эмоций и т.п.

Овладение чтением осуществляется в результате выполнения предтекстовых, текстовых и послетекстовых заданий. Понимание текста включает извлечение из него информации и её дальнейшее осмысление, что соотносится с дву-

мя уровнями понимания – уровнем значения и уровнем смысла.

Извлечение фактической информации основывается непосредственно на умениях, связанных с пониманием языка текста. Способствуя развитию навыков понимания незнакомого текста, накоплению словаря, домашнее чтение преследует цель – научить схватывать, понимать основной смысл, по возможности без словаря, а не превращать чтение в дешифровку текста, когда читатель каждое слово смотрит в словаре. Предлагаем вместе с тем список слов, подлежащих усвоению; список этот, как правило, минимальный. Подготовить студентов к чтению и пониманию текста без словаря помогает формирование словарного запаса, т.е. слов, которые могут быть ими узнаны и поняты при чтении, хотя они их специально не изучали. Правильно отобранный потенциальный словарь предполагает чтение и понимание без словаря текстов, где на 100 известных слов содержится от 15 до 30 незнакомых слов, о значении которых можно догадаться по словообразовательным элементам и по контексту. Источником формирования потенциального словарного запаса могут быть новые значения уже изученных слов, производные и сложные слова, слова-интернационализмы [2].

Умение узнавать и понимать незнакомые слова не приходит само собой, ему тоже надо учить, предлагая целенаправленные виды упражнений в словообразовании: «От данных глаголов (прилагательных, существительных) образуйте существительные (глаголы, прилагатель-

ные)»; «Подберите однокоренные или родственные слова к слову...» и др.

Текст представляет собой развёрнутое речевое произведение, и по мере поступления информации читающий осуществляет её переработку: понимание единичных фактов сопровождается установлением между ними связи и их иерархии, на этом основании они объединяются в смысловое целое. Это требует умения выделять в тексте отдельные его элементы, обобщать, синтезировать полученные факты в смысловые куски и соотносить их друг с другом.

Переработка на уровне смысла требует умений вывести на основе полученной информации суждение, оценивать факты и интерпретировать прочитанное. Другими словами, понимание текста наступает в результате решения читающим ряда мыслительных задач, возникающих при зрительном восприятии текста и связанных с его смысловой переработкой. Положение осложняется и тем, что переработка поступающей при чтении информации совершается сразу на различных уровнях, а это означает, что в каждый отдельный момент читающему приходится решать одновременно несколько задач [3].

Группу упражнений на уровне понимания значения, т.е. извлечения из текста фактической информации можно представить в виде следующих заданий:

А. На умение выделять в тексте отдельные факты. Это умение рассматривается как одно из важнейших для адекватного извлечения информации. Студент должен

научиться выделять любой единичный факт или ряд единичных фактов.

1) Расскажите о факте, подтверждающем или опровергающем следующее положение ...

2) Укажите основной довод в пользу тезиса ...

3) Укажите, что автор считает причиной ...

4) Какой факт приводится в качестве иллюстрации ...

5) Перечислите всех действующих лиц ...

б) Ответьте на вопросы. Следует заметить, что вопросы в данном случае должны быть направлены на выяснение общего содержания текста или его отдельных мест.

Б. На умение соотносить отдельные факты друг с другом, что означает сопоставление и оценку их относительно друг друга, в результате чего устанавливается иерархия фактов (главное – второстепенное), логическая связь (причина – следствие). Важнейшим условием понимания связного текста является установление иерархии фактов по степени их значимости. Поэтому следует предусмотреть подгруппу упражнений, в которых студенты будут решать именно эту задачу.

1) Скажите, какие факты, изложенные в рассказе, относятся к главным, какие – к второстепенным.

2) Скажите, какие факты или эпизоды можно было бы опустить как второстепенные.

3) Назовите факты, иллюстрирующие, поясняющие или относящиеся к теме « ... » и т.п.

В. На умение обобщить, синтезировать отдельные факты.

1) Выразите главную мысль рассказа;

2) Придумайте заглавие к рассказу;

3) Придумайте вопрос, ответом на который мог бы служить данный рассказ.

4) Скажите, в каком из эпизодов рассказа факты излагаются объективно или необъективно.

5) Скажите, какие из эпизодов рассказа отражают положительное или отрицательное отношение автора к излагаемому.

Умения, связанные с пониманием текста на уровне значения должны выступать самостоятельными объектами упражнений. Можно добавить, что не может быть понимания на уровне смысла без понимания на уровне значения. Умения этой группы обеспечивают полноту понимания.

Группу упражнений на уровне понимания смысла, которые требуют, как мы уже сказали, умений вывести на основе полученной информации суждение, оценивать факты, соотнося их со своим опытом, и интерпретировать прочитанное, можно представить в виде следующих заданий:

1) Охарактеризовать того или иного героя рассказа;

2) Охарактеризовать время, место и обстоятельства действия;

3) Ответить на вопросы с изложением в ответе своей точки зрения по затронутому вопросу;

4) Прокомментировать событие, эпизод или поступок, содержащиеся в рассказе;

5) Дискуссия в связи с оценкой событий или поступков героев рассказа;

6) Представить поведение героев в изменившихся обстоятельствах;

7) Представить себя или своих знакомых в обстоятельствах рассказа;

8) Пресс-конференция по вопросам рассказа;

9) Ролевая игра.

Такие упражнения обеспечивают переработку, извлечённой фактической информации. Студенты не просто регистрируют факты, а подвергают их дальнейшей переработке, что, собственно, и приводит к пониманию текста как целостного речевого произведения. Развивающиеся при этом умения обеспечивают глубину понимания.

Также нужно использовать и предтекстовые упражнения для пробуждения и стимулирования мотивации к работе со следующим произведением, прогнозирования содержания текста с опорой на знания студентов, их жизненный опыт.

В итоге можно отметить, что первые три послетекстовые упражнения направлены на проверку понимания произведения на уровне значения (первое – на умение выделять в тексте отдельные факты, второе – на умение соотносить отдельные факты друг с другом, третье – на умение обобщить, синтезировать отдельные факты), четвёртое упражнение направлено на проверку понимания на уровне смысла и пятое предтекстовое упражнение готовит к работе над следующим произведением. Все эти упражнения используются, во-первых, для развития неподготовленной устной речи (так как не даются заранее), во-вторых, для проверки понимания

прочитанного и, в-третьих, применение данной системы упражнений позволит сделать процесс обучения говорению более творческим и эффективным.

Таким образом, самостоятельная работа органично вписывается в учебный процесс. Современный подход к организации система-

тической работы студентов при изучении языка в общих рамках учебного процесса предполагает совершенствование её традиционных видов и развитие новых приёмов и форм, ориентированных на формирование самообразовательной компетенции.

Библиографический список

1. Зайцева И.В., Зарицкая Л.А. Самостоятельная работа студентов при обучении иностранному языку. (<http://www.orenport.ru/docs/281/workstud/Members/zaiceva.htm>).
2. Кочеткова В.Г. Из опыта обучения чтению иностранных студентов// Социокультурные аспекты профессионального общения: Матер. междунар. науч. конф., Воронеж, 2005. – С. 238-240.
3. Огородникова О.К. Обучение говорению на занятиях по домашнему чтению. (<http://nakhodka.wl.dvgu.ru/forum/section7/7-17.htm>).

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 378:6813

И.В. Королько, Н.М. Нефёдова

ИЗУЧЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕРМИНОЛОГИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

В данной статье рассматривается проблема изучения Интернет-терминологии на занятиях по иностранному языку в техническом вузе, даётся ряд примеров заимствований из английского языка в русский и их происхождение.

В соответствии с Приказом Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации от 4 июля 1997 года во многих вузах России выпускникам присваивается дополнительная квалификация «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Профессионально ориентированный перевод является средством

профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и разновидностью специального перевода, связанного со специальными отраслями знания, науки, техники и деятельности человека. Принятие Думой закона о двухуровневом высшем образовании в РФ (бакалавриат и магистратура) в соответствии с Европейским стандартом,

участие России в Болонских соглашениях, расширение культовых международных коммуникаций во всех сферах жизни страны, потребовали поиска новых подходов к подготовке профессиональных кадров в области знания иностранных языков.

Массовая Компьютеризация вузов и школ и подключение к Интернету в соответствии с Национальным проектом по образованию диктует необходимость изучения на занятиях по иностранному языку Интернет-терминологии и истории появления некоторых терминов, заимствованных из английского языка в русский, (помня при этом, что интерференция терминов и понятий из одного языка в другой и приводит к ассимиляции или отторжению их).

Термин- это слово или словосочетание, обозначающее понятие (предмет, явление, свойство, отношение, процесс), специфическое для данной отрасли науки, техники, искусства или сферы общественной жизни (1). Желательно, чтобы термин обладал однозначностью и краткостью (2).

Термин «Интернет»- (International Network) ввёл в 1974 году Винтон Серф- обозначает единую информационную структуру, объединяющую множество независимых сетей.

Рей Томлисон придумал значок @, означающий- электронная почта.

Тим Бернес-Ли и Роберто Кайо написали для сети программу World Wide Web (WWW), с помощью которой стало возможно пересылать отформатированные документы, создавать Интернет- страни-

цы и использовать удобную систему навигации. Так была создана Всемирная паутина, мировое хранилище информации.

Развитие Интернета привело к созданию множества программ: ICQ- I seek you – по-русски «аська». Wi-Fi – wireless fidelity – без проводов.

Wi- Max – world wide Interoperability for Microwave access – глобальные возможности для микроволнового доступа.

Trak Vision A5V – Car Personal Computer System- автомобильная система ПК без телефонной линии.

Internet Protocol =IP= the network protocol- объясняет как перейти из одного раздела сети в другой.

VO IP – voice over IP – голос через Интернет

USB – universal serial bus – групповая линия электро-соединений.

The model Skype Mate USB – PIK – программа, рассчитанная на исследование любой операционной системы

(LINUX, Mac, Pocket, Windows).

Web Log (1997) – Wee Log (1999) – Blog, где log- запись повседневных событий = публичный дневник (public diary).

Nickname – псевдоним, спрашивают при знакомстве в ЖЖ (живой журнал).

Изучение Интернет- терминов на занятиях по иностранному языку расширяет возможности коммуникации и позволяет использовать возможности «мировой паутины» в созидательных целях.

Библиографический список:

1. Алимов В.В. Теория перевода. Учебное пособие. изд. 4-е испр.- М.: Ком книга,- 2006,-160 с.
2. Гвишиани Н.Б. Терминология, в обучении Английскому языку, с «глассарием терминов». Учебное пособие. М,,: Высшая школа. 1994.-157 с.

I.V. Korolko, N.M. Nefedova

**TEACHING OF INTERNET- TERMS ON THE FOREIGN LANGUAGE LESSONS AT
THE TECHNICAL HIGHER SCHOOL**

The article deals with the problem of teaching Internet- terms on English Language lessons at the technical higher school. The authors give some examples of Internet- terms borrowed from English into Russian at the begging of 21-th century.

*Воронежский государственный архитектурно- строительный университет
Воронежское высшее военное авиационное инженерное училище (ВИ)*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК

В.В. Буряченко**ВОСТОК И ЗАПАД КАК КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАДИГМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ЕГИПЕТСКИЙ ГОЛУБЬ»)**

В статье рассматривается проблема соотношения культурологических особенностей Востока и Запада с точки зрения русского философа, дипломата, богослова и литератора XIX столетия К.Н. Леонтьева. Его повесть 1881 г. «Египетский голубь» представляет собой рассказ секретаря русского консульства в Турции, глубоко понимающего и любящего Восток. В произведении с большой теплотой описаны природные ландшафты Турции, показан ее национальный колорит, социокультурные особенности. В представлении главного героя Европа незстетична, уродлива во всех своих чертах и олицетворяет падение, смерть и траур, поэтому русскому человеку нельзя ориентироваться на западный образ жизни и мысли.

К.Н. Леонтьев – малоизученная фигура в русской культуре. Врач, дипломат, философ, литератор, богослов, он оставил после себя богатое и многогранное наследие, которое актуально и в наши дни.

Как дипломат К. Леонтьев прослужил в Турции десять лет, много путешествовал, однако его увлечение Востоком объясняется не только этим обстоятельством, но и его философско-эстетическими пристрастиями, которые изложены в его статье «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». В ней К. Леонтьев пишет о нравственном и умственном разрушении Европы, идущей по пути прогресса и уничтожающей прекрасное «разнообразие характеров, сословий». Он размышляет о месте России в этом мире и утверждает, что «Россия – страна загадочных славяно-туранцев», поэтому «на началах исключительно европейских нам, русским, нельзя уже жить» [2,148].

В художественном творчестве его взгляды на Восток и Европу

наиболее полно отразились в повести 1881 г. «Египетский голубь». Она представляет собой рукопись, «рассказ русского». В этом произведении особенно ярко отражается Восток К. Леонтьева. Главный герой Ладнев – секретарь русского консульства в Турции, с удовольствием несущий свою службу. Увлеченность своими должностными обязанностями герой объясняет в аспекте противопоставления Европы и Востока: «Службой своей я дорожил; я ужасно любил ее, эту службу....В этой деятельности было столько именно не европейского, не буржуазного...; в этой службе было тогда столько простора личной воле, личному выбору добра и зла, столько доверия со стороны национальной нашей власти! Столько простора самоуправству и вдохновению, столько возможности делать добра политическим «друзьям», а противникам безнаказанно...вредить! Жизнь турецкой провинции была так пасторальна с одной стороны, так феодальна – с другой!» [2,356].

При любых сравнениях Турции с Европой Ладнев всегда отдает предпочтение Турции. «Восток живописен; Европа в самом дурном смысле проста» [2,334]. Даже такие незначительные вещи, как предметы одежды, если они связаны с Европой, вызывают у героя отвращение: «Уродливые и смешные головные уборы, выдуманные во Франции... Это символы падения, это безобразная мода!... Это – смерть, это траур» [2,338]. И напротив, пестрота и веселость в одеждах, жаркий воздух, южный ветер, бурлящие синие волны Босфора – это жизнь, это праздник: «...в турецком (*восхитительном* для меня) квартале, на моем дворе было большое персиковое дерево...и на ветках его часто ворковал голубь» [2,309]; «*прекрасные* деревья и кусты...*прекрасная* набережная...синие и тихие воды *прекрасного* пролива». Каждая черта Востока описывается с очевидной теплотой и нежностью и характеризуется словом «прекрасный», обозначающим в русском языке наивысшую степень красоты.

Единственное, что не нравилось Ладневу в Турции, это «сухость единоверцев наших в любви. Мне ненавистно было отсутствие в их сердечной жизни того романтизма, к которому я дома в России с самого детства привык» [2,339]; «если бы к прелести и пестроте картины окружающих нравов возможно было бы прибавить потрясающую музыку страстных чувств и наслаждения живой и тонкой мысли, то...лучше жизни нельзя бы было во всем мире найти» [2,340].

Искренне любя Восток и живя там долгое время, Ладнев, тем не менее, всегда остается русским по духу, по чувствам и по мыслям. «Как я *счастлив*, о Боже! Мне так ловко и тепло *в моей* меховой *русской* шубке...Как я *рад*, что я *русский*...Как я *рад*, что я *живу в Турции!*» [2,361]. В своих отношениях по службе герой всегда защищает честь русской нации. Упоминание Ладневым о столкновении с иностранцем отражает факт биографии самого К. Леонтьева в пору его дипломатической службы на Востоке. «Однажды, взбешенный дерзостью французского консула, неуважительно говорившего о России, Леонтьев ударил его хлыстом, причем дело происходило в канцелярии консула. Этот эпизод составлял “одно из самых жизнерадостных воспоминаний” в жизни Леонтьева» [2,522]. В «Египетском голубе» Ладнев в разговоре с русским поверенным в делах так комментирует похожее происшествие: «Я нахожу, что *по чести* русской я поступил правильно, прочувствовав этого негодяя...Я прошу помнить, что он сказал мне (или вернее сказал *не мне, а русскому*): “Извольте выйти вон и чтобы нога ваша не была более на пороге нашей канцелярии...” Разве можно было не ударить его?» [2,316].

На турецкой земле Ладнев переживает любовное увлечение, ставшее причиной разнообразных, иногда противоречивых чувств. Настроению и мыслям героя в своем звучании соответствует природа: понимание героем значения его встречи с Машей Антониади как прекрасного явления, эстетически и

чувственно наполнившего его жизнь, сопровождается прекращением дождя и появлением солнца, которое «тепло и весело освещало мелкую, сырую зеленую травку на пригорке...» [2,357]. В турецких пейзажных образах отражается не только природа, совсем не похожая на русскую, но и национальные черты восточных людей и их образа жизни: «щебетанье птиц в обнаженных зимних садах, которые стали еще узорнее и милее прежнего; движение пестрых и грязных базаров стало осмысленнее и живописнее. Это было похоже на драгоценную, прекрасную рамку, пока без полотна, но которая наполнена добрыми черными очами и лукавой улыбкой» [2,403]. Неслучайно в этом фрагменте слово «прекрасный», которое является основной категорией эстетики, повторяется четыре раза. Таким образом, у Ладнева красота природы и красота женская переплавляется в единый образ красоты как первотолчка для рождения эстетического, но уже на уровне искусства (поэтому появляется *рамка*, напоминающая о живописи).

Одни и те же вещи могут радовать его или навевать скуку и тоску, что показывает, насколько чувства влияют на тонкое восприятие героя. «Все то, что было для меня...не так давно источником *блаженства*, стало теперь орудием *пытки*. Живописный пестрый вид из окна, безмолвные переулки и таинственные дома с решетками на окнах, крик муэззинов на круглых балконах минаретов, разноцветные одежды жителей, громкие стоны голубя моего... – все это начинало раздражать

и томить меня до истинной муки», потому что «вечно созерцать, ожидать и томиться чем-то и о ком-то без конца, это *невозможно!* Это нестерпимая *пытка!*» [2,375 – 376].

Предметы архитектурных и природных вертикалей на Востоке – «восхитительная мечеть, старое кладбище на краю высокого обрыва, за которым река Тунджа вилась по тучному лугу, где высились полуразрушенные башни и шумели пышные, вековые вязы и тополи старого Серая» [2,391] – гармонично вписываются в пейзаж восточного города. В ландшафте Турции нет русского размаха, широты и бесконечности. Он меньше, поэтому четче очерчен и гораздо ярче. В нем больше солнца и красок, чему способствует обилие разноцветных домов и разнообразных ароматных цветений. «На большом дворе ярко-голубого дома был палисадник, на одном конце которого был построен очень милый киоск с разноцветными стеклами» [2,391]. Двор жилища самого Ладнева, выкрашенного в темно-красный цвет, напоминал цветник, «убранный мозаичными дорожками из серых, белых и черных камешков», по бокам которых росли стриженные мирты. Между этими миртами «цвели желтый фиоль и фиалки, благоухая по всему двору» [2,359]. Дом Ладнева, окруженный желтой стеной-оградой, располагался на возвышении, с которого открывался широкий и прекрасный вид на город. Оттуда хорошо были видны все дома: темно-синие с белыми цветами и разводами, «голубые, белые, розовые, бледно-красные, зеленые, желтые, темно-коричневые. Между до-

мами...много зелени: шелковица, высокие “пирамидные” *тополи*. С ними рядом высится много тонких *минаретов*...поля за городом, изгибы *реки*, песок на *берегу*, каменные *мосты* на реках и *сады* шелковицы на *полях*. Прелестный вид. *Пестрый* и *веселый*...Часто *солнце* светило над этой *картиной*, и *дым* домашнего труда поднимался из всех очагов» [2,360]. Идиллическая картина социального пространства: «дым домашнего труда» на фоне цветистой, яркой картины. Турецкая горизонталь, удлинённая каменными мостами, состоит из тех же топосов, что и русская в другом художественном произведении, в «Подлипках»: поле, река, ее берега, поля. Топосы, сходные с русскими, составляют и турецкую вертикаль. Тополя, сады и солнце – природная вертикаль – дополняется архитектурной, множеством тонких минаретов, и поднимающимся вверх дымом. Но, в отличие от русского ландшафта, турецкое пространство многоцветное, «пестрое и веселое».

К. Леонтьев показал восточный колорит изнутри, через личностное пространство. Внутренняя часть любого турецкого жилища располагала к отдыху. Ладнев детально описывает маленькую комнатку в сенях одного из домов, напоминавшую беседку. Она была вся в цветных стеклах с деревянным потолком, «очень пестрым и веселым, как персидский ковер. Кругом трех стен шел широкий турецкий диван красного цвета, «шерстяной ворс петельками, сотканный вручную» [2,384]. Яркость внешнего и внутреннего убранства, ковры повсюду, диваны по кругу

комнаты, беседки, цветные стекла – все это создает неповторимый, легко узнаваемый восточный стиль. Пестрота и веселье турецких домов повторяет яркость природной картины. Архитектура вписана в ландшафт по стилю и краскам, создавая очень цельный и объемный пейзаж. Все это способствовало тому, что несмотря на минуты тоски, когда Ладнев вспоминает о родине, он чувствует себя *счастливым* в Турции: «мне было *весело*; мне было *приятно* жить тогда на свете; мне стало приятнее прежнего и гулять, и трудиться, и есть, и пить, и спать, и бодрствовать, и мыслить, и смеяться, и не только любить – мне ненавидеть стало как-то *слаще*» [2,406].

Взгляды К. Леонтьева современны и сегодня. Он учит нас помнить, что у России свой, особенный путь, который сильно отличается от Европейского, что у нас больше общего с Востоком и что не следует слепо поддаваться влиянию Запада. Поэтому К. Леонтьева смело можно назвать нашим современником.

Библиографический список

1. К. Леонтьев, наш современник / сост. Б. Адрианов, Н. Мальчевский. – СПб.: Издательство Чернышева, 1993. – 464 с.
2. Леонтьев К.Н. Египетский голубь. Роман, повести, воспоминания / К.Н. Леонтьев. – М.: Современник, 1991. – 527 с.
3. Леонтьев К.Н. Избранное / К.Н. Леонтьев. – М.: Рарогъ, Московский рабочий, 1993. – 400 с.
4. Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба / К.Н. Леонтьев. – М.: Русская книга, 2002. – 526 с.
5. Разумовский Ф. На берегах Оки (от Серпухова до Каширы) / Ф. Разумовский. – М.: Искусство, 1988 – 216 с.

V.V. Buryachenko

THE EAST AND THE WEST AS ANTAGONISTIC CULTURAL PHENOMENA IN THE VIEW OF K.N. LEONTYIEV (BASED ON THE NOVEL “EGYPTIAN PIGEON”)

The article is devoted to the opposed cultural ideas of the East and the West as Russian philosopher, diplomat, deeply religious person, publicist and novelist of XIX century K.N. Leontyiev viewed them. His novel “Egyptian Pigeon” is about the life and work of the Russian consulate secretary in Turkey, a person who deeply loves and understands the East. Nature landscapes of Turkey, local colour, social and cultural features are presented with great fascination. Attraction of this orient country is opposed in the idea of the main character to ugliness of Europe, which signifies destruction, death and mourning. Consequently, the Russians must not follow the western way of life and thinking.

Воронежский государственный университет

УДК 811.111' 373. 612.2

Т. Н. Панкова

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ОВОЩИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

В данной статье рассматривается национальная специфика образования метафорических значений. Выявляются и анализируются общие и национально-специфичные признаки образования метафорических значений в русском и английском языковом сознании.

Как отмечает Джордж Лакофф, для большинства людей метафора - это поэтическое и риторическое выразительное средство, принадлежащее

скорее к необычному языку, чем к сфере повседневного обыденного общения. Более того, метафора обычно рассматривается исключи-

тельно как одно из проявлений естественного языка – как то, что относится к сфере слов, но не к сфере мышления или действия. Именно поэтому большинство людей полагает, что они превосходно могут обойтись в жизни и без метафор. В противоположность этой расхожей точке зрения следует признать, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Обыденная понятийная система, в рамках которой человек мыслит и действует, метафорична по самой своей сути.

Понятия, управляющие человеческим мышлением, вовсе не замыкаются в сфере интеллекта. Они также управляют повседневной деятельностью, включая самые обыденные, земные ее детали. Понятия упорядочивают воспринимаемую человеком реальность, способы его поведения в мире и контакты с людьми. Понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если предположить, что понятийная система носит преимущественно метафорический характер, то тогда мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорами.

Однако понятийная система отнюдь не всегда осознается человеком. В повседневной деятельности он чаще всего думает и действует более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Что представляют собой эти схемы, пока не совсем очевидно. Один из способов их выявления состоит в изучении естественного языка.

Поскольку естественное языковое общение базируется на той же понятийной системе, которая используется в мышлении и деятельности, язык выступает как важный источник данных о том, что эта система понятий собой представляет.

Следовательно, обыденная понятийная система метафорична по своей сути и опирается на лингвистические данные. Благодаря языку человек получил также в свое распоряжение метафоры, структурирующие его восприятие, мышление и поступки.

Для того, чтобы дать наглядное представление о том, что такое метафорическое понятие, как оно упорядочивает повседневную деятельность человека и какова же национальная специфика образования метафорических значений, рассмотрим несколько лексических единиц, обозначающих овощи в русском и английском языках.

В русском языке лексическая единица луковица имеет следующие значения: 1) утолщённая, чаще шарообразная, часть стебля некоторых растений.

Например: Луковица гиацинта. Луковица тюльпана.

2) головка лука.

Например: *Рядом в сене сидел монашек, разложив перед собой на полотенце ножик, хлеб и две луковицы*. (А. Н. Толстой. Хромой барин)

3) (анат.) расширенная часть некоторых органов, частей организма.

Например: Луковица волоса. Луковица аорты.

4) старинные карманные часы с выпуклым толстым стеклом и выпуклой противоположной стороной.

Например: *Мажордом вынул из кармана свою луковицу и произнёс: «Четверть пятого».* (Григорович. Похождения Накатова)

5) церковный купол круглой формы.

Например: *Я успел заметить справа за избами колокольню с синей луковицей.* (Гладков. Вольница)

Во всех вышеперечисленных случаях метафорический перенос происходит по признаку «форма» (шарообразность), следовательно, это признаковая метафора.

Лексема луковка имеет значение «небольшая луковица», в разговорном же варианте русского языка это то же самое, что *луковица* в 4 и 5 значениях.

Например: *А жилет на нём был красный, ... три цепочки, четыре печатки и луковка вместо часов в кармане.* (Мельников-Печерский. Именины Элпидифора) *Ей стало хорошо видно всё вокруг: и зубчатую кремлёвскую стену, и витые луковки Василия Блаженного.* (С. Антонов. Демонстрация) В данном случае это тоже признаковая метафора. Метафорический перенос происходит по признаку «форма» (шарообразность).

Обращает на себя внимание тот факт, что русская лексема луковица соотносится с двумя английскими *bulb* и *onion*, то есть имеет место векторное соответствие. И в русском, и в английском языках прямое значение данных лексических единиц совпадает.

В английском языке лексема *bulb* имеет несколько значений:

- 1) (бот., анат.) луковица.
- 2) шарик (термометра), колба электрической лампы, электрическая лампа.
- 3) баллон, сосуд.
- 4) пузырьёк.
- 5) выпуклость.

Во всех вышеперечисленных случаях метафорический перенос происходит по признаку «форма» (шарообразность), следовательно, это признаковая метафора.

Английский глагол *to bulb* означает «расширяться в форме луковицы», а *to bulb up* «завиваться» (о кочане капусты). В данном случае метафорический перенос также происходит по признаку «форма» (шарообразность).

Лексема *onion* имеет следующие значения:

- 1) лук, луковица.
 - 2) (англ. разг.) голова.
- Например, сочетание *to be off one's onion* означает «потерять голову, спятить».
- 3) (воен. сленг) зажигательная ракета.

И в данном случае это признаковая метафора; метафорический перенос происходит по признаку «форма» (шарообразность).

Английский глагол *to onion* имеет два значения:

- 1) приправлять луком.
- 2) натирать себе глаза луком (чтобы вызвать слёзы).

Вероятно, это ассоциативно-признаковая метафора, так как осно-

ву метафорического переноса составляет признак «вызвать слёзы».

Лексема onion-skin тоже имеет два значения:

- 1) луковичная шелуха.
- 2) тонкая гладкая бумага.

Думается, что это ассоциативно-признаковая метафора, так как основу метафорического переноса составляет признак «структура», потому что тонкая гладкая бумага напоминает строение луковичной шелухи.

Лексема leek означает «лук-порей». Словосочетание *to eat the leek* означает «проглотить обиду, подвергаться унижению, пойти на унижение, быть в унижительной роли, сносить оскорбления, смириться, покориться, униженно извиняться». Это ассоциативно-признаковая метафора. Вероятно, в основе метафорического переноса лежит ассоциация с неприятными ощущениями и даже слезами, которые может вызвать резкий вкус и запах лука: проглотить горечь лука – проглотить обиду. Это переосмысленное шекспировское выражение, впервые упомянутое в произведении «Генрих 5». (д. 5, сц. 1)

Например: *There was nothing for it but to obey. Leon did so with a proper pantomime of indifference, but it was a leek to eat, and there was no denying it.* (R. Stevenson. *New Arabian Nights, Providence and the Guitar*)

Не было другого выхода, как повиноваться, что Леон и сделал с видом полнейшего безразличия, но нельзя было отрицать, что это было унижительно.

Следует отметить, что для обоих языков общность образования метафорических значений проявляется в

признаке «форма». Но если в русском языке метафорические значения образуются только по признаку «форма», то в английском по признакам «форма», «структура», «вызвать слёзы», «неприятные ощущения».

Таким образом, выявленные различия свидетельствуют о более высокой степени многозначности английских лексем по сравнению с русскими.

В русском языке лексическая единица перец имеет следующие значения:

- 1) тропическое растение, а также плоды его в виде зёрен, острые и жгучие на вкус.

Например: *Чёрный перец.*

- 2) овощное пряное растение сем. паслёновых, а также плоды его в виде стручков.

Например: *Болгарский перец. Красный перец.*

- 3) порошок из плодов этих растений, употребляемых как приправа.

Например: *Аграфена Захаровна поставила перед ним полную тарелку щей, круто посыпала перцем.* (Гладков. Клятва)

- 4) (перен. разг.) остроумная, ядовитая насмешка, едкое, язвительное остроумие. // колкий, язвительный человек.

Например: *Сатира к Гнедичу мне не нравится, даром что стихи прекрасные, в них мало перца.* (Пушкин. Письмо А. А. Дельвигу, 16 ноября 1823) // Баркалов: «Видите, какой она перец. ... С ней пошутить, а она огрызается». (А. Островский. Блажь)

Думается, что это ассоциативно-признаковая метафора. Ассоциация

связана с тем, что, когда человек посыпает блюдо перцем (порошком из плодов этих растений, употребляемых как приправа), он делает пресное острым, что способствует улучшению вкуса. В других случаях основу метафорического переноса тоже составляет признак «острота», потому что ощущения, которые вызывает едкий вкус растения, ассоциируются с ощущениями, которое вызывает ядовитое, язвительное, колкое замечание. В подобных случаях чётко прослеживается отрицательная коннотация.

Сочетание задать перцу означает «наказать».

Например: *Городничий: «Постой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы.»* (Гоголь. Ревизор)

Вероятно, в данном случае основу метафорического переноса тоже составляет признак «неприятные ощущения». Ассоциация происходит с неприятными ощущениями, которые вызывает излишек перца: покраснение, жжение, слёзы. Подобные ощущения может испытывать человек, когда его ругают и наказывают. В данном случае чётко прослеживается отрицательная коннотация.

В английском языке лексическая единица *perreg* имеет несколько значений:

- 1) перец;
- 2) острота, едкость;
- 3) вспыльчивость;
- 4) живость, энергия, темперамент.

Второе значение данной лексемы является ассоциативно-признаковой метафорой, так как основу метафорического переноса составляет при-

знак «острота». В данном случае, как и в русском языке, ощущения, которые вызывает едкий вкус растения, ассоциируются с ощущениями, которые вызывает ядовитое, язвительное, колкое замечание.

В третьем значении метафорический перенос происходит на основе ассоциации с поведением человека, которое может быть вызвано излишним количеством перца: покраснение лица, движения руками. Эти признаки свойственны и человеку, находящемуся в состоянии психического возбуждения. В данном случае чётко прослеживается отрицательная коннотация.

В четвёртом значении метафора основана на тех же признаках перца, но коннотация является положительной, поскольку при переносе актуализируется признак «активность». Поэтому данная лексема используется для обозначения человека, обладающего такими чертами характера, как живость, энергия, темперамент.

Английский глагол *to perreg* имеет три значения:

- 1) перчить;
- 2) усыпать, осыпать;
- 3) бранить, распекать; «задать перцу».

Во втором случае основу метафорического переноса составляет признак «действие», происходит расширение значения лексемы: посыпать перцем – посыпать чем-либо.

В третьем случае значение совпадает со значением сочетания в русском языке *задать перцу*, которое означает «наказать», то есть основу метафорического переноса составляет признак «неприятные ощущения».

Сочетание pepper-and-salt имеет несколько значений:

- 1) крапчатая, шерстяная материя.
- 2) а) крапчатый, б) с проседью (о волосах).

В первом случае метафорический перенос происходит по признакам «цвет» и «фактура» («структура»), а во втором – по признаку «цвет».

Сочетание pepper-box (pepper-caster = pepper-castor) имеет два значения: «перечница» и «башенка» (шутл.). В данном случае основу метафорического переноса составляет признак «форма».

Лексема peppercorn означает «зёрнышко перца, перчинка», а сочетание peppercorn rent – «номинальная арендная плата». Вероятно, в данном случае основу метафорического переноса составляет признак «размер», так как ассоциация происходит именно с размером этой арендной платы. Она составляет очень маленькую сумму, как зёрнышко или перчинка, номинал – то есть такую, меньше которой быть не может.

Pepper-pot означает: 1) перечница, 2) (сленг) вспыльчивый человек, 3) прозвище жителя Ямайки.

Во втором значении метафорический перенос происходит на основе ассоциации с поведением человека, которое может быть вызвано излишним количеством перца: покраснение лица, движения руками. Эти признаки свойственны и человеку, находящемуся в состоянии психического возбуждения. Возможна также ассоциация с тем, что происходит, когда перец высыплется из перечницы. В данном случае чётко прослеживается отрицательная коннотация

В третьем случае это ассоциативно-признаковая метафора и здесь нет чёткого признака метафорического переноса. Но можно предположить, что происходит ассоциация с цветом кожи, следовательно, основу метафорического переноса составляет признак «цвет».

Peppery имеет два значения: 1) наперченный, острый, едкий; 2) вспыльчивый, раздражительный.

Как уже указывалось ранее, в подобных случаях в качестве основы метафорического переноса выступает признак «неприятные ощущения».

Анализ показал, что для обоих языков общность образования метафорических значений проявляется в следующих признаках:

- 1) «форма»;
- 2) «неприятные ощущения»;
- 3) «острота».

Национально-специфичными для английского языка являются признаки:

- 1) «действие»;
- 2) «размер»;
- 3) «цвет»;
- 4) «структура»;
- 5) «активность».

Таким образом, при сопоставлении метафорических значений исследуемых лексем в русском и английском языках можно прийти к следующим выводам:

- 1) совпадая по исходному значению, исследуемые лексем имеют значительные отличия в структуре семантем;
- 2) национальная специфика проявляется: а) в наличии векторного соответствия между лексемами, б) соотношении количества ре-

- презентируемых сопоставляемыми лексическими единицами семем; в) признаках переноса;
- 3) выявленные различия свидетельствуют как о более высокой степени многозначности английского языка по сравнению с русским, так и о более высокой степени релевантности исследуемых единиц для английского языкового сознания.

Библиографический список

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 2-е изд. – М., 1995. – 928 с.
2. Словарь русского языка в 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 3-е стереотипн. – М. 1981.
3. Ярцева В. Н. Языкознание: большой энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – 2-е (репринт) изд. 1990. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
4. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK. Limited, 1992. – 1528 p.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman, 1992. (Словарь современного английского языка: В 2-х т. – М: Рус. Яз., 1992.)

NATIONAL SPECIFICATION OF VEGETABLE METAPHORS AS AN EXAMPLE OF SPECIFIC WAYS OF EXPRESSIVE MEANINGS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

The article is devoted to the research of the peculiar usage of vegetable metaphors. Special attention is paid to the analyses of common and specific ways of expressive meanings of vegetable metaphors in Russian and English languages. The article helps to depict the meanings of vegetable metaphors by vocabulary analysis. The article describes the differences in the mental process and semantic meanings from the point of view of the two languages.

Воронежский государственный университет

УДК 811.112.2'373.213 ББК 81.2

Д. В. Овчинников

ЛЕКСИКА, НАЗЫВАЮЩАЯ РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Данная статья посвящена исследованию наименований рельефа местности в русской и немецкой языковой традициях с целью выявления их национальной специфики. В процессе исследования были выявлены семантические группы, на которые можно разделить фактический материал, выделены основные способы метафорического переноса.

Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка, с одной стороны, и к идеям американ-

ской этнолингвистики, в частности так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, - с другой.

При обращении к трудам современных учёных, целесообразным является упоминание концепции З. Д. Поповой и И. А. Стернина, которые считают, что языковая картина мира – «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определённом этапе развития народа. Она не равна когнитивной, последняя неизмеримо шире, поскольку в языке названо только то, что имело или имеет для народа коммуникативную значимость (Попова, Стернин 2001, с. 4-5).

Вслед за О. Н. Чарыковой в рамках данного исследования языковая картина мира трактуется как образ мира, создаваемый лингвистическими средствами, а именно: номинативными, грамматическими, функциональными, образными средствами, а также фоносемантикой языка (Чарыкова 2000, с. 10).

Цель данной работы – выявить национальную специфику наименований рельефа местности в русской культуре в контрасте с немецкой языковой традицией.

Для проведения исследования методом сплошной выборки из словарей были выявлены языковые единицы, обозначающие рельеф местности: 70 русских и 72 немецких. Все лексические единицы, выявленные в результате выборки, были распределены на следующие семантические группы:

Название группы	Число единиц		Процентное соотношение	
	рус.	нем.	рус.	нем.
«плоскость»	7	5	10%	6,9%
«возвышение»	38	37	54,2%	51,3%
«углубление»	24	30	34,3%	41,6%

Как видно из таблицы, наиболее полно в обоих языках представлена лексика, обозначающая возвышенности. Далее следует группа, объединенная семантическим компонентом «углубление», менее полно представлена группа «плоскость».

В дальнейшем в тематической группе «рельеф местности» в обоих языках было проведено количественный анализ единиц, подвергшихся переосмыслению по каким-либо семантическим признакам, и получившим переносное значение.

Название группы	Количество единиц внутри группы	
	русский	немецкий
«плоскость»	1	2
«возвышение»	7	7
«углубление»	11	6
Общее количество	20	16

Таблица показывает, что в сопоставляемых языках прослеживается непропорциональность в количественном соотношении единиц в группах. В русском языке наиболее часто переосмыслению подвергаются лексические единицы группы «углубление», а в немецком – «возвышение».

Для более подробного исследования отобранный материал был поделён на подгруппы. Были выделены семантические группы лексических единиц, объединенных не только признаком «рельеф», но и другими семами.

В рамках группы «углубление» выделяются единицы, объединенные следующими семантическими компонентами:

1. «Низменность»: *der Sumpf, der Grund, болото, низменность, трясуна*). В данном случае происходит почти полное совпадение русских и немецких лексических единиц как по исходному, так и по переносному значению: «то, что засасывает, не даёт двигаться, развиваться» (*бюрократическое болото, газетная трясуна, ein Sumpf von Korruption*).

Соотношение ЛЕ *низменность* и *der Grund* требуют более подробного рассмотрения. Русская лексема *низменность* в одном из своих метафорических значений не имеет эквивалента в немецком. (*низменность жизни*). А «*der Grund*» переосмысливается как основа, причина (*keinen Grund zum Klagen haben*). Следовательно эти метафорические значения данных лексем национально специфичны.

2. «Очень глубокое место»: *der Abgrund, die Tiefe, die Kluft, die Senkung, пропасть, бездна, провал*. В рамках данной подгруппы, сходство переносных значений наблюдается у лексем *die Kluft, der Abgrund* и *пропасть*, которые называют «коренные различия, сильные противоречия» (*пропасть между ними, die Kluft zwischen Ost und West*). Кроме того, русское «*пропасть*» и немецкое «*der Abgrund*» могут иметь значения синонимичные лексеме «*бездна*», т. е. служат для указания на большое количество (*бездна цветов, пропасть мусора, ein Abgrund von Gemeinheit*). Стоит также заметить, что ЛЕ «*der Abgrund*» может выражать и нацио-

нально специфичное значение – а именно, «необъяснимая область чего-либо» (*die Abgründe der menschlichen Seele*).

Переносные значения лексем *провал, die Tiefe, die Senkung* также являются национально специфичными для сопоставляемых языков. «*Провал*» обозначает полную неудачу (*позорный провал*), «*die Tiefe*» - глубину, силу чувств (*die Tiefe ihrer Liebe*), «*die Senkung*» - опущение, снижение (*die Senkung der Steuern*), а также безударный слог в литературоведении и опущение органов в медицинской терминологии.

3. Лексические единицы, объединенные семантическим признаком «вода» (*дно, русло*), такого метафорического значения в немецком языке не имеют.

В русском же *русло* переосмысливается как направление, путь, по которому идёт движение, развитие (*русло народной жизни*), а *дно* - как нижняя стенка, основание чего-либо (*глазное дно, опуститься на дно жизни*).

4. «небольшое углубление» - *впадина, выемка, яма*. В немецком языке отсутствуют метафорические значения для данных ЛЕ. В русском же «*впадина*» в переносном значении понимается как «углубленное место» (*глазная впадина*), «*выемка*» - вырез в одежде (*выемка для рукава*), «*яма*» - место, являющееся сосредоточением низменных интересов, пороков, интриг (*уездная яма*). Таким образом, единицы данной группы являются более релевантными для русского национального сознания.

Группа «плоскость» представлена единицами: *das Feld, das Tal, поле*. Выявить схожие основания для переноса внутри этой группы не представилось возможным. Каждая ЛЕ даёт национально-специфичное значение: «*das Tal*» - переосмысливается как «совокупность жителей, людей» (*das ganze Tal war da*). «*das Feld*» - обозначает «определённую группу спортсменов» (*das Feld der Läuferinnen*), а также то, что отделено от общей части (*die 64 -er des Schachbretts*). Русское *поле* переосмысливается как «область деятельности, проявления чего-либо». (Пр.: *поле насмешек, поле для разочарования*).

Группа «возвышение» в свою очередь может быть разделена по интегральным признакам входящих в неё лексем на следующие группы: «наземные возвышенности небольшого размера», «обширное высокое пространство», «возвышенности расположенные в воде», «крутая возвышенность».

1. Подгруппа «наземные возвышенности небольшого размера» представлена единицами: *горка, завал, die Erhebung, die Erhöhung, der Haufen, der Hügel, die Höhe*.

В рамках данной подгруппы сходное направление метафорического переноса, осуществляемого по основанию «большое, накопившееся количество, чрезмерное скопление чего-либо» наблюдается у лексем: *завал (завал рукописей), der Hügel (zwischen kleinen Mengen von Kokosmehl), der Haufen (das ist ein Haufen Arbeit, dichte Haufen von Flüchtlingen)*.

ЛЕ *die Erhebung* и *die Erhöhung*, которые являются национально-

специфичными можно объединить по схожести переносного значения: они обозначают «повышение, увеличение», а *die Erhebung* – ещё и «восстание, переход в более высшее состояние». (*die Erhöhung der Preise; die Erhebung des Volkes, die Erhebung in den Adelsstand*).

Метафорическое значение лексемы «*die Höhe*» тоже не имеет эквивалента в русском языке и переосмысливается как «высшая точка», «выражаемая в цифрах величина», «измеримая сила». (*die Höhe der Temperatur, auf der Höhe ihres Erfolgs*). Национально-специфичным для русского языка является метафорическое значение слова «*горка*», образованное по признаку «внешнее сходство», «нечто, расположенное под углом». (*сортировочная горка*), а также используется в названии традиционного праздника в России (Пр.: Красная горка).

2. Группы «обширное высокое пространство», «возвышенности расположенные в воде» являются самыми малочисленными и приобретают метафорические значения только в русском языке.

Это лексема *мель*, переосмысляющаяся как попасть в затруднительное положение (*сесть на мель*), и *возвышенность*, в переносном значении обозначающая «полноту высокого значения, содержания, благородных чувств и мыслей» (*возвышенные идеи, возвышенные цели*).

3. Группа «крутая возвышенность» представлена единицами: *вершина, склон, гора, der Hang, der Berg*.

ЛЕ *der Berg* и *гора* образуют эквивалентные переносные значения, указывая на большое количество, мно-

жество чего-либо. (*гора из шуб, ein Berg schmutziger Wäsche*). Значения остальных единиц национально-специфичны. «Вершина» - высшая степень чего-либо (*вершина счастья*). «Склон» - в конце, завершении чего-либо (*на склоне дня, на склоне лет*). «*derHang*» - пристра-

стие к чему либо (*ein Hang zum Nichtstun*).

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в русской и немецкой культуре существуют национальные отличия восприятия элементов рельефа и их переосмысления в языке.

Библиографический список

1. Попова З. Д. Стернин И. О. Очерки по когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001, 191 с.
2. Чарыкова О. Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2000, с. 10
3. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden. Office-Bibliothek.
4. Русско-Немецкий словарь под ред. Е. И. Лепинг, Н. П. Страховой, К. Лейна, Р. Эккерта. Москва.: «Русский язык» 1978.
5. Словарь русского языка / Евгеньева А.П. (ред.). В 4-х тт. М.: Русский язык, 1985-1988

D. Ovtchinnikov

VOCABULARY REFERRED TO RELIEF IN RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

This article is focused on the analysis of names of the relief in German and Russian languages with the point of the showing up the national specificity. The author describes some semantic groups, which can be shared from the material, and some main manners of the metaphorical transferring.

УДК 811'373

Чан Тхи Тху Хьонг, Нгуен Хуи Кыонг

ВСЕЛЕННАЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ И ВЬЕТНАМЦЕВ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА)

В статье исследуются содержащиеся в словарях определения переносных значений слов, которые обозначают небо и небесные светила в русском и вьетнамском языках. В результате анализа данной тематической группы выявляются наиболее значимые лингвокуль-

турымы, которые иллюстрируют определённый фрагмент двух национальных языковых картин мира.

«Лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 2001: 28]. Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в неё, развивается в ней и выражает её. Если культура – форма сознания, отражающая мировоззрение народа и его опыт, то язык по отношению к культуре является хранителем этого опыта. В языке опредмечено мировидение народа, его миропонимание, осознаваемое в контексте культурных традиций.

«Мир, оставаясь всегда одним и тем же, постигается различным образом в разных языках», – писал Л. В. Щерба. Главным источником познания мировидения народа являются образные представления об окружающей действительности. Образные представления – это всегда интерпретация объектов действительности, связанная с ментальностью народа.

Предметом исследования являются словарные определения переносных значений слов, обозначающих небо и небесные тела в русском и вьетнамском языках.

Образ «вселенная» – неотъемлемая восприятия человеком часть космоса, природы, поскольку все они сопричастны земной жизни. Несмотря на изменение земной природы, небесные тела относительно стабильны по зрительному ощущению человека. Восприятие образа «вселенная», отражённого в языках, без-

условно, характеризует актуальные для человека и социума связи, отношения между предметами и явлениями действительности, её реальными и идеальными объектами, передаёт особенности национального мировидения, отличие языковой картины мира русского и вьетнамского народов от научной.

В качестве критерия для сопоставления образной семантики слов в русском и вьетнамском языках избрали фактор близости или сходства образного восприятия объекта небесной сферы в культуре обоих народов. Сопоставимость образной семантики определялась по наличию или отсутствию переносных значений и их содержанию в семантическом объёме избранных слов.

В описании использована следующая классификация: 1. небо: *небо, поднебесье, небосклон, горизонт, зенит*; 2. небесные тела: 2.1. дневное светило: *солнце, светило*; 2.2. ночные светила: *луна, полнолуние, месяц, полумесяц, звезда, созвездие, метеор, падающая звезда, комета*; 2.3. другие небесные образования: *спутник, чёрная дыра*.

Проанализируем группу «небесные тела». В подгруппу «дневное светило» входят слова *солнце, светило*.

Солнце (mặt trời) является ключевой единицей для носителей русской культуры. Русские считают солнце источником или основой жизни, счастья, чего-либо прекрасного (*солнце жизни, солнце правды*), и метафоризирует предмет поколения, например, того, кто прославил-

ся в какой-либо области искусства, науки, в области какой-либо важной деятельности (*солнце поэзии*). Кроме того, *моё солнышко* – ласковое обращение к дороговому, любимому человеку.

Во вьетнамском языке солнце обозначает того, кто является предметом поклонения, восхищения, любви, источником жизни (*mặt trời chân lý* – *солнце истины*, *mặt trời của mẹ* – *солнце мамы* (о ребёнке)). Во вьетнамской культуре солнце носит знак мужчины, отсюда такой эпитет *ông mặt trời* (дедушка-солнце).

Светило (*ánh sáng, ánh sáng*) – в данной классификации мы рассматриваем эту лексему в первую очередь как синонимичную лексеме *солнце*, хотя словари отмечают *дневное светило*, *ночное светило* и *светила ночи*. **Светило** в русском языке обозначает человека, прославившегося в какой-либо сфере деятельности, знаменитость (*медицинское светило*, *будущее светило*). А во вьетнамском языке данное слово не имеет такого переносного значения.

Рассмотрим подгруппу «ночные светила». **Луна** (*trăng, mặt trăng*) в обоих языках описывает круглый предмет; круглое женское лицо (*mặt nguyệt* – *лицо как луна*), однако в русском языке *лицо как луна* не так красиво, как во вьетнамском языке. Луна всегда ассоциируется с красотой, романтикой. С луной во Вьетнаме связаны прекрасные легенды: *chị Hằng Nga* – *принцесса луны*, *Thỏ Ngọc* – *любимый заяц принцессы луны*, *Chú Sọ* – *мальчик Куои летит на луну*. Кроме того, важное место в жизни вьетнамцев занимает лунный календарь.

Полнолуние (*trăng tròn, trăng rằm*) во вьетнамской культуре символизирует семейную жизнь, счастье, радость. Два главных национальных праздника связаны с полнолунием: *hội hoa đăng* – *праздник фонарей* (по лунному календарю 15-ого января; особенно почитаем на юге Вьетнама) и *trung thu* – *фестиваль Середины осени* (по лунному календарю 15-ого августа). *Trung thu* – самый любимый праздник детей, поэтому его ещё называют *детским праздником*. Для праздника заранее пекут «лунные» пироги с разнообразными начинками, делают яркие разноцветные фонари в форме лодок, драконов, зайцев, черепах и пр. В ночь фестиваля дети образуют процессию и идут по улицам с зажжёнными фонарями, танцуя танец Единорога под аккомпанемент барабанов.

Месяц (*trăng khuyết*) и **полумесяц** (*trăng lưỡi liềm* – *букв. луна-серп*) в обоих языках описывает изогнутый предмет: *брови как месяц* – *lông mày hình trăng khuyết*.

Звезда (*ngôi sao, vì sao*) символизирует красоту, притягательность, загадочность, недостижимость, безграничность мира. Слово *звезда* в русском и вьетнамском языках используют в качестве образа сравнения – в основе его такие поэтически осознанные признаки понятия, как свет, сияние, которые привлекают взор и выделяют предмет среди других (*глаза блестят звездой* – *đôi mắt ánh lên như sao*). Звезда в обоих языках метафоризирует знаменитого человека (*звезда экрана*, *будущая звезда*); обозначает судьбу, участь (*верить в свою звезду* – *tin vào sao bản*

mệnh của mình). Кроме того, звезда функционирует в переносном значении – быть удачливым, везучим (*родиться под счастливой звездой – sinh gặp sao bản mệnh tốt*).

Во вьетнамской культуре на основе астрологического и гороскопического поверья у каждого человека, кроме своей звезды, есть ещё *sao hạn* – нечистая, угрожающая человека звезда, которая в определённый год будет противоположна «своей звезде». Поэтому с давних времён именно в этом «противоположном году» у вьетнамцев принят обряд *dâng sao giải hạn* или *cúng sao hạn*, когда человек молится, чтобы прогнать от себя нечистую звезду.

Созвездие (*chòm sao*) в русском обозначает группу выдающихся деятелей одной эпохи, объединённых общностью взглядов, целей и т. п. (*созвездие великих имён, созвездие талантов, поэтическое созвездие*). А во вьетнамском языке данное слово не имеет такого переносного значения.

Метеор (*sao sa*) в русском языке обозначает сравнение с быстрым движением человека (*быстр, как метеор*), а также быстроходное пассажирское судно на подводных крыльях, ракету. По мнению вьетнамцев, метеор – недолгая жизнь (*cuộc đời như ngôi sao sa – жизнь как метеор*).

Падшая звезда (*sao băng, sao đỏi ngôi*) в русском языке имеет в виду человека, потерявшего известность, славу (*он – падшая звезда*). А во вьетнамском языке так говорят об ослепительной красоте (о девушке) (*cô ấy đẹp như sao băng – она красива, как падшая звезда*).

Комета (*sao chổi, sao tua*) в русском языке обозначает яркий след в памяти (*она кометой промелькнула в моей жизни*), а также речное быстроходное пассажирское судно на подводных крыльях. Во вьетнамском языке *sao chổi* – «звезда-веник» не имеет переносного значения.

Рассмотрим подгруппу «другие небесные образования». **Спутник** (*vệ tinh*) в русском языке обозначает того, кто совершает путь вместе с кем-либо (эквивалентное слово во вьетнамском языке: *bạn đường*). В ходе научного познания спутниками стали называть небесные тела, которые вращаются вокруг планеты (эквивалентное слово во вьетнамском языке: *vệ tinh*). Во вьетнамском языке *спутник* (*vệ tinh*) имеет метафорическое значение: а) то, что находится, движется вокруг одного центра (*thành phố vệ tinh – город-спутник*); б) того, кто следует за кем-л., ухаживает за ним (*cô gái xinh xắn này có nhiều vệ tinh theo đuổi – у красивой девушки много спутников*).

Чёрная дыра (*vết đen, lỗ đen*) в русском языке обозначает то, где всё пропадает (*наше сельское хозяйство – настоящая чёрная дыра*). И чёрная дыра в ассоциации русских – это нечто страшное, неизвестное. Такой ассоциации у вьетнамцев нет.

Следует отметить, что представления «спутник», «чёрная дыра» появились только после того, как укрепилось научное видение мира. И поэтому метафорических значений этих слов в русском и вьетнамском языках оказалось немного.

Проведённый анализ показал, что большая часть словесных образов, обозначающих небесные тела в

русском и вьетнамском языках, имеют положительное значение, за исключением *saο hạp* – нечистая звезда, *meteοr* во вьетнамском языке и *падшая звезда, чёрная дыра* в русском.

В сознании и русских и вьетнамцев небо и почти все небесные тела, которое находятся далеко от Земли, наверху, высоко ассоциируются с прекрасным, являются символом поклонения, предметом восхищения.

Таким образом, лингвокультурологический анализ тематической

группы «Вселенная» в русском и вьетнамском языках помогает выявить значимые лингвокультуремы и, сопоставляя их, определить особенность их символики и лингвокультурологическую значимость. Результаты подобного описания могут послужить надёжной базой для сопоставления национальных языковых картин мира, найти применение в практике преподавания русского и вьетнамского языков как иностранных.

Библиографический список

1. Вьетнамско-русский словарь / [под ред. И.И. Глебовой, Ву Локка]. – М. : Русский язык, 1992. – 792 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
3. Русско–вьетнамский словарь: в 2 т. / [под ред. К. М. Аликанова, В. В. Иванова, И. А. Мальхановой]. – М. : Русский язык, 1977.
4. Словарь русского языка : В 4 т. / [под ред. А.П. Евгеньевой]. – М. : Русский язык, 1981-1984.
5. Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. – М.-Л. : АН СССР, 1950-1965.
6. Từ điển Tiếng Việt / Biên tập Mạnh Thường và các tác giả. – Hà Nội : Nhà xuất bản Văn Hóa Thông Tin, 2003. – 2192 trang.

Воронежский государственный университет

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 808.2

Т.Л. Ревякина

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
«МОСКОВСКИХ СТИХОВ» О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА**

В статье на материале стихов О.Э. Мандельштама рассматриваются особенности функционирования языковых единиц в семантическом пространстве интертекста, которые под влиянием прецедентных текстов приобретают особую, интертекстуальную, эстетическую значимость.

В соответствии с концепцией эстетической значимости словесного знака в художественном тексте в литературном произведении все словесные единицы, даже употребленные в прямом значении, обладают эстетической значимостью. При этом эстетическая значимость может быть разной степени: от минимальной до весьма высокой. В связи с разработкой названного вопроса весьма интересной представляется типология эстетических значимостей, предложенная О.В. Загоровской [Загоровская, 1977]. Автор выделяет три типа эстетической значимости слова в художественном целом. Эстетическая значимость первой степени (минимальная эстетическая значимость) связана с качественным преобразованием единиц общенародного языка в единицы особой эстетической системы. Она характеризуется “индивидуализацией значения слова, выражающейся в выборе определенного компонента значения или его оттенка, необходимых для создания художественной системы произведения, и отсутствием семантических сдвигов

и “приращений смысла”. Вторая степень эстетической значимости характеризуется расширением семантической структуры слова, приобретением им новых оттенков и “приращений смысла”. Третья, максимальная, степень эстетической значимости связана с приобретением словесными единицами в художественном тексте собственно эстетических значений. Словесные знаки названной степени эстетической значимости концентрируют в себе специфические “приращения смысла” своего контекстуального окружения и «максимально актуализируются на фоне словесного материала, лишённого семантических сдвигов”. Таким образом, каждый элемент художественного целого является не просто индивидуальным, но и с необходимостью эстетически значимым [1, 119-120].

В разных жанрах художественных текстов эстетическая значимость словесных знаков может создаваться и проявляться по-разному и в разной степени. Особенно емкой и яркой семантической осложненностью и эстетической

значимостью обладает слово поэтическое.

Как показали проведенные исследования, под влиянием межтекстовых связей лексические единицы из поэтических произведений, входящих в книгу стихов О.Э.Мандельштама “Московские стихи”, а также создаваемые на их основе художественные образы приобретают особую, интертекстуальную, семантическую осложненность, без учета которой невозможно адекватное восприятие художественного текста.

Интертекстуальная осложненность выступает как добавочная по отношению к исходной семантической осложненности словесных единиц в художественном целом и может проявляться в словесных знаках первой, второй и третьей степеней эстетической значимости.

Необходимо подчеркнуть, что степень интертекстуальной значимости элемента художественного текста в книге стихов О.Э. Мандельштама “Московские стихи” не зависит от степени обобщенности художественного образа и может свойственна любым типам художественных образов (метаобразам, символам, образам-интерферентам и даже единичным лексическим образам).

Особенно существенной интертекстуальной семантической осложненностью оказывается для словесных единиц третьей, максимальной, степени эстетической значимости (т. е. словесных единиц, полностью меняющих общенародную семантику и развивающих в си-

стеме художественного целого символические значения), а также для метаобразов.

Приведенное положение относится ко всем основным метаобразам и символам, присутствующим в анализируемой книге стихов.

Так, например, семантическое наполнение символического образа “птица” в стихотворении “Не говори никому...” создается под влиянием межтекстовых связей данного стихотворения с прецедентными текстами из русской классической литературы и другими произведениями самого О.Э.Мандельштама. Именно интертекстуальные связи рождают такие семантические составляющие названного символического образа, как “свобода” и “вдохновение” (ср. у М.Ю.Лермонтова: Зачем не могу в *небесах* я *парить* / И одну лишь *свободу* любить?), формирующиеся на основе лексических единиц из прецедентных текстов А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова “небеса”, “ветер”, “вольный”, “степной”, “парить”, “гулять”. В значительной мере под влиянием интертекстуальных связей в символическом образе “птица” в анализируемом стихотворении О.Э.Мандельштама формируются и антонимические названным выше семантические составляющие “несвобода” и “обреченность” (“Сижу за *решеткой* в *темнице* сырой / Вскормленный в *неволе* орел молодой”), в создании которых принимают участие словесные единицы не только из авторского, но и из прецедентных текстов “тюрьма”,

“темница”, “неволя”, “за решеткой”, “крик”, “никому”, “никогда”, “разомкнуть” (“Не говори никому, / Все, что ты видел, забудь...”), а также метафорическое словосочетание “мелкая хвойная дрожь”. Представляется возможным утверждать, что семантическая многоплановость и амбивалентность символического образа “птица” в анализируемой книге стихов О.Э.Мандельштама, свойственная художественному идиостилю поэта и отражающая особенности его мировосприятия, является прежде всего результатом межтекстовых связей стихотворения “Не говори никому...” с прецедентными текстами и рождается в семантическом пространстве интертекста.

Весьма ярким примером приобретения художественным образом дополнительной интертекстуальной сложности является формирование семантики метаобраза “положение поэта в обществе” в стихотворении “За гремучую доблесть грядущих веков...” Указанный метаобраз в данном стихотворении под влиянием межтекстовых связей с произведениями М.Ю.Лермонтова, А.С.Пушкина и самого О.Э.Мандельштама приобретает значение *изгнанник, наделенный даром пророчества и ясновидения*, которое формируется на основе семантических составляющих “потеря чести во имя служения обществу”, “предательство”, “одиночество”, “смерть”, “предвидение”. Указанные семантические составляющие создаются в пространстве интертекста лексическими единицами, входящими в состав преце-

дентных и авторского текстов. Так, семантическая составляющая “потеря чести во имя служения обществу” рождается на основе лексических единиц “честь”, “невольник” (“Погиб поэт! – невольник чести”, “Лишился ... чести своей”), “мечь” (“С свинцом в груди и жаждой мести”), “лишиться”, “доблесть” (“За гремучую доблесть грядущих веков”), “высокое племя”, “племя людей” (“За высокое племя людей”). Семантическая составляющая “предательство” создается лексемами “трус” (“Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы”), “обиды” (“Позора мелочных обид”), “подлость”, “клеветники”, (“Зачем он руку дал клеветникам ничтожным”) “надменный” “завистливый”, “коварный” (“Вступил он в этот свет, завистливый и душный”). Семантическая составляющая “одиночество” репрезентируется лексическими единицами “один”, “восстать”, (“Восстал он против мнений света / Один, как прежде...”), “гордый” (“Поникнув гордой головой...”), словосочетаниями “лишиться чаши”, “лишиться веселья” (“Я лишился и чаши на пире отцов”). Семантическая составляющая “смерть” формируется на основе лексем, содержащих сему *гибели*: “век-волкодав”, “кости”, “кровавый”, “убить” (“Мне на плечи кидается век-вокодав”), “убийца”, “пистолет”, “погиб”, “пал” (“Его убийца хладнокровно навел удар...”). Семантическая составляющая “предвидение” создается лексическими единицами со значением *бессмертия*: “душа” (“Душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит), “слава”, “памятник”,

“жить”, “не умру” (“И славен буду я...”, “Жив будет хоть один пиит”, “Покуда на земле последний жив невольник”), “голубой”, “краса”, “звезда” (“Чтоб сияли всю ночь голубые песцы”).

В стихотворении “Мы живем, под собою не чуя страны...” значение метаобраза *предчувствие гибели* также в значительной степени формируется в результате межтекстовых связей и характеризуется интертекстуальной смысловой осложненностью (анализ интертекстуальных связей указанного стихотворения см. на с.98-101 настоящей работы). Именно межтекстовые связи рождают основные семантические составляющие названного метаобраза: “враждебное человеку пространство”, “нечистая сила”, “хозяин нечистой силы”, “смерть”. Указанные семантические компоненты формируются через аллюзивные отсылки к произведению А.С.Пушкина “Евгений Онегин” и репрезентируются лексическими единицами, входящими в состав авторского и прецедентного текстов. Так, семантическая составляющая “враждебное человеку пространство” образуется лексемами “лес”, “кремлевский” (“Татьяна в лес; медведь за нею...”, “Там припомнят кремлевского горца...”). Семантическая составляющая “нечистая сила” репрезентируется словесными единицами “чудовища”, “полужуравль”, “полуколот”, “лай”, “свист”, “хлоп”, “полулюди”, “тонкошеи”, “тараканьи глазища”, “мяучит”, “хнычет”, “бабачит”, “тычет” (“Он играет услугами полулюдей...”

“Тараканьи смеются глазища...”, “Сидят чудовища кругом...”, “Один в рогах с собачьей мордой...”). Семантическая составляющая “хозяин нечистой силы” создается лексемами “хозяин” (“Он там хозяин, это ясно...”), “кремлевский горец”, “грудь осетина”, “он”, “один” (“Он один лишь бабачит и тычет...”), именами собственными Онегин, Евгений, а также имплицитно выраженным именем собственным Сталин. Семантическая составляющая “смерть” создается лексическими единицами “повержен”, “казнь” (Что ни казнь у него – то малина...). Важную роль при осмыслении названного выше метаобраза играет метаобраз *сон*, в котором находит выражение русская фольклорная традиция предсказания реальности во сне.

Как показал анализ, дополнительная интертекстуальная осложненность свойственна и образам-интерферентам, функционирующим в анализируемой книге стихов О.Э.Мандельштама.

Ярким примером интертекстуальной семантической осложненности образа-интерферента под влиянием межтекстовых связей в поэтических произведениях О.Мандельштама является формирование образа-интерферента “чума” в стихотворениях “Дикая кошка – армянская речь...”, “Я скажу тебе с последней прямокой...”, “Фаэтонщик”. Семантика названного художественного образа создается в результате межтекстового взаимодействия стихотворений О.Э.Мандельштама с одной из “ма-

леньких трагедий” А.С.Пушкина – “Пир во время чумы”. Именно межтекстовые связи рождают семантические составляющие названного образа-интерферента: “бессмысленное существование”, “гибель”. Семантическая составляющая “бессмысленное существование” формируется на основе лексических образов “бредни”, “срамота”, “пустота”, “нищета”, “темная”, “испуганный”, “мрачный” (“И бездны мрачной на краю...”), “безбожный” (“Безбожные безумцы...”). Семантическая составляющая “гибель” создается словесными образами “кладбище” (“Тихо все. Одно кладбище/ Не пустеет, не молчит”), “могила”, “смерть”, “мертвые”, “прах”, “гроб” (“Долго ль еще нам ходить по гроба?..”), “страх” (“Было страшно, как во сне...”). Помимо названных лексических единиц в осмыслении образа-интерферента “чума” большую роль играет мотив пира (“Мы со смертью пировали...”, “Правит, душу веселя...”, “Ангел Мэри, пей коктейли...”, “Безбожный пир...”).

Как отмечалось выше, дополнительная интертекстуальная осложненность, рождающаяся в семантическом пространстве интертекста, может быть свойственна и отдельным лексическим образам.

Примером подобного семантического осложнения единиц художественного целого является интертекстуальное осложнение лексического образа “соната” в стихотворении “Жил Александр Герцевич...” Семантическое наполнение словесного образа “соната” также формируется существенным образом в ре-

зультате аллюзивных отсылок названного стихотворения О.Э.Мандельштама к произведению М.Ю.Лермонтова “Молитва”. Как показал анализ, именно межтекстовые связи создают особую семантическую составляющую указанного словесного образа – “опора, помогающая выжить”. Указанная семантическая составляющая формируется на основе использования лексем с семой *чистота* “снег”, “бриллиант”, “чистый”, “прелесть” (“Как чистый бриллиант...”) и подчеркивается эпитетами “чудная”, “благодатная”, “святая” (“Есть сила благодатная...”, “Святая прелесть в них...”). В осмыслении словесного образа “соната” большую роль также играет семантическая составляющая “трагическая действительность”, репрезентируемая лексическими единицами “темно”, “страшно”, “вороньей” (“На улице темно...”, “Там хоть вороньей шубою / На вешалке висеть...”), “трудная”, “бремя”, “сомненье”, “заверчено” (“Заверчено давно...Чего там! Все равно.”).

Проведенные исследования позволяют утверждать, что в семантическом пространстве рассматриваемой книги стихов О.Э.Мандельштама интертекстуальная семантическая осложненность может быть свойственна и словесным единицам второй (средней) степени эстетической значимости, то есть словесным единицам общенародного языка, осложненным в системе художественного целого лишь некоторым “семантическим приращением” и сохраняющим свою общеязыковую семантику.

Так, например, в стихотворении “Не говори никому...”, передающем тему несвободы, вынужденного творческого молчания, которая формируется в результате интертекстуальных связей стихотворения О.Э.Мандельштама с произведениями А.С.Пушкина (“Узник”) и М.Ю.Лермонтова (“Желание”), словесные единицы со значением черного цвета – “чернильный”, “черника” (“Вспомнишь на даче осу, / Детский чернильный пенал / Или чернику в лесу...”) приобретают дополнительные оттенки значения “мрачный”, “безотрадный”, “тяжелый”. Отмеченная интертекстуальная осложненность приведенных словесных единиц возникает как результат их функционирования в семантическом пространстве интертекста.

Интертекстуальная семантическая осложненность может быть свойственна даже словесным единицам первой (минимальной) степени эстетической значимости, то есть общенародным словам в прямом значении, характеризующимся отсутствием семантических сдвигов и “приращений смысла”, но участвующим в создании системы художественного целого.

Так, например, лексические единицы “жить”, “страна”, “речь”, “горец”, “пальцы”, “гири”, “слова” и др., употребленные в прямом значении в стихотворении “Мы живем, под собою не чуя страны...” под влиянием межтекстовых связей в семантическом пространстве интертекста не только участвуют в формировании семантики образов более

высокой степени обобщенности (“нечистая сила”, “хозяин нечистой силы”, “враждебное человеку пространство”, “смерть”), но и приобретают семантические “отсветы” названных художественных образов, в первую очередь, основного метаобраза “предчувствие гибели”. Отмеченное обстоятельство позволяет говорить о наличии у указанных выше лексических единиц первой степени эстетической значимости определенной семантической интертекстуальной осложненности.

Особенно наглядно примеры интертекстуальной семантической осложненности лексических единиц первой (минимальной) степени эстетической значимости наблюдаются при ритмико-интонационных аллюзиях. В подобных случаях каждый элемент текста не только непосредственно участвует в формировании структуры определенного произведения, но и способствует установлению межтекстовых связей этого произведения с прецедентными текстами и приобретает художественную значимость не только как элемент данного текста, но и как структурный элемент интертекста (см., например, стихотворение “Жил Александр Герцевич...”, написанное 4-х стопным ямбом, как и лермонтовская “Молитва” или стихотворение “Фаэтонщик”, написанное 4-стопным хореем, как пушкинские “Бесы”).

Наличие в словесных единицах первой степени эстетической значимости дополнительной интертекстуальной осложненности может поддерживаться и усиливаться ал-

люзивными отсылками на основные аллитерации. Так, например, лексических единицы “гроба”, “грибы”, “роковой”, “Грибоед”, имеющие в стихотворении О.Э.Мандельштама “Дикая кошка – армянская речь...” первую степень эстетической значимости, приобретают дополнительное семантическое наложение “смерть” в результате интертекстуальных связей с прозаическим произведением А.С.Пушкина “Путешествие в Арзрум”. Указанная семан-

тическая осложненность подчеркивается аллитерацией на “г”, “р”, “б”.

Таким образом, даже словесные единицы с минимальной степенью эстетической значимости в семантическом пространстве интертекста могут приобретать дополнительную интертекстуальную осложненность, без которой невозможно адекватное восприятие художественного текста.

Библиографический список

1. Загоровская О.В. Эстетическая функция языка и эстетическая значимость слова в художественном тексте (на материале цикла стихотворений А.Блока «Снежная маска»): Дисс...канд. филол. наук / Ольга Владимировна Загоровская. - Воронеж, 1977. - 158с.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2-х т. / М.Ю.Лермонтов. – М.: Правда, 1988. – Т.1. – 720 с.
3. Мандельштам О.Э. Соч.: В 2-х т. / О.Э.Мандельштам. – М.: Худож. лит., 1990. – Т.1. Стихотворения. – 638 с.
4. Пушкин А.С. Соч.: В 3-х тт. / А.С.Пушкин. – М.: Худож. лит., 1985. – Т.1. – 735 с.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 801.3:808.2+802.0

Л.В. Лукина

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПИСЬМЕННЫХ РЕЧЕВЫХ СОБЫТИЙ «СООБЩЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье дается контрастивный анализ русских лексем, обозначающих письменные речевые события «Сообщение информации» на фоне английского языка. Анализ проводится при помощи разработанных автором индексов: индекса множественности соответствий, индекса эквивалентности тематической группы, индексов денотативной, коннотативной и функциональной идентичности семем.

В предложенной статье дается контрастивный анализ русских лексем, обозначающих письменные ре-

чевые события «Сообщение информации» на фоне английского языка.

Речевое событие (РС) в нашем понимании должно иметь форму

устной или письменной речи, развертываться во времени и/или пространстве, предполагает наличие одного или нескольких говорящих и одного или нескольких слушающих (читающих), а также определенной цели, осознаваемой участниками общения.

Как показало исследование, проведенное методом сплошной выборки из наиболее авторитетных отечественных лексико-графических источников (Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, Словарь русского языка в четырех томах под редакцией А.П. Евгеньевой, Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, Толковый словарь современного русского языка под редакцией Г.Н. Складчиковской, Современный толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, Частотный словарь русского языка С.А. Шарова), тематическая группа лексем русского языка, обозначающих письменное речевое событие «Сообщение информации», насчитывает 30 лексем.

Исследование, проведенное на материале наиболее известных русско-английских и толковых словарей английского языка (Новый большой русско-английский словарь под редакцией Д.И. Ермоловича, Современный русско-английский словарь А.М. Таубе и Р.С. Даглиш, Русско-английский словарь под редакцией О.С. Ахмановой, Macmillan English Dictionary, Longman Dictionary of English Language and Culture, Collins COBUILD English Dictionary for Advanced Learners, Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, Cambridge International Dictionary of

English, Longman Dictionary of American English) показало, что отмеченному количеству русских лексических единиц соответствует 43 английские лексем.

Таким образом, номинативная плотность (Карасик 2004, с.111) рассматриваемой тематической группы в английском языке на 13 единиц превышает номинативную плотность одноименной группы в русском языке.

В ходе исследования было обнаружено, что лексемам русского языка в данной тематической группе могут соответствовать 1, 2, 3 и 4 лексем английского языка, что означает, что одна лексема русского языка может иметь от 1 до 4 векторных соответствий в английском языке. В связи с этим представляется целесообразным ввести термин «индекс множественности соответствий», под которым мы понимаем количество лексических единиц в языке сопоставления, выступающих в качестве соответствий конкретной лексической единицы языка, являющегося базисным для контрастивного исследования.

В рассматриваемой тематической группе 14 лексем русского языка имеют индекс множественности соответствий, равный единице, т.е. по одному соответствию в английском языке (*декларация* – *declaration*; *коммюнике* – *communiqué*; *открытка* – *post-card*; *петиция* – *petition*), у девяти лексем этот индекс равен двум (*отчет* – *report, account*; *плакат* – *poster, placard*; *письмо* – *letter, epistle*), 6 лексем имеют индекс множественности соответствий, равный трем (*рецензия* – *review, opinion, notice*; *объявление* –

announcement, advertisement, commercial) и одна лексема имеет индекс множественности соответствий, равный четырем (*aфиша – bill, poster, placard, notice*).

Средний индекс множественности соответствий в тематической группе «Письменное сообщение информации» составляет 1,8.

В ходе исследования представилось целесообразным ввести также понятие «индекс эквивалентности тематической группы», под которым понимается отношение количества лексических единиц, входящих в рассматриваемую тематическую группу в языке сопоставления, к количеству единиц в соответствующей тематической группе языка, являющегося базисным для контрастивного исследования. Для рассматриваемой тематической группы индекс эквивалентности оказался равным 1,4. (Отметим, что при подсчете данного индекса единицы языка сопоставления, являющиеся эквивалентами одновременно нескольких лексических единиц базисного языка, учитываются только один раз.)

При анализе контрастивных пар нами сравнивались денотативные, коннотативные и функциональные семы, которые для удобства и наглядности в перечне сем приводятся в отмеченной выше последовательности разным шрифтом (денотативные семы приводятся графически не маркированы, коннотативные семы приводятся курсивом, функциональные семы выделяются прописными буквами). При этом для каждого типа сем, в целях достижения большой объективности описания высчитывались индексы денотативной, коннотативной и

функциональной идентичности лексем, под которыми понимается отношение совпадающих соответственно денотативных, коннотативных и функциональных сем к общему числу сем этой категории, выделенных у рассматриваемых лексем. Расчет данных индексов производится следующим образом – в случае полного совпадения семы в обоих языках ей присваивается значение единицы, при отсутствии совпадения – нуля, в случае же частичного совпадения семы – 0,5. Отметим, что данные индексы вычисляются в процентах.

При описании сем в контрастивных парах параллельно перечню сем русской лексемы дается семный набор каждого отдельного переводного соответствия, где каждой семе русского слова соответствует та или иная сема английского языка. При этом несовпадающие семы в целях большей наглядности выделяются жирным шрифтом. При отсутствии семы в одном из языков и при наличии ее в другом ставится знак **0**, что означает, что сема безэквивалентна.

Ввод в лингвистический оборот данных индексов, как показало исследование, дает несомненный положительный результат, как в теоретическом плане, поскольку позволяет объективно оценить степень национальной специфики исследуемых единиц, так и для практики перевода, поскольку дает переводчику реальные данные, основываясь на которых можно выбрать тот или иной переводческий эквивалент.

Покажем «работу» данных индексов на примере рассматриваемой тематической группы. Наибольший индекс множественности соответ-

ствий, равный четырем, в данной тематической группе имеет лексема *афиша* - в английском языке ей со-

ответствуют следующие лексемы: *bill, poster, placard, notice*. Рассмотрим каждую из контрастивных пар.

АФИША - bill

• сообщение	• сообщение
• письменное	• письменное
• печатное	• печатное или рукописное
• в виде объявления о спектакле, концерте, лекции	• в виде объявления о спектакле, концерте
• О	• с перечнем исполнителей
• вывешенное в публичных местах	• вывешенное или распространяемое в публичных местах
• с целью информирования	• с целью информирования
• <i>неоценочное</i>	• <i>неоценочное</i>
• <i>неэмоциональное</i>	• <i>неэмоциональное</i>
• МЕЖСТИЛЕВОЕ	• МЕЖСТИЛЕВОЕ
• ОБЩЕНАРОДНОЕ	• ОБЩЕНАРОДНОЕ
• СОВРЕМЕННОЕ	• СОВРЕМЕННОЕ
• ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ	• ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ
• ВЫСОКОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ	• ВЫСОКОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ

Для данной контрастивной пары индекс денотативной идентичности равен 71%, индекс коннотативной

идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 100%.

АФИША - poster

• сообщение	• сообщение
• письменное	• письменное
• печатное	• печатное
• О	• большого размера
• в виде объявления о спектакле, концерте, лекции	• в виде объявления, рисунка (фотографии)
• вывешенное в публичных местах	• вывешенное в публичных местах
• с целью информирования	• с целью рекламирования или украшения
• <i>неоценочное</i>	• <i>неоценочное</i>
• <i>неэмоциональное</i>	• <i>неэмоциональное</i>
• МЕЖСТИЛЕВОЕ	• МЕЖСТИЛЕВОЕ
• ОБЩЕНАРОДНОЕ	• ОБЩЕНАРОДНОЕ
• СОВРЕМЕННОЕ	• СОВРЕМЕННОЕ

- ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ
- ВЫСОКОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ
- ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ
- УПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ

Для контрастивной пары *афиша* - *poster* индекс денотативной идентичности составляет 78%, ин-

дексы коннотативной идентичности – 100%, а индекс функциональной идентичности – 80%.

АФИША - placard

• сообщение	• сообщение
• письменное	• письменное
• печатное	• печатное или рукописное
• О	• большого размера
• в виде объявления о спектакле, концерте, лекции	• в виде объявления, лозунга
• вывешенное в публичных местах	• вывешенное в публичных местах или демонстрируемое людьми
• с целью информирования	• с целью рекламирования или поддержки
• <i>неоценочное</i>	• <i>неоценочное</i>
• <i>неэмоциональное</i>	• <i>неэмоциональное</i>
• МЕЖСТИЛЕВОЕ	• МЕЖСТИЛЕВОЕ
• ОБЩЕНАРОДНОЕ	• ОБЩЕНАРОДНОЕ
• СОВРЕМЕННОЕ	• СОВРЕМЕННОЕ
• ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ	• ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ
• ВЫСОКОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ	• МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ

Для этой контрастивной пары индекс денотативной, коннотативной и функциональной идентичности составляют соответственно 50%, 100% и 80%.

АФИША - notice

• сообщение	• сообщение
• письменное	• письменное
• печатное	• печатное или рукописное
• в виде объявления о спектакле, концерте, лекции	• в виде объявления или предупреждения
• вывешенное в публичных местах	• вывешенное в публичных местах
• с целью информирования	• с целью информирования
• <i>неоценочное</i>	• <i>неоценочное</i>

• <i>неэмоциональное</i>	• <i>неэмоциональное</i>
• МЕЖСТИЛЕВОЕ	• МЕЖСТИЛЕВОЕ
• ОБЩЕНАРОДНОЕ	• ОБЩЕНАРОДНОЕ
• СОВРЕМЕННОЕ	• СОВРЕМЕННОЕ
• ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ	• ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ
• ВЫСОКОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ	• ВЫСОКОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ

Для контрастивной пары *афиша* - *notice* индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности составляют соответственно 71%, 100% и 100%.

Таким образом, по денотативным семам ближе к русской лексеме оказывается английская лексема *poster*, по коннотативным семам все четыре лексемы оказались полностью идентичны лексеме *афиша*, а по функциональным семам ближе всех к рассматриваемой лексеме оказалась лексема *notice*.

Поскольку денотативный эквивалент является доминирующим при переводе, переводчику в данном случае целесообразнее всего выбрать в качестве наиболее удачного переводческого соответствия лексеме *poster*.

Приведем еще один пример. Рассмотрим лексему *листовка*, индекс множественности соответствий которой в английском языке равен двум.

ЛИСТОВКА - leaflet

• сообщение	• сообщение
• письменное	• письменное
• печатное или рукописное	• печатное
• политического характера	• О
• О	• обычно в виде сложенного листа бумаги
• распространяемое бесплатно	• распространяемое бесплатно на улице или через почтовые ящики
• с целью информирования и пропаганды	• с целью информирования или рекламы
• <i>неоценочное</i>	• <i>неоценочное</i>
• <i>неэмоциональное</i>	• <i>неэмоциональное</i>
• МЕЖСТИЛЕВОЕ	• МЕЖСТИЛЕВОЕ
• ОБЩЕНАРОДНОЕ	• ОБЩЕНАРОДНОЕ
• СОВРЕМЕННОЕ	• СОВРЕМЕННОЕ
• ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ	• ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ
• ВЫСОКОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ	• УПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ

Для данной контрастивной пары индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности составляют соответственно 50%, 100% и 80%.

ЛИСТОВКА - *flier* (*flyer*)

• сообщение	• сообщение
• письменное	• письменное
• печатное или рукописное	• печатное
• политического характера	• О
• распространяемое бесплатно	• распространяемое бесплатно на улице
• с целью информирования и пропаганды	• с целью рекламирования
• <i>неоценочное</i>	• <i>неоценочное</i>
• <i>неэмоциональное</i>	• <i>неэмоциональное</i>
• МЕЖСТИЛЕВОЕ	• МЕЖСТИЛЕВОЕ
• ОБЩЕНАРОДНОЕ	• ОБЩЕНАРОДНОЕ
• СОВРЕМЕННОЕ	• СОВРЕМЕННОЕ
• ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ	• ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННОЕ
• ВЫСОКОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ	• МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ

Для контрастивной пары *листовка - flier* индексы денотативной, коннотативной и функциональной идентичности составляют 43%, 100% и 80%.

Таким образом, денотативно ближе всего к рассматриваемой русской лексеме оказывается английская лексема *leaflet*, индексы же коннотативной и функциональной идентичности в обеих контрастивных парах совпадают. В результате проведенного анализа переводчику

можно рекомендовать выбрать в качестве наиболее подходящего переводческого соответствия лексему *leaflet*.

Таким образом, контрастивный семный анализ, выполненный в соответствии с предлагаемыми нами индексами, позволяет не только определить степень национальной специфики контрастивных пар, но и имеет ярко выраженное практическое применение, являясь действенным помощником переводчика.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
2. Контрастивная лексикология и лексикография. Монография / Под ред. И.А. Стернина и Т.А. Чубур. Воронеж, «Истоки», 2006. 341с.

L.V. Lukina

CONTRASTIVE ANALYSIS OF THE WRITTEN SPEECH EVENTS “GIVEN INFORMATION” IN RUSSIAN AND ENGLISH

The paper is devoted to contrastive analysis of Russian and English lexemes denoting written speech events "Given Information". The analysis is carried out with the help of a number of indexes elaborated by the author: index of correspondence plurality, index of the thematic group equivalency, indexes of denotational, connotational and functional identity.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Л.В. Ковалева

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА И САМОБЫТНОСТЬ ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются вопросы концептуализации, категоризации, виды концептов, подтверждающих универсальность языка, и различия их вербализации, что ведет к самобытности, неповторимости национальных языков.

Пользование языком есть деятельность человека, исходящая из познания окружающей действительности и сознательное ее восприятие, то есть мыслительная, когнитивная, деятельность, а это означает, что природа языка универсальна, хотя представлена огромным многообразием своего проявления – многообразием языков. По словам Гумбольдта, язык – это не только деятельность, направленная на общение, но и на развитие духовных сил человека и на приобретение мировоззрения, которое достигается, когда человек доводит свое мышление до ясности и определенности в общем мышлении с другими людьми.

Когнитивная деятельность, являясь универсальным явлением, обладает специфическими характеристиками в каждом конкретном языке и этнокультуре. Социальная природа языка признается многими исследователями, особенно такой взгляд на язык утвердился после публикаций известного французского лингвиста Ф. Де Соссюра. Одна-

ко в настоящее время появился несколько иной взгляд на данный вопрос. Социальность языка рассматривается сегодня с позиций макросоциума, то есть на уровне всечеловеческого общения в пределах космического информационного поля, на уровне ноосферы. Впервые понятие о ноосфере было сформулировано В.И.Вернадским, которое дало перспективу для дальнейшего познания мира. Языку В.И.Вернадский отводил значительную роль в создании нового уровня мышления – космического. Он отмечал, что человек на протяжении многих веков «строил свой идеальный мир в жестких рамках окружающей его природы, среды своей жизни, биосферы, глубокой связи своей с которой, независимо от его воли, он не понимал и теперь не понимает» [1], но с признанием ноосферы «ум человека становится огромной геологической планетарной силой», которую ученый называл «энергией человеческой культуры».

Опираясь на учение Вернадского, многие исследователи считают, что язык выступает в форме всеобщего человеческого языка. Например, В.Н.Манакин под общим человеческим языком понимает: «единый когнитивно-семантический континуум, который выступает в роли организующей стороны всех языков и человеческого знания о мире. На вселенском и ноосферическом уровнях этот когнитивно-семантический континуум растворен в квантах единого информационного поля» [2].

Также А.Вежбицкая, рассматривает проблему языка и мышления как организованную систему в виде совокупности универсальных концептов (семантических примитивов). А.Вежбицкая отмечает: «имеется набор семантических примитивов, совпадающий с набором лексических универсалий, и это множество примитивов-универсалий лежит в основе человеческой коммуникации и мышления» [3].

Сегодня постоянно пополняется список научных работ, посвященных изучению когнитивных подходов к исследованию языка. Много в них противоречивого, отсутствие единого подхода, отсутствие единой терминологической базы. Доказано, что люди мыслят концептами, однако понятие концепт как универсальной когнитивной сущности расплывчато. Авторы исследований концепта, появившихся в последнее время, дают ему разные определения. Е.С. Кубрякова считает, что концепты - это единицы сознания и информационной структуры, отражающей человеческий опыт. Она называет концептом также “опера-

тивную единицу памяти, всей картины мира, квант знания” [4].

По-другому подходит к определению концепта Н.Д.Арутюнова, которая считает концепт понятием практической (обыденной) философии, отражающим различные факторы реальной действительности, причем только те факторы образуют концепт, которые становятся объектом оценки “Оценивается то, что нужно... человеку и Человечеству... В идеализированную модель мира входит и то, что уже (или еще) есть, и то, к чему человек стремится, и то, что он воспринимает, и то, что он потребляет, и то, что он создает, и то, как действует и поступает” [5].

Р.М.Фрумкина называет концептом вербализованное понятие и формирование его связывает с трактовкой смысла, который существует в человеке и для человека и ориентирован “на означивание и коммуникацию. По ее мнению А.Вежбицка дает удачное определение концепта, которая представляет его как объект из мира “Идеальное”, отражающий культурно-обусловленное представление человека о действительности.

По А.П.Бабушкину, концепт “является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризируются” [6].

В.В.Колесов считает, что концепт есть “чистый смысл, не обретший языковой формы; это первосмысл, первообраз, архетип, константа и т.д.” [7].

Н.Ф.Алефиренко также считает концепт когнитивной (мыслительной) категорией, квантом знания,

сложным, жестко не структурированным смысловым образованием описательно-образного и ценностно-ориентированного характера [8].

Большое внимание исследованию концепта уделяет Н.Н.Болдырев. Он считает, что в результате познавательной деятельности у человека формируются понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире. Эта система состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции. Разнообразие форм познания определяет разные способы формирования концептов в сознании человека. Ученый выделяет следующие способы образования концепта: на основе чувственного опыта, предметно-практической деятельности человека, на основе мыслительной деятельности, вербального и невербального общения [9].

Таким образом, понимание концепта у лингвистов различается. Некоторые отождествляют концепт с понятием. Ю.С.Степанов считает, что концепт многоаспектная ментальная структура, к которой принадлежит все, “что принадлежит строению понятия”; некоторые - со значением слова или с логической категорией (Ришар, 1998, Григорьева, 2001, Колесов, 1992). В.В.Колесов считает, что концепт - это образование с присущими ему функциональными свойствами: развитие семантики слова “с развертыванием внутренней формы до логического предела” [7].

Г.В.Токарев рассматривает концепт как глобальную, многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны следующие

признаки: исторический детерминизм; широкая экстенциональность; структурированность интенционалами научных и обыденных понятий, представлений, культурных установок; неоднородность содержания; разнообразие типов знаковых репрезентаций.

Концепт – это сложнейшая единица человеческого сознания, ментальная репрезентация предмета/явления, содержанием которой является некая «смысловая комбинация» представлений о нем» [10].

Таким образом, концепт – это знания о мире, представленные в ментальности человека, и является универсальным понятием. Наличие в концепте единых категорий, по словам О.Макаровской, делает его универсальным понятием. Например: концепт вбирает в себя знания (объективные и необъективные, научные и наивные и др) человека о мире, полученные в результате жизнедеятельности; может объективироваться в знаке, но не сводима к этому знаку; относительно стабильная категория, но может подвергаться изменениям и обогащаться новыми понятиями. Концепты, по мнению З.Д.Поповой и И.А.Стернина – мыслительные картинки представляют собой когнитивные структуры разных типов: схемы, фреймы, сценарии и т.д. Типы концептов, утверждают ученые, носят всеобщий характер и не зависят от языка их вербализации [11].

Второй важнейшей деятельностью человеческого мозга является категоризация окружающего мира, которая связана с объективизацией концептов, образуя концептуальную систему, которая также является

универсальной, и репрезентацией ее в том или ином конкретном языке. Познавая мир, человек оценивает его, поэтому оценка является составной частью концепта. В результате мыслительной деятельности человек выделяет в окружающих явлениях множество признаков, которые он сравнивает, разделяет, категоризирует, стремясь к всеобъемлющему синтезу. Поэтому категоризация и концептуализация также являются универсальным явлением.

Главной темой когнитивной лингвистики является изучение способов репрезентации концептов как универсальных образований в отдельно взятом языке и обнаружением специфических культурных черт языковой картины мира. Универсальным, на наш взгляд, является и синергетика языка. Еще Лосев писал... «Энергонесущими являются и культурно нагруженные единицы языка, имеющие глубокое ценностно-смысловое содержание, представленные в сознании носителя в виде сложнейшей амальгамы объектов культуры, сознания и языка. Воплощенная в них духовная сила, творческая энергия народа – носителя языка делает их знаками определенной лингвокультуры. Содержание лингвокультурологических феноменов пронизано «духом народа», национально-специфическим способом освоения мира.» (МГУ. С.31)

Человеческое сознание способно охватить только отдельные фрагменты концептосферы. Познание мира «опосредуется и регулируется психическим отражением реальности», высшим уровнем ее отражения является сознание... Вследствие по-

стижения реальности сознанием происходит становление ментальной картины мира. Но так как человек является этносубъектом, то есть обязательно живет и действует в какой-либо этнической общности, то создаваемая им картина мира всегда является этнической картиной, в рамках которой человек строит определенную языковую модель, при развертывании которой в языке вырабатываются типовые структуры с культурными составляющими. В результате коммуникации эти модели наполняются культурно-этническим содержанием, почерпнутым из реальной бытовой ситуации.

Когнитивные процессы, происходящие в мозгу человека, и коммуникативные процессы порождения речи тесно связаны между собой, и их исследование становится важной и сложной проблемой. Решение данной проблемы возможно только в том случае, если в основу исследования будет положено определение языка «как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности и обеспечиваемого особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческому мозгу». Кубрякова считает, что познание языка и когнитивных процессов, его порождающих, нужно исследовать в двух системах координат, то есть на пересечении когниции и коммуникации [4].

Совершенно ясно, что процесс мышления и процесс вербализации информации различаются и осуществляются разными путями. А.Р. Лурия в своих исследованиях доказал, что данные процессы локализо-

ваны в разных участках головного мозга и вполне самостоятельны.

Исследуя процесс превращения мысли в словесный комплекс, Н.И.Жинкин утверждал, что данный процесс осуществляется при помощи универсального предметного кода, где кодируется в определенные знаки чувственное отражение действительности. Он доказывает также, что предметный код, представляет собой общность для разных человеческих языков, как бы универсальный язык, с которого возможны переводы на все языки []. “Универсальным код называется потому, что он есть у всех людей, а предметным - поскольку его единицы представляют собой преимущественно предметные образы” (Попова, Стернин, 2001 : 22).

Развивая и уточняя исследования Л.С.Выготского, И.Н.Горелова и Н.И.Жинкина, опираясь на психо-

логический эксперимент и собственные наблюдения, З.Д.Попова и И.А.Стернин приводят доказательства, подтверждающие данную точку зрения. Они пишут: ”Эксперимент показывает, что языковой материал должен сначала пройти перекодировку в особый код мозга, ответственный за построение смысла. Он, этот код, в процессе своего функционирования, и есть информационная система, которую мы называем “мышлением”. Этот код не зависит от специфики национального языка, он универсален и имеет надъязыковый характер” [].

Таким образом, мы видим, что проблема универсальности языковых явлений доказана многими лингвистами и уже не вызывает сомнения так же, как и самобытность языков и их национальное своеобразие.

Литература

1. Вернацкий В.И. Биосфера и ноосфера. – М., 2004. с. 264.
2. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. Киев., 2007. с. 32-33.
3. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1992. с.297.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.с.406.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Языки русской культуры. М.,1998. 896 с.
6. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. с.16.
7. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Петербург, 2000. с.56.
8. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002. С.17.
9. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов., 2000.с.23-25.
10. Макаровская О. Концепты русской национальной песни. Познань., 2004. с.11.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. с.190.

12. А.Н.Леонтьев. Деятельность.Сознание.Личность.М., 1975.с124.).
13. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982. с.54.

УДК 801.3=82(045/046):26 ББК 83.3(2Рус=Рус)6я437

Н.Б. Подвигина, аспирант

ПОНЯТИЕ КОНЦЕПТА И КОНЦЕПТОСФЕРЫ

В статье рассматриваются различные точки зрения на природу и сущность концепта и концептосферы как основных единиц когнитивной лингвистики, приведена типология концептов, а также проанализирована структура концепта с позиций разных исследователей.

Центральным объектом исследования когнитивной лингвистики являются концепты - содержательные единицы памяти, всей картины мира, отраженной в сознании человека и его психике.

Представители когнитивной лингвистики считают, что каждый язык представляет собой определенную систему концептов, благодаря которой носители языка могут воспринимать, структурировать, классифицировать и интерпретировать поток информации, которая поступает из окружающего мира. Возможность категоризации объектов позволяет объединять их в классы на основании определенных сходств.

«Когнитивный взгляд на природу естественного языка заставляет признать не только сам факт ментальной репрезентации мира в сознании человека, но и факт упорядоченности этой репрезентации, наличия в ней организующих принципов в представлении знаний и их существования в форме концептов, содержательных единиц сознания» [5].

«Термин «концепт» и его аналоги «лингвокультурема», «лого-эпистема», «мифологема», «ноэма» стали активно употребляться в российской лингвистической литературе с начала 90-х гг. (Степанов, 1993, Лихачев, 1997, Ляпин, 1997, Артюнова, 1999 и др.).

В настоящее время термин «концепт» утвердился в качестве основополагающего понятия в когнитивной лингвистике как наиболее употребительный.

Концепты – базовые единицы мышления [6]. Концепт выступает как основа для выделения некой совокупности языковых средств, находящихся с концептом в отношениях репрезентации [7]. «Концепт – (лат. «схватывание, восприятие») – процесс «схватывания» смыслов вещей в единстве речевого высказывания» [9].

Термин «концепт» является зонтиковым, он «покрывает» предметные области нескольких научных направлений: прежде всего, когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, занимающихся проблемами мышления и познания,

хранения и переработки информации [5].

Человек познает окружающий мир, в результате чего формируется система знаний о мире, состоящая из концептов разного уровня сложности.

Факторами, определяющими формирование концепта, являются:

- 1) чувственный опыт, т.е. восприятия органов чувств;
- 2) предметная деятельность человека;
- 3) мыслительная деятельность, порождающая возникновение новых концептов на основе уже имеющихся;
- 4) толкование и объяснение понятий;
- 5) «выведение» новых концептов при обращении к словарным дефинициям незнакомых слов [8].

Концепт представляет собой ту абстрактную единицу, которой человек оперирует в процессе мышления. Эти единицы отражают результаты знаний, полученных человеком, накопленного им опыта. Человек мыслит концептами. Анализируя, сравнивая, соединяя разные концепты в процессе мыслительной деятельности, он формирует новые концепты как результат мышления.

Сам термин «концепт» трактуется лингвистами по-разному.

Один из первых отечественных лингвистов, обратившийся к исследованию концепта, - С.А. Аскольдов-Алексеев. В статье «Концепт и слово» (1928 г.) он дает определение концепта как заместителя познавательных средств, называя его мысленным образованием. «Чтобы подойти к уяснению природы кон-

цептов, необходимо уловить самую существенную их сторону как познавательных средств. Эту сторону мы видим в функции заместительства. Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода... Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий... Он может быть заместителем разного рода хотя бы и весьма точных, но чисто мыслительных функций. Таковы, например, математические концепты» [2].

Д.С. Лихачев предлагал «считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением... которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной сфере, профессии и т.д.» [6].

Г.Г. Шпет толкует концепт как динамический мыслительный процесс создания «понятий», как «объем» мысли и предлагает отделять его от значений слов. «Говоря о понимании в собственном смысле, мы хотим сказать, что мы понимаем вместе с конципированием. Если бы мы только конципировали, мы получили бы только «понятия», концепты, т.е. схемы смысла» [5].

По мнению Е.С. Кубряковой, концепт – это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная со-

держательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга..., всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [5].

Концепт есть «чистый смысл, не обретший языковой формы; это первосмысл, первообраз» [3].

Н.Д. Арутюнова считает, что концепт – это «понятие практической философии, отражающее различные факторы реальной действительности» [2].

Концепт – это «единица мышления, обладающая отдельным целостным содержанием и реально не разлагающаяся на более мелкие мысли, т.е. элементарная сторона внутреннего слоя» [7].

Концепты – это «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» [8].

А. Вежбицкая представляет концепт как объект из мира «Идеальное» [4].

Концепт – это «познавательная психическая структура, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов» [7].

Р.М. Фрумкина называет концептом вербализованное понятие и связывает его формирование с трактовкой смысла, существующего в человеке и для человека и ориентированного на «означивание и коммуникацию» [8].

Концепт «является ментальной репрезентацией, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризуются» [2].

Н.Ф. Алефиренко также считает концепт когнитивной (мыслительной) категорией, квантом зна-

ния, сложным, жестко не структурированным смысловым образованием описательно-образного и ценностно-ориентированного характера [1].

Как большинство новых научных понятий, часто концепт вводится через когнитивную метафору: это и «многомерный сгусток смысла», и «смысловый квант бытия», и «ген культуры» (Ляпин, 1997), и «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов, 1997), и «эмбрион мыслительной операции» (Аскольдов, 1997).

Н.Н. Болдырев считает, что в результате познавательной деятельности у человека формируются понятия, объединяющиеся в систему знаний о мире. Эта система состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции. Разнообразие форм познания определяет разные способы формирования концептов в сознании человека [2].

Некоторые лингвисты отождествляют концепт с понятием или со значением слова, а также с логической категорией (Степанов, 1997, Колесов, 1992).

Г.В. Токарев рассматривает концепт как многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны следующие признаки: исторический детерминизм, широкая экстенциональность, разнообразие типов знаковых репрезентаций (Токарев, 2003).

В нашем исследовании мы будем исходить из точки зрения на концепт, предлагаемой воронежской теоретико-лингвистической школой. Мы согласны с определением концепта, который предлагают З.Д. Попова и И.А. Стернин: «Кон-

цепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания» [8]. Содержание концепта включает сведения об объектах, их свойствах, о том, что человек знает, думает, предполагает, воображает об объектах мира.

Исследователи данного направления считают, что человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления.

Концепты – идеальные сущности, формирующиеся в сознании человека из непосредственного чувственного опыта (через органы чувств); из непосредственных операций человека с предметами (через предметную деятельность); из взаимодействия при помощи мыслительной деятельности с уже сформированными концептами; из языкового общения [8].

Выделяются три типа моделей концептов:

1) одноуровневые, состоящие только из чувственного ядра;

2) многоуровневые, включающие несколько когнитивных слоев, различающихся по степени абстракции;

3) сегментные, представляющие собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции [6].

Следовательно, «концепт в нашем понимании – это универсальная единица мыслительного поля человека, многоуровневая совокупность знаний о каком-либо фрагменте действительности» [5].

Концепт как результат ментального отражения увиденного,

услышанного образуется, а затем развивается, превращаясь из чувственного образа в мыслительный.

О различных типах концептов существует большое количество работ в зарубежной и русской лингвистике (D'Andrade, Roy, 1989, Figge, 1993, Rickheit, Strohner, 1993, Reischer, 2002, Агаркова, 1999, Воркачев, 2000, 2004, Севрюгина, 2002 и др.).

З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют следующие типы концептов:

1) представление. Концепт-представление объективируется в языке лексическими единицами конкретной семантики;

2) схема. Эти концепты представлены обобщенной пространственно-графической или контурной схемой;

3) понятие. Концепт, состоящий из существенных признаков предмета или явления;

4) фрейм. Мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении;

5) сценарий (скрипт). Последовательность нескольких эпизодов во времени;

6) гештальт. Комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании [8].

Также ученые говорят о возможности классификации концептов

1) по степени абстрактности содержания (выделяют абстрактные и конкретные концепты);

2) по степени устойчивости (выделяют устойчивые, т.е. регулярно вербализуемые в стандартной языковой форме, и неустойчивые, т.е. нерегулярно или совсем невербализуемые концепты);

3) по наблюдаемости (концепты можно подразделить на вербализованные, для которых есть регулярные языковые средства выражения, и скрытые, т.е. не вербализуемые или вербализуемые искусственно только в условиях принудительно поставленной задачи) [8].

Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека. «Концепт не только подменяет собой значение слова и тем самым снимает разногласия, различия в понимании значения слова, чем облегчается общение, он, в известной мере, и расширяет значение, оставляя возможности для ... домысливания, дофантазирования и для эмоциональной ауры слова» [4]. Концепты, вербализованные в художественных произведениях, преломляются сквозь призму авторского мировоззрения и получают специфический индивидуальный ракурс (Павлючко, 2001), поэтому большой интерес для исследователей представляет анализ концептов в художественных текстах.

Главной целью для когнитивной семантики является «описание структуры концепта, наличие которого лежит в основе и объясняет название вещей и объектов закрепленными за ними в лексической системе языка именами, описание идеи, а не просто чувственного образа типичного представителя вида

объектов, иными словами, описание прототипа» [4].

Сложность описания структуры концепта обусловлена непредсказуемостью ощущений, чувственного опыта, эмоциональности восприятия. Невозможно проконтролировать процесс ментального отражения.

Исследователи, разрабатывающие проблемы концептуализации знаний, считают, что концепт имеет вполне определенную структуру, и пытаются представить концепт как пространственную динамическую модель, отображающую структуру смысла в сознании индивида.

Н.Н. Болдырев представляет структуру концепта в виде катящегося снежного кома, «который постепенно обволакивается новыми слоями. Так и содержание концепта постепенно насыщается, а его объем увеличивается за счет новых концептуальных характеристик» [2].

И.А. Стернин представляет концепт как некий плод, косточка которого – чувственный образ, ядро, обрастающее мякотью, - концептуальными признаками. Любой концепт имеет базовый слой, который всегда представляет собой определенный чувственный образ, являющийся единицей универсального предметного кода, при помощи которого данный концепт кодируется для мыслительных операций. В сложных концептах дополнительные когнитивные признаки наслаиваются на базовый слой и образуют «мякоть плода». Под базовым слоем концепта И.А. Стернин понимает чувственный образ, кодирующий концепт как мыслительную единицу в УПК, плюс некоторые дополни-

тельные концептуальные признаки. Базовый когнитивный слой дополняется когнитивными слоями, которые отражают развитие концепта, его отношения с другими концептами. Когнитивные слои образуются концептуальными признаками. Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта и определяют его структуру [8].

Ю.С. Степанов считает, что к структуре концепта «с одной стороны, ... принадлежит все, что принадлежит строению понятия...; с другой стороны, в структуру концепта входит все, что делает его фактом культуры, исходная форма (этимология); ... современные ассоциации; оценки». По мнению ученого, концепт имеет структуру, состоящую из трех слоев: 1) основного слоя, который автор называет основным, актуальным признаком; 2) одного или нескольких дополнительных признаков, являющихся уже не актуальными; 3) внутренней формы (Степанов, 1997).

З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают полевую модель структуры концепта. Подобнолевой модели значения слова, можно предположить, что и концепт имеет многокомпонентную и многослойную структуру, которая может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации [8].

Полевое описание концепта получает в терминах ядра и периферии. К ядру относятся слои с наиболее чувственно-наглядной конкретностью, первичные, наиболее яркие образы; более абстрактные слои составляют периферию концепта. Пе-

риферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности в поле концепта, статус признака указывает на степень его удаленности от ядра по признаку конкретности и наглядности образного представления.

Существует также мнение, что представить концепт как структуру невозможно, т.к. он находится в состоянии перманентного структурирования (Панкина, 2004). Несмотря на это, попытки сконструировать модель концепта будут продолжаться, т.к. это позволяет представить его внутреннюю организацию, т.е. системные отношения среди его элементов. Но нужно иметь в виду, что любая модель – это всегда упрощение. Поэтому любая модель концепта будет иметь обобщенный характер и будет являться лишь его интерпретацией.

Возникнув как чувственный образ, концепт в процессе своего формирования приобретает новые признаки, называемые концептуальными и включающие всю коммуникативно-значимую информацию о предмете, лежащем в основе формирования концепта. Исследователи акцентируют внимание на диффузности, дискретности этих ментальных образований.

Интерпретация смыслов концепта все время поддается дальнейшему уточнению и модификациям, концепты представляют собой не анализируемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов, развиваются и проясняются.

Число концептов и объем их содержания постоянно изменяются.

Обмен концептами в коммуникативных актах осуществляется с помощью лексических средств языка. Поэтому раскрытие содержания концепта наиболее эффективно осуществляется путем анализа структуры значения слова, представленного на формальном уровне лексемой, а на содержательном уровне – семемой. Многослойность концепта отражается в множественности семем, концептуальные признаки, характеризующие концепт, «оседают» в семантических признаках, семах.

Существует необходимость различать концепт и языковое значение. Многие исследователи правомерно считают, что концепт шире языкового значения. «Понятие смысла (концепта) шире, чем собственно языковое, или понятийно-языковое. В фокус последнего попадают не все признаки, отображенные в соответствующем понятии, а только те из них, которые отражают свойства, вычлененные в объекте при его назывании. Отсюда несовпадение понятия и значения не только по объему, но и по качеству содержания» (Телия, 1981).

«Основой концепта является чувственный образ, а значение слова представляет собой совокупность семантических компонентов – сем» – считают З.Д. Попова и И.А. Стернин [8]. Вся совокупность сем при семантическом анализе не может представить содержание концепта полностью, так как мир мыслей никогда не находит полного выражения в языковой системе. «Концепт – единица концептосферы, значение –

единица ... семантического пространства языка. Значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта» [8]. «Концепт значительно шире, чем лексическое значение» (Карасик, 1996). Значение представляет лишь один (или несколько) из аспектов концепта как этнопсихического образования. «Значение не сводимо к концепту. Концепт выступает лишь мысленным субстратом значения, на котором лингвокреативное мышление наращивает различные смыслы оценочного, эмотивного и экспрессивно-образного характера. Вербализованная часть концепта является его значением, невербализованная – внеязыковым смыслом» [1]. Концепты, сформированные носителями языка и хранящиеся в памяти людей, образуют концептосферу языка.

Термин «концептосфера» был введен в отечественной науке Д.С. Лихачевым, который понимал под ним «совокупность концептов нации, она образована всеми потенциальными концептами носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера национального языка» [4].

Выше нами уже было сказано о том, что З.Д. Попова и И.А. Стернин считают источником формирования концептов познавательную деятельность людей. «Концептосфера – область мыслительных образов, единиц УПК, представляю-

щих собой структурированное знание людей». Она достаточно упорядочена. Концепты, образующие концептосферу, могут находиться по отдельным своим признакам в иерархических отношениях, либо в отношениях сходства или различия с другими концептами [8].

Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует семантическое пространство данного языка, которое необходимо разграничивать с концептосферой.

«Семантическое пространство языка и концептосфера однородны по своей природе, это мыслительные сущности» [9]. Разница между этими понятиями заключается в том, что концептосфера – мыслительная область, состоящая из концептов, т.е. элементов, не связанных с конкретным языковым знаком. «Концепт может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка, а существовать на основе альтерна-

тивных знаковых систем, таких, как жесты, мимика, музыка, живопись, скульптура, танец и т.д.» [8]. Семантическое пространство языка – это только часть концептосферы, получившая выражение при помощи языковых знаков. «Это не набор, не инвентарь концептов, а сложная их система, образованная пересечениями и переплетениями многочисленных и разнообразных структурных объединений групп концептов, которые «упакованы» в цепочки, циклы, ветвятся как деревья, конструируются как поля с центром и периферией и т.п. Вся эта сложная система структурированных в поля, циклы, цепи и другие структуры конструкций и образует семантическое пространство данного конкретного языка» [8].

Получить знания о какой-либо части концептосферы можно только при изучении соответствующей части семантического пространства языка, что и является предметом исследования когнитивной лингвистики.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение и концепт / Н.Ф. Алефиренко // Когнитивная семантика: Материалы II Международной школы – семинара по когнитивной лингвистике, 11- 14 сентября 2000 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: В 2-х ч. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. - Ч.2.- С. 33 – 36.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. - С. 267 – 279.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.

5. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - №1. – С. 6 – 17.
6. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование: (Из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М., 1995. – С. 143 – 184.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия АН СССР. – Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – Вып. 1. - №1. – С. 3 – 9.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2001. – 191 с.
9. Рудакова А.В. Экспериментальное изучение концепта «быт» в русском языковом сознании / А.В. Рудакова // Культура общения и ее формирование. – Вып. 8. – Воронеж, 2000. – С. 88 – 94.

Podvigina N.B.

The article concerns different points of view on the nature and the essence of the concept and the sphere of concepts. The classification of concepts is given. The structure of the concept is analyzed from different scientific positions.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 82.08

О.М. Безатосная

АССОЦИАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ КОНЦЕПТА «СВЕТ» В РАССКАЗАХ Б.К. ЗАЙЦЕВА

В данной статье анализируется своеобразие ассоциативных значений концепта «свет» в рассказах Б.К. Зайцева. Тема «света» в произведениях Б.К.Зайцева является одной из главных тем и связана с такими понятиями, как добро, любовь, Бог.

Немало великих уроков добра таят в себе страницы рассказов Б.К.Зайцева, от которых веет тихим светом милосердия. Свет выступает у него как объединяющая стихия мироздания, созданного, по мысли писателя, гармонично и целесообразно.

Один из самых светлых, лирически-взволнованных рассказов Б.К.Зайцева называется «Миф». Он весь пронизан светом солнца (1 зна-

чение). Этот образ приобретает дополнительное значение молодости, любви. Свет обычно несет положительную энергию, но значение его зависит от внутреннего мира героя:

«Он снимает фуражку, потоки света заливают его. Голова делается теплей, все вокруг начинает течь в медленном движении. Миша улыбается. Оперев голову на руки, он неподвижно смотрит на тонкие паутинки, что одели сеткой скат и бегут

к нему своими переливами. Это похоже на золотистый призрачный ковер, тянущийся откуда-то издалека, чуть не с неба». «Миф» с.54

Герой рассказа смотрит на мир влюбленными глазами, его душа подобна тающей свече. Свет (1значение) любви позволяет ему постичь откровения природы:

«Боже мой, - думает Миша, - хорошо лежать в чистом поле, при паутинках, в волнах ветра. Как он там тает, как чудесно растопить душу в свете и плакать, молиться. Быть может, после полудня над жатвой пролетают наши ангелы, особые, таинственные, русские ангелы». «Миф» с.52.

Свет (в1 значении)- это одно из средств передачи красоты русской природы:

«Мы спим. Но что это такое? Вот открываю глаза, и во все щели струями свет, свет! Скорей на воздух, не упустить ни минуты, за сарай, к саду. Оттуда тянет огненный бриз, точно шелковые одежды веют в ушах, и, кажется, сейчас побежишь навстречу, и пронизут всего, беспредельно, эти ласкающие лучи; волосы заструятся по ветру назад, как от светлого плывучего тока. О, солнце, утро!». «Полковник Розов» с.74

Лексема «свет» употребляется во 2 значении (пространство, где светло) в следующем предложении: «Просто хотелось отдохнуть, тишины, света...он и сам точно не сказал бы чего, только не этой избы, и не храпа, и не розвальней, не круп, не меринов...». «Странное путешествие» с.393. В данном предложении свету противопоставлена грязная изба, храп усталых путников,

хрюканье меринов. Образ света ассоциируется с прошлой жизнью, полной чистоты и нежности.

В рассказе «Заря», посвященном светлому периоду в жизни героя- детства, Б.К.Зайцев рисует пейзаж, который виден из окон детской: «Много свету было в этом виде. Как будто окна выходили вообще на Божий мир, лежавший в таком просторе и ясности». «Заря» с.112

«Женя не мог сказать, с какого времени начал себя помнить. Были ничтожные или непонятно-преlestные воспоминания, - игра, ласка, запах летнего сада; но это тонуло в тумане детства, легендарного существования, бросающего на целую жизнь свой свет». «Заря» с.111

На страницах произведений Б.К.Зайцева возникает метафора свет- Бог: «Я забывал о прошлом и не думал о будущем. Быть может, такое состояние, со всегдашним ощущением Света, то есть Бога, и есть та райская жизнь, о которой говорит Библия». «Голубая звезда» с.378

В рассказе «Аграфена» героиня по субботам ходит в церковь, слушает, как хор гимназистов поет «Свете Тихий».. Сердце ее тогда обнималось благоговейной ясностью». «Аграфена» с.81. «Свете Тихий» - это умиленное песнопение, прославляющее Сына Божия, гимн первых веков христианства. Свет принимает значение озарения- «благоговейной ясности».

На страницах произведений Б.К.Зайцева образ Богородицы «мягко сияет в золотых ризах»; от этого света на душе становится покойно: «Оттого ли, что поплакала,

или, правда, в золотом сиянии Богородицы был мир, но она поднялась облегченная...» «Голубая звезда» с.324.

В ослепительном свете является Сергию Радонежскому Пречистая, чтобы утешить его и приободрить, сказать, что всегда будет заступницей обителя. В православной традиции метафора озарения- «внутреннего света» передает изначальную предрасположенность души к восприятию спасительной веры, идея Христа как божественного света определяет собой традицию православия. В последнее утро своей земной жизни Аграфена обрела душевное успокоение, обратившись к Богу: «Из-за знакомых, дорогих когда-то лиц...выплыло новое, потопляющее всех единым светом Лицо, принимающее всех в сверхчеловеческое лоно». «Аграфена» с.103

Лексема «свет» становится символом несчастливой, трудной жизни Анны, которая с утра до ночи работает в хлеву. Свет утра для нее- это начало тяжелого дня: «Петух, тайным зовом пробужденный, прокричит в свой ранний час, горький сигнал к свету- а еще звериная темнота над землей. Люди его не услышат». «Анна» с.422. Не услышит и Анна, уставшая после трудного дня. «Горький сигнал к свету» как тайный знак ее судьбы, горький сигнал к ее несчастной жизни.

В этом же рассказе лексема «свет» приобретает дополнительное значение «таинственный, непознанный». Анне, тяжело переносящей смерть любимого, невозможно поверить в его небытие: «...Может быть, он был и тут, в этом лунном дыму, может быть, чтобы достать,

достигнуть до него, разлившегося неведомым светом, надо еще куда-то дальше пройти...» с.461

В рассказе «Авдотья- смерть» возникает то же значение. Лиза молится за убитого мужа, за мать, за себя и вдруг видит «необычный свет».

Свет может проявляться в виде огоньков (они не зафиксированы ни в одной группе ТСРЯ). В рассказе «Тихие зори» герой, тяжело переносящий смерть жены, вспоминает: «...тихий красный огонек виднелся в церкви тогда... он мигал, мигал, маленький, пустынный и жуткий...сразу и у меня, и у ней прошло под сердцем что-то ледяное, точно мы предчувствовали нечто». С.36. Свет этого огонька как предвестник беды. В рассказе «Заря» мальчик Женя смотрел на огонек в избушке караульщика погоста и «непонятная тоска сжимала его сердце» с.116. Впервые Женя понял, что нет ничего вечного, что мамы когда-нибудь не будет. Этот «мрачный вечер с огоньком на кладбище нельзя было вычеркнуть ничем». Образ огонька стал символом будущей разлуки.

В рассказе «Голубая звезда» описано паломничество в монастырь. Уставшие от дневной суеты и несерьезных споров герои, оказались у монастырских ворот:

«Монастырские ворота были заперты, и у иконы, над нами, таинственно светилась лампадка- красноватым, очаровательным в тишине своей светом».

Лампада перед иконой зажжена людьми, а над иконой - божественный свет звезд:

«Выше, в фиолетовом небе, зажглись звезды». На этом фоне, при божественном свете, все разногласия героев кажутся мелкими и несерьезными..

Таким образом, тема «света» в произведениях Б.К.Зайцева является одной из главных тем и связана с такими понятиями, как добро, любовь, Бог.

Литература

1. Зайцев Б.К. Белый свет. – М.,1990.
2. Зайцев Б.К. Земная печаль / Предисл. Л.Иезуитовой. – Лениздат, 1990.
3. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. – М.,1999.
4. Любомудров А.М. Святая Русь Бориса Зайцева. – М.,2002.

О.М. Bezatosnaya

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК

Е.А. Журавлева

КОНЦЕПТ «ДУША» В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ

В статье рассматриваются особенности восприятия концепта «ДУША» носителями русского национального сознания и то, как на него повлияли основные мировые философские течения.

Характерной чертой современной гуманитарной науки является поиск смысловых и языковых доминант русской национальной личности. В качестве её важнейших атрибутов ученые выдвигают духовность (религиозность), соборность, всемирную отзывчивость, стремление к высшим формам опыта, поляризованность души. В иерархии философских, этических и психологических концептов первое место принадлежит аксиологическим концептам "Душа", "Любовь" и "Счастье". Природа и аспекты дифференциации феноменов образ и понятие/концепт до настоящего времени

не имеют однозначных трактовок ни в лингвистике, ни в философии, ни в логике. Общее понятие рассматривается как акт нашего сознания; слово экстрагирует переживание, которое испускает импульсы эмоционального спектра. Определение эмоции также характеризуется многообразием признаков и точек зрения, что адекватным образом отражается на решении проблемы статуса и сущности понятий образ, концепт, эмоция, являющихся фундаментальными при исследовании и описании художественного текста/дискурса как эксклюзивной коммуникативной единицы.

В русском художественном дискурсе важно определить корреляции таких понятий, как концепт и значение, которые в современной лингвистике трактуются по-разному. Выстраивается цепочка взаимоопределяющих и взаимосвязанных семантико-понятийных блоков: "денотат" - "референт" - "референт" - "значение" - "значение" - "концепт" - "концепт" - "понятие" - "понятие" - "смысл" - "смысл" - "образ" - "образ" - "символ" и т.п. Во многом это обусловлено тем, что данный предмет исследования - языковой модус мыслительной деятельности - является принадлежащим многим наукам: медицине, логике, семиотике, психологии, лингвистике. Это, в свою очередь, влияет на формирование и развитие как терминологической синонимии в границах данных наук, так и межотраслевой омонимии, с чем связана проблема многозначности термина. Онтологический статус концепта или значения можно определить, лишь выявив и дифференцировав взаимокорреляции концепта и значения.

Концепт, как справедливо замечает Д. С. Лихачев, "не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека". [3; с. 281]. Признавая, что концептосфера русского языка, созданная писателями и фольклором, исключительно богата, рассматриваем национальный язык не в качестве "как бы "заместителя" русской культуры". [3; с. 282], а как ис-

ключительный культурно-ментальный феномен, представляющий собой духовную, одушевленную ипостась.

В этом плане одним из наиболее сложных, неоднозначных можно считать соотношение понятия/концепта и слова "душа", отражающих национально-культурную, ментально-психологическую специфику и ценностную ориентацию русского народа.

Языковое «портретирование» имени «ДУША» происходит, в первую очередь, не на уровне понятий, зафиксированных в различных словарях, а на уровне концептуальных метафор, отражающих различные представления человека о своей душе. История человечества – это история осознания себя существом сложным, одухотворённым. Познание души первоначально идёт через природу и отождествляется с тремя стихиями – огнём, воздухом, водой и их производными – дыханием, ветром, паром, дымом и т. п. Стихийное представление о душе сохранилось в этимологии самих слов *душа*, *Seele* и *soul*. Так, в русском языке слово *душа* связано со стихией воздуха, в английском и немецком – со стихией воды. Такое наименование произошло не от недостатка в словах и не от ограниченности древнего человека, а от тесной связи его с природой и от веры в то, что душе, как и природе, свойственны чудесные превращения. Осколками таких метаморфоз в анализируемых нами языках являются метафоры и фразеологизмы с этими словами. Таким образом, «прототипической душой» в русском, немецком и английском язы-

ках является *душа-первоэлемент, душа-стихия*. В арийский период у славян, германцев и англосаксов было много общего в представлении и понимании души. Основным же является то, что между материальным и духовным (или душевным) не существовало ещё непроходимой границы, так как предок на той стадии своего развития не мог пока возвыситься над чувственным и материальным. Это общее основание, как показал проведённый нами сравнительный анализ, осталось у этих народов и тогда, когда они под влиянием изменившихся исторических, природных и других условий изменили свои первоначальные представления о душе.

Лексикографическая репрезентированность данного концепта такова: в "Философском энциклопедическом словаре "душа" в обычном словоупотреблении - совокупность побуждений сознания (и вместе с тем основа) живого существа, особенно человека, антитеза понятий тела и материи. Философский энциклопедический словарь даёт следующее определение: душа - в отличие от индивидуального духа - совокупность тесно связанных с организмом психических явлений, в частности чувств и стремлений (витальная душа)" [3; с. 147]. Результат наблюдений над душой в этом смысле анализируют психологи (душа - греч. *psyche*, лат. *anima*). До Нового времени предметом метафизики был вопрос, является ли душа субстанцией. При возникновении древних представлений о душе как дыхании извне использовались наблюдения над дыханием живого существа, которое у мертвого исчезало (потому-

де, что мертвый "выдыхал" душу). Исследователи отмечают, что соответствующие наблюдения над кровью и исчезновением души при большой потере крови (вследствие смертельного ранения и т.п.) привели к тому, что в крови стали видеть носительницу души. Отсюда переживание сна, в частности, обусловило представление о душе, существующей независимо от тела. Философское понимание души как субстанции привело к тому, что ей сначала приписываются свойства "тончайшего вещества... По Платону, душа является нематериальной и предшествует существованию. Аристотель называет ее первой энтелехией (целеустремленность, целенаправленность как движущая сила, активное начало) жизнеспособного тела, только разумная душа человека (дух) может быть отделена от тела и является бессмертной" [там же; с.146]

Душа наша существовала до того, как мы родились. Душа - своего рода гармония, слагающаяся из натяжения телесных начал. То, что видит душа, умопостигаемо и безвидно. Душа бессмертна и неуничтожима.

Душа умершего продолжает существовать и обладает способностью мыслить" [1; с. 92-93]. Концепт "душа" как основная составная часть включен во все религии мира: представление о душе, дарованной Богом, о ее бессмертии является основой священного верования. Согласно пониманию некоторых отцов церкви, душа материальна (Тертуллиан), другие же считают ее духовной (Августин), но господствующим в христианстве

является понимание души как непространственной, нематериальной субстанции.

В настоящее время, как во времена античности и романтизма, снова часто проводят различие между душой и сознанием: душа - носительница ритмично протекающих жизненных процессов, в то время как сознание - в противоположность душе - прерывно. Вся история цивилизации, история развития человеческого знания, философии, искусства может рассматриваться с определенных позиций как история развития концепций Человека и Души.

Проблема души в истории развития науки также неоднократно становилась центральным объектом изысканий и дискуссий. Великий психофизиолог В.М. Бехтерев отмечал в этой связи: "Наиболее видным представителем спиритуалистического воззрения этого вида был Лейбниц, по учению которого душа, как монада, представляется несравненно выше других подчиненных ей монад тела... Так как душа по этому взгляду представляется неделимой сущностью, то нетрудно представить себе, почему под влиянием этого учения возникла мысль, что душа должна помещаться в какой-либо одной точке мозга, собирающей в себя отовсюду мозговые волокна, при посредстве которых она и получает возбуждения с периферии тела. За такую точку странным образом признавалась одно время, согласно учению Картезия, шишковидная железа (gl. pinealis), а в другое время - мозговой придаток, или мокротная железа (gl. pituitaria)... затем был выработан не менее

странный взгляд, по которому душа, смотря по надобности, переходит с одного места в другое и таким образом участвует в различных процессах, совершающихся в той или другой части мозга" Бехтерев 31-32. Естественно, все это обусловило специфику формирования и экспликации в языковой картине мира народа, отдельной личности, социума основных конструктивных языковых единиц, обладающих семой "душа". В "Словаре русского языка" душа определяется как "1. Внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.п. 2. Совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека" Ожегов. Всего в словарной статье дано 6 определений данного суперконцепта, что свидетельствует о многообразии семантических и понятийных модификаций, о возможностях интерпретации этого понятия в зависимости от интенции личности, от его языковой картины мира, языкового сознания и т. п.

Как показывают наблюдения, душа субъекта эксплицируется и определяется в художественном дискурсе через эмоционально-экспрессивное пространство, речевым/языковым экспликативом которого выступает континуум особых образных, оценочно-ассоциативных лексических единиц. Каждая конкретная семантико-психологическая и эмоционально-эстетическая реализация концепта "душа" в границах художественного дискурса определяется особенностями языкового сознания личности.

Образно-смысловая доминантность суперконцепта "душа" в русском национальном самосознании прослеживается не только на понятийном, концептуально-онтологическом уровне, но и на лексико-фразеологическом, что наиболее рельефно представлено в лексикографическом пространстве (см. словари толковые, фразеологические, русского языка, пословиц и поговорок, идиом, образных средств русского языка, философские и т. д.).

Языковая экспликация данного феномена широко представлена и на морфологическом, словообразовательном, деривационном - в широком смысле слова - уровнях. Так, в "Словообразовательном словаре русского языка" А. Н. Тихонова зафиксировано 132 производные единицы, созданные на базе производящей лексемы "душа". Каждая из этих единиц актуализирует в дискурсе не только эксплицитный, но и имплицитный смысловой пучок, приобретая, в зависимости от интенций языковой личности, дополнительные окказиональные экспрессивно-эмоциональные оттенки. В этом смысле элементы концептуально-эмоциональной дистрибуции поликонденсата "душа", вплетаясь в образно-художественную ткань дискурса, участвуют в реконструкции и структурировании неповторимой личностной ауры творца текста.

Характерно, что понятие души в христианской традиции неразрывно связано с понятием "живое": "живая душа", "дух жизни", "давать духу" = "давать жизни", "живым духом", "душа болит", "душа горит",

"душа перевернулась", "отводить душу", "надрывать душу" и т. п. Наблюдается дистрибуция лексем, феноменов и понятий "душа" и "дух".

"Дух - перевод встречающихся в античной философии и в Библии слов "spiritus" (лат.) и "pneuma" (греч.), что означает "движущийся воздух", "дуновение", "дыхание" (как носитель жизни); душа как сущность, которая может временно или навсегда покинуть тело, привидение, сама жизнь (Гете: "Ибо жизнь-это любовь, а жизнь жизни - дух"), сущность Бога: "Бог есть дух", сама внутренняя сущность земли или мира, дух земли, мировой дух, идейное содержание произведений искусства.

Употребляемое в настоящее время философское понятие духа, как противоположного природе, сложилось в период романтики и идеализма, а особенно у Гегеля ("Дух обнаруживается как исполинский знак интеграла, соединяющий небо и землю, добро и зло" - Дрейер). Дух не является противником души, как считает Клагес, хотя душа (как понятие жизненной энергии человека) есть носитель духа, подтачивающего ее силы. Но вместе с тем дух сохраняет и защищает жизнь, возвышает, совершенствует ("одухотворяет") телесную деятельность.

Дух выступает в трех формах бытия: как дух отдельного индивида (личный дух), как общий дух (объективный дух) и как объективированный дух (совокупность завершенных творений духа). Личный дух становится самим собой благодаря врастанию индивида в область

объективного духа, в духовную сферу, культуру, которую он находит и которую может (частично) усвоить с помощью воспитания и образования. Это вращение есть его становление человеком, поскольку под человеком понимается живое существо, отличающееся своей духовностью, т. е. своим свободным существованием. Как носителем личного духа является психический склад отдельного индивида, так носителем объективного духа является какая-либо общность (группа, народ, группа народов).

Характерно, что концепты "душа" и "дух", являющиеся в русском языке изомотивированными, однокоренными, в чем прослеживается их понятийная, смысловая, эмоционально-образная изоморфность и синментальность, а иногда и тождественность, генетически восходят к разным корням в греческом и латинском языках: дух - *pneuma*, душа - *psyche* (в греч.); дух - *spiritus*, душа - *anima* (в лат.) Исторические судьбы этих феноменов в языке и философии, естественно, оказались не совсем идентичными в самих греческом и латинском языках. В словаре В. Даля даны следующие дефиниции, запечатлевшие когнитивно-психологические и эмоционально-онтологические корреляции, присущие русскому национальному сознанию (и самосознанию): "Дух - бестелесное существо, обитатель не вещественного, а существенного мира, бесплотный житель недоступного нам духовного мира. Относя слово это к человеку, иные разумют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе высшую искру Божества, ум и

волю, или же стремление к небесному" [2; с 503].

"Душа - бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею, в общем значении человек, с духом и телом. Душа также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство, напр. Душа есть бесплотное тело духа, в этом значении дух выше души" там же. Примечательно, что к словарной статье "Душа" в этом словаре дано примечание: "Дух и душа отделены здесь в разные статьи только для удобства приискания производных" [там же].

"Образ души" у различных авторов приобретает специфические психолого-эмоциональные и семантические очертания. Как уже отмечалось, этот суперконцепт трудно дифференцировать и однозначно (для реципиента) дефинировать в силу семантико-когнитивной многогранности, неопределенности его текстовой (речевой) субстанциональности.

Наблюдения показывают, что как живая сущность, душа не только генерирует и отражает чувства, она и "сама" может их испытывать, функционально уподобляясь субъекту речи. С помощью различных тропических модификаций достигается единство образа, его целостность, оживляются древние ассоциативно-смысловые связи слов. Важнейшей универсальной единицей субстанционально-семантической структуры эксклюзивно-ментального суперконцепта "душа" является, как видно из речевых реализаций, семема "живое". На это указывает как тип и характер контекста, так и лексическое окружение лексемы "ду-

ша" в разных текстах, их интенциональный рисунок. В отличие от общепринятой оппозиции "живое-неживое" концепт "душа" актуали-

зирует семему "бессмертие", что закреплено языковой и духовной традицией.

Литература

1. Бехтерев В.М. Психика и жизнь: избранные труды по психологии личности. Т.1. СПб., 1999 – 116с.
2. Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка. Т. 1-4, М., 1989 – 820с.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997. 286с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944с.
- 5 Платон. О душе // Таранов П. Мудрость трех тысячелетий. М., 1997. – 212с.
6. Философский энциклопедический словарь. М., 1997 – 326с.

Zhuravleva E. A.

Concept “SOUL” in Russian national mentality

The article deals with the way bearers of National Russian mentality see concept “SOUL” and looks into the way which main world philosophical views influence it.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

**Воронежского государственного архитектурно-строительного
университета**

Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

2007 г., выпуск 3

Научный журнал

Отпечатано в авторской редакции

Подписано в печать . Формат 60x84/8. Уч.-изд. л. 16,3.
Усл.-печ. л. 16,4. Бумага писчая. Тираж 100 экз. Заказ №

—
Отпечатано: отдел оперативной полиграфии
Воронежского государственного архитектурно-строительного университета
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84